

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Минский государственный лингвистический университет

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

*Рекомендовано учебно-методическим объединением
в сфере высшего образования Республики Беларусь
по лингвистическому образованию
в качестве хрестоматии для специальностей
«Современные иностранные языки (по направлениям)»;
«Переводческое дело (с указанием языков)»;
«Современные иностранные языки (с указанием языков)»*

Составители З. А. Харитончик, Г. Н. Третьякова

Минск
МГЛУ
2025

УДК 801 (075,8)
ББК 81
Я 41

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор *А. А. Романовская* (МГЛУ); доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка *И. Э. Ратникова* (БГУ)

Язык и культура : хрестоматия для специальностей «Современные Я41 иностранные языки (по направлениям)»; «Переводческое дело (с указанием языков)»; «Современные иностранные языки (с указанием языков)» / сост. З. А. Харитончик, Г. Н. Третьякова. – Минск : МГЛУ, 2025. – 128 с.

ISBN 978-985-28-0291-8

Хрестоматия включает полностью или в сокращенном виде наиболее значимые, ставшие классическими работы по проблеме соотношения языка и культуры и предназначена студентам филологических факультетов учреждений высшего образования, аспирантам, преподавателям и научным работникам.

УДК 801 (075,8)
ББК 81

Электронная версия учебного издания
доступна в электронной библиотеке МГЛУ
по ссылке e-lib.mslu.by или по QR-коду

ISBN 978-985-28-0291-8

© Харитончик З. А., Третьякова Г. Н., 2025
© Минский государственный
лингвистический университет, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
-------------------	---

СООТНОШЕНИЕ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В КЛАССИЧЕСКИХ РАБОТАХ XIX–XX ВЕКОВ. ГИПОТЕЗА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

<i>Гумбольдт В. фон.</i> О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества.....	5
<i>Гумбольдт В. фон.</i> О двойственном числе.....	7
<i>Сепир Э.</i> Язык и среда	12
<i>Сепир Э.</i> Статус лингвистики как науки.....	24
<i>Уорф Б. Л.</i> Отношение норм поведения и мышления к языку.....	25

ПАРАЛЛЕЛИ В ОРГАНИЗАЦИИ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

<i>Степанов Ю. С.</i> Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Вводные статьи. Культура.....	38
<i>Степанов Ю. С.</i> Язык и метод. Факты и первые объяснения	46

ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

<i>Ладо Р.</i> Лингвистика поверх границ культур	52
<i>Гак В. Г.</i> Языковые преобразования.....	70

КУЛЬТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ПЕРЦЕПТИВНЫХ ПРОЦЕССАХ И УСВОЕНИИ ЯЗЫКА

<i>Коул М.</i> Культурно-историческая психология. Наука будущего.....	82
---	----

ЯЗЫК И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

<i>Вежбицкая А.</i> Семантические универсалии и описание языков	93
<i>Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.</i> Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)	106
<i>Шмелев А. Д.</i> Лексический состав русского языка как отражение «русской души»	112
<i>Шмелев А. Д.</i> Дух, душа и тело в свете данных русского языка	117
<i>Зализняк А. А.</i> Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира	119

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

I. Сведения об ученых, чьи работы включены в <i>Хрестоматию</i>	124
II. Информация об ученых, упоминаемых в текстах <i>Хрестоматии</i>	126

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хрестоматия включает статьи и монографии, объединяемые общей проблемой соотношения языка, сознания, культуры. Интерес к данной проблеме восходит к глубокой древности. Однако наиболее ясно эти вопросы были сформулированы в трудах выдающегося немецкого языковеда В. фон Гумбольдта, заложившего основания философии языка, в работах американских ученых Э. Сепира и Б. Л. Уорфа, чьи взгляды легли в основу концепции, известной как теория лингвистической относительности.

Широкое сопоставление языковых систем, ставшее возможным вследствие полученных описаний различных языков, в том числе и экзотических, и превратившееся в XX в. из сравнения отдельных фактов в сравнение на уровне систем и подсистем, требует научных обобщений и объяснения имеющихся данных. Многочисленные, весьма убедительные, доказательные и ставшие уже тривиальными факты языковых различий создают базу для различных интерпретаций, с одной стороны, семиотической природы соотношения языка как формы и мышления как формирующего содержание языковых единиц и, с другой стороны, семиотического соотношения между реальным поведением носителей языка и его осознанием в виде культурных явлений. Становление когнитивного направления в лингвистике, сторонники которого надеются путем когнитивного анализа видения мира, запечатленного в разных языковых системах, проникнуть в некоторые скрытые от прямого наблюдения процессы речемыслительной деятельности человеческого мозга, а также активизация исследований функциональных аспектов речевой деятельности придали указанной проблематике особую актуальность и значимость. Это нашло отражение в огромном количестве работ, посвященных анализу связи языковых явлений и мыслительных процессов, связи языковых различий и национально-культурных особенностей носителей соответствующих языков.

Предлагаемые в хрестоматии труды отражают гамму мнений и воззрений по поводу роли языка в когнитивной и социальной деятельности людей (за исключением прямого и грубого отождествления языка и мышления, реального мира и его отражения). Естественно, что ограничения объема не позволили включить в хрестоматию все работы в этой области. Составителями были отобраны наиболее значимые, по их мнению, ставшие классическими труды, тексты которых даны полностью или в сокращенном виде с незначительными техническими изменениями (снятие цитируемых источников, отсылок к другим трудам и т.д.). Список включенных в хрестоматию работ в данном издании дополнен разработками Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелева в области указанной проблематики.

С целью оказания помощи в содержательном анализе тексты сопровождаются вопросами и заданиями.

З. А. Харитончик

СООТНОШЕНИЕ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ
В КЛАССИЧЕСКИХ РАБОТАХ XIX–XX ВЕКОВ.
ГИПОТЕЗА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

В. фон Гумбольдт

**О различии строения человеческих языков
и его влиянии на духовное развитие человечества**

<...> Язык тесно переплетен с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры. <...>

Создание языка обусловлено внутренней потребностью человечества. Язык – не просто внешнее средство общения людей, поддержания общественных связей, но заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения, а этого человек только тогда сможет достичь, когда свое мышление поставит в связь с общественным мышлением.

<...> Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное. Каким образом оказывается, что они сливаются в единый и недоступный пониманию источник, остается для нас загадкой. Впрочем, не пытаясь определять приоритет одного или другого, мы должны видеть в духовной силе народа реальный определяющий принцип и подлинную определяющую основу для различий языков, так как только духовная сила народа является самым жизненным и самостоятельным началом, а язык зависит от нее. <...>

В практических целях очень важно не останавливаться на низшей ступени объяснения языковых различий, а подниматься до высшей и конечной и в качестве твердой основы для объяснения влияния духовного начала на образование языков принять то положение, в соответствии с которым строение языков человеческого рода различно потому, что различными являются духовные особенности наций. <...>

Язык следует рассматривать не как мертвый продукт (Erzeugtes), но как с о з и д а ю щ и й п р о ц е с с (Erzeugung)...

По своей действительной сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее. Даже его фиксация посредством письма представляет собой далеко не совершенное мумиеобразное состояние, которое предполагает воссоздание его в живой речи. Язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energeia)... <...>

<...> Язык есть орган, образующий мысль (Die Sprache ist das bildende Organ des Gedanken). Интеллектуальная деятельность, совершенно духовная, глубоко внутренняя и проходящая в известном смысле бесследно, посред-

ством звука материализуется в речи и становится доступной для чувственного восприятия. Интеллектуальная деятельность и язык представляют собой поэтому единое целое. В силу необходимости мышление всегда связано со звуками языка; иначе мысль не сможет достичь отчетливости и ясности, представление не сможет стать понятием.<...>

<...> При анализе порождений языка представление, будто он просто обозначает предметы, воспринятые сами по себе помимо его, тоже не подтверждается. Больше того, положившись на это представление, мы никогда не постигнем язык во всей глубине и полноте его содержания. Как ни одно понятие невозможно без языка, так без него для нашей души не существует ни одного предмета, потому что даже любой внешний предмет для нее обретает полноту реальности только через посредство понятия. И наоборот, вся работа по субъективному восприятию предметов воплощается в построении и применении языка. Ибо слово возникает как раз на основе этого восприятия; оно есть отпечаток не предмета самого по себе, но его образа, созданного этим предметом в нашей душе. Поскольку ко всякому объективному восприятию неизбежно примешивается субъективное, каждую человеческую индивидуальность, даже независимо от языка, можно считать особой позицией в видении мира...

<...> в каждом языке заложено самобытное мирозерцание. Как отдельный звук встает между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне. Человек окружает себя миром звуков, чтобы воспринять в себя и переработать мир вещей. Эти наши выражения никоим образом не выходят за пределы простой истины. Человек преимущественно – да даже и исключительно, поскольку ощущение и действие у него зависят от его представлений, – живет с предметами так, как их преподносит ему язык. Посредством того же самого акта, в силу которого он сплетает (*herauspinnt*) язык изнутри себя, он вплетает (*einspinnt*) себя в него; и каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка. <...>

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 48–80.

Вопросы и задания

1. Какими факторами объясняет В. фон Гумбольдт создание языка?
2. В чем видит В. фон Гумбольдт принцип и основу для установления различий языков?
3. Какую роль, по мнению В. фон Гумбольдта, играет язык по отношению к мышлению? К культуре?
4. Как В. фон Гумбольдт определяет направление зависимости, устанавливающейся между языком и культурой?

О двойственном числе

«Ex quo intelligimus, quantum dualis
numerus, una et simplice compage
solidatus, ad rerum valeat perfectionem».

(*Lactantius de opificio dei*).

Среди многообразных путей, по которым должно двигаться сравнительное языкознание, чтобы разрешить вопрос о том, как всеобщий человеческий язык проявляется в отдельных языках различных наций, бесспорно, один из прямо ведущих к цели – это последовательное наблюдение за каким-либо частным фрагментом языка во всех известных языках земного шара. Такое наблюдение можно проделывать либо с отдельными словами или классами слов, если интересны способы обозначения понятий, либо с грамматической формой, если думать о речеобразовании. И то и другое многократно уже предпринималось, однако обычно в поле рассмотрения попадало лишь случайным образом выбранное ограниченное количество языков и не выполнялось требование полноты охвата, отнюдь не маловажное в исследовании такого рода.

Если обозревать то, как грамматическая форма – ибо я в соответствии со стоящей ныне предо мной задачей остановлюсь именно на ней – в различных языках выдвигается на первый план или же остается в тени, получает своеобразные модели, связывается с другими формами, выражается непосредственно или описательно, то подобное сопоставление весьма часто бросает совершенно новый свет как на природу этой формы, так и на характеристику отдельных языков, привлекаемых к рассмотрению. В таком случае можно сравнить особенные свойства, характерные для такой формы в различных языках, со свойствами, присущими в этих языках прочим грамматическим формам, и тем самым оценить всю их грамматическую природу в целом, равно как и их грамматическую последовательность. Что же касается самой формы, то при таком подходе реальное ее употребление противопоставляется тому, которое можно вывести из ее чистого понятия, а это предостерегает от того одностороннего стремления к системности, которому неизбежно подвержен исследователь, желающий определить законы реально существующих языков исходя из абстрактных понятий. Как раз за счет того, что рекомендуемая здесь практика преследует как можно более полное освещение фактов, но неизбежно сочетает с ним и обращение к чистым понятиям, чтобы внести единство в многообразие и выбрать правильную исходную основу для наблюдения и оценки отдельных различий, она избегает опасности, которая иначе равным образом грозит сравнительному языкознанию как со стороны исключительного предпочтения исторического пути, так и философского. Ни один исследователь, занятый подобными штудиями, склонности и талант которого

увлекают его на один из этих двух путей, не должен забывать, что язык, исходя из глубин духа, законов мышления и из человеческой организации в целом, все же воплощается в действительность в отдельной личности и вновь модифицируется через отдельные свои проявления, а потому изучение его требует совместного, методически правильно организованного применения чистого мышления и строго исторического исследования.

Второй полезный аспект описания грамматических форм на материале всех языков заключается в сравнении различной трактовки этих форм с культурным и собственно языковым состоянием наций. Предполагает ли или обуславливает определенная ступень развития языка определенный уровень культуры; коренятся ли определенные особенности африканских и американских языков только в недостаточно развитом уровне цивилизации, в целом присущем народам, на них говорящим, или же они обусловлены другими причинами, которые только предстоит выяснить, – все это вопросы чрезвычайной важности. Ответ на них связывает сравнительное языкознание с философской историей человечества и открывает перед последним лежащие далеко впереди высшие цели. Верно, что изучение языка должно производиться ради себя самого. Но в то же время, как и любая другая область научного исследования, оно отнюдь не заключает в себе конечной цели, а вместе со всеми прочими областями служит высшей и общей цели совместных устремлений человеческого духа, цели познания человечеством самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя.

Я не думаю, что поставленные выше вопросы могут быть когда-либо полностью разрешены даже в результате очень полного и точного языкового исследования. Время утаило от нас слишком много сведений как о языках, так и об уровне развития наций, и сохранившиеся фрагменты не дают оснований для окончательного суждения. Но мой предшествующий опыт многократно показывал мне, что пристальное внимание к этим вопросам приводит к отдельным весьма ценным объяснениям и в любом случае позволяет избежать ошибок, а также опровергает предвзятые суждения.

При подобном исследовании необходимо обращать внимание не просто на хозяйственное и общественное состояние наций, но преимущественно на судьбы, которые претерпели их языки, насколько об этих судьбах можно судить по их строению или по историческим данным. Так, к примеру, изящный и совершенный грамматический строй латышских языков, ныне практически превратившихся в народные говоры, совершенно не зависит от культурного уровня народов, на них говорящих, но обусловлен лишь хорошей сохранностью остатков первоначально высокоразвитого языка.

Наконец, существует ли лучшее средство, чем наблюдение за одной и той же грамматической формой в большом количестве языков, для более полноценного ответа на вопрос, какая степень сходства в грамматическом строении делает правомерным заключение о родстве языков? Странно, что ни для какой другой цели языкознание пока не использовалось столь многообразно, так, что даже сейчас очень многие все еще склонны ограничивать его применение только этой целью, и притом до сих пор отсутствуют

должным образом удостоверенные законы оценки родства языков и степени этого родства. Я убежден в том, что метод, обычно применявшийся до сих пор, достаточен, быть может, для распознавания очень близко родственных языков, а также для констатации абсолютного различия между ними, хотя последнее уже требует гораздо большей осторожности. Однако между этими двумя крайними точками, то есть как раз там, где решение задачи наиболее необходимо, в законах, как мне кажется, обнаруживаются такие колебания, которые не позволяют относиться к их применению с какой-либо степенью доверия. Ничто не было бы столь же важно как для языкознания, так и для истории, как установление этих законов. Но оно связано с большими трудностями и требует предварительной работы по многим направлениям. Прежде всего, должно быть подвергнуто анализу гораздо больше языков, чем до сих пор, и некоторые из уже описанных языков требуют более тщательного описания. Для того чтобы успешно сравнить друг с другом грамматически даже два слова, необходимо каждое из них в том языке, которому оно принадлежит, должным образом подготовить к сравнению. Пока следуют, как это довольно часто происходит, лишь общему сходству звучания, не изучив предварительно звуковых законов самих языков и их аналогий, нельзя избежать двух опасностей: принять связанные слова за различные, а различные за связанные, не говоря уже о более грубых, но все еще не редких случаях, когда сравниваемые слова берутся не в своей исходной форме, а включают в свой состав неотожествленные суффиксы и окончания. Затем исследование должно обратиться к изменениям языков на протяжении столетий, чтобы определить, какие особенности объясняются просто ходом времени. После обработки отдельных языков, которая одна может предоставить чистый и готовый к использованию материал, необходимо сравнение тех из них, взаимосвязь которых действительно исторически засвидетельствована, чтобы впоследствии быть в состоянии по аналогии оценивать иные случаи. И, наконец, большую пользу могло бы принести предпринимаемое здесь прослеживание отдельных грамматических форм по всем известным языкам. Ведь только таким образом можно показать, как языки, сходные между собой в отдельных моментах, оказываются противопоставленными друг другу в других аспектах и сколь велико или мало влияние отдельных форм на языковое устройство в целом. Само собой понятно, что, кроме такой чисто языковой подготовительной работы, необходимо и основанное на исторических источниках изучение того, как нации разветвляются, смешиваются и вступают во взаимные связи. Только посредством объединения этих разнообразных исследований станет возможным установление законов, которые позволили бы распознать в языках те элементы, которые действительно исторически переходили из одного языка в другой. Всякая менее осторожная процедура всегда чревата опасностью спутать то, что действительно обязано своим существованием родству, с вторичными формами, появившимися с течением времени, или же с тем, что возникает независимо в различных местах и в различное время в совершенно не связанных друг с другом языках, просто в силу сходных предпосылок. Уже из всего вышесказанного вытекает, что при каждом

исследовании такого рода основное место должно занимать изучение грамматики. Оно приносит при этом двоякую пользу: опосредованную, поскольку подготавливает слова к сравнению, и непосредственную, поскольку доказывает совпадение или же различие грамматического строя. Только из работы подобного рода с определенностью может вытекать то, что никогда нельзя выяснить путем простого сравнения слов – а именно действительно ли сравниваемые языки имеют общее происхождение или же они всего лишь обменивались друг с другом словами. Поэтому, только следуя по такому пути, можно составить определенное представление о тех степенях разделения и объединения народов, которым соответствуют определенные степени родства диалектов. Однако во всех исследованиях такого рода под *родством* нужно понимать только *историческую взаимосвязь*, не вкладывая слишком много веса в буквальный смысл этого слова. Последнее по причинам, которые здесь было бы излишним излагать, приводит к многочисленным заблуждениям.

Мне кажется, что здесь, как и во многих других областях, еще долгое время придется ограничиваться отдельными исследованиями, прежде чем удастся установить нечто общее. Но тем не менее уже сейчас, пусть в определенных границах, необходимо общее, хотя бы в том объеме, которым уже обладает языкознание, – то общее, которое вытекает из чистых идей; и нужно, по мере необходимости, время от времени обзирать, сколь далеко в соответствии с современным состоянием частных исследований мы продвинулись в построении здания науки в целом. Только двух вещей нельзя никогда и никоим образом допускать – применения понятий в тех областях, на которые они не распространяются, и выводов общего характера, основанных на неполноценных наблюдениях.

Если полное описание отдельных грамматических форм может принести, как это показано выше, столь разнообразную пользу, то само собой отсюда вытекает, что подобное описание должно быть предпринято именно с таких различных позиций. Уже поэтому я позволил себе сделать эти вводные наблюдения, которые иначе могли бы показаться отступлением от моей основной темы.

То, что в настоящем опыте мой выбор пал именно на двойственное число, можно оправдать (если этот выбор нуждается в оправдании) хотя бы тем, что среди всех грамматических форм данная, возможно, легче всего отделяется от грамматического строения в целом, поскольку менее глубоко в него проникает. Это обстоятельство, как и то, что двойственное число встречается в не слишком большом количестве языков, облегчает его исследование принятым в данной работе методом. Ибо, хотя я убежден, что описание отдельных грамматических форм можно осуществить во всех без исключения случаях, все же некоторые из них, как, например, местоимение и глагол – последний даже и в том, что касается его общего категориального значения, – столь глубоко вплетены в грамматическое строение в целом, что их описание в каком-то смысле явилось бы описанием всей грамматики. Это, естественно, затрудняет исследование.

Наш выбор двойственного числа подсказан еще и тем, что наличие этой примечательной языковой формы равно хорошо объясняется как естественным чувством некультурного человека, так и утонченным языковым сознанием высокоразвитого. Действительно, с одной стороны, его можно обнаружить у некультурных наций – гренландцев, новозеландцев и т. п., – а с другой стороны, оно сохранилось в наиболее развитом диалекте греческого – аттическом.

При сравнении нескольких языков, в основе которого лежит одна и та же грамматическая форма, как мне кажется, необходимо выбирать формы, стоящие на низших ступенях грамматического членения, для того чтобы не подвергнуться опасности оторвать друг от друга явления тесно взаимосвязанные. Таким образом, объем нашего исследования ограничивается, и мы можем глубже проникнуть в отдельные особенности. Поэтому я выбрал двойственное число, а не число вообще, хотя мне и придется постоянно обращать внимание на тесно связанное с двойственным множественное число. Однако для множественного числа понадобится свое собственное исследование.

*Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры.
М., 1985. С. 382–387.*

Вопросы и задания

1. Какой метод установления общих свойств языка предлагает В. фон Гумбольдт? Каковы преимущества и недостатки данного метода? В каких исследованиях XIX–XX вв. данный метод нашел успешное применение?
2. Найдите в тексте подтверждение тому, что В. фон Гумбольдт базируется на системном подходе в сопоставлении языковых фактов. Как В. фон Гумбольдт понимает системность и возможны ли другие трактовки данного понятия?
3. Какие перспективы для изучения взаимосвязи языка и культуры открывает, по мнению В. фон Гумбольдта, описание языковых явлений в разных языках мира?
4. Существует ли, по мнению В. фон Гумбольдта, связь между развитостью культуры и развитостью языка? Какие аргументы приводит В. фон Гумбольдт в защиту своего тезиса о связи языка и культуры? Проанализируйте эти аргументы.
5. Можно ли путем сопоставления лексических единиц установить общее происхождение языков? Что понимается В. фон Гумбольдтом под родством языков?
6. В связи с чем В. фон Гумбольдт упоминает о важнейшей методологической установке – не допускать выводов общего характера, основанных на неполноценных наблюдениях, и не распространять понятия на чуждые им сферы – при проведении научного исследования? К чему может привести игнорирование данной установки при анализе языковых фактов?

Язык и среда

В настоящее время наблюдается отчетливая тенденция объяснять многие явления человеческой цивилизации как результат воздействия окружающей среды, в которой эта цивилизация существует. Есть даже и совершенно крайняя точка зрения, сводящая все проявления человеческой жизни или мысли к влиянию среды.

Я не имею намерения отстаивать или оспаривать положение о том, что явления окружающей среды в значительной мере воздействуют на характер культуры, так же как не собираюсь рассматривать вопрос о том, в какой степени влияние среды нарушается теми или иными факторами. Мне представляется, однако, что думать, будто бы любая особенность человеческой культуры может быть сведена к тому или иному физическому фактору окружающей среды, означает основываться на заведомо ложной посылке <...>

Важно, что в реальном обществе даже самое элементарное явление среды либо подкрепляется, либо трансформируется социальными факторами. Следовательно, любую попытку рассмотреть какой бы то ни было элемент культуры как обусловленный исключительно воздействием окружающей среды нужно считать заблуждением <...>

В целом, лучше всего пользоваться термином *среда* только по отношению к таким видам воздействия (главным образом, физического характера), которые не зависят от воли человека. Но, говоря о языке, понимаемом как система символов, отражающих явления и физического, и социального окружения, в которое помещена данная группа людей, было бы удобно включать в понятие среды как физические, так и социальные факторы.

В понятие физической среды входят географические особенности, например, топография страны (побережье, долина, равнина, плоскогорье или горная местность), климат, количество осадков и то, что может быть названо хозяйственной основой жизни людей – флора, фауна, минеральные ресурсы. Понятие социальной среды включает в себя разнообразные общественные факторы, которые формируют образ жизни и мышления каждого отдельного индивида. Среди наиболее важных социальных факторов – религия, мораль, формы политической организации общества и искусство.

В соответствии с принимаемой нами классификацией воздействующих факторов окружающей среды можно ожидать, что в языке должны быть отражены оба набора этих факторов, – если допустить, что язык подвергается материальному воздействию факторов, связанных с условиями существования его носителей. Точнее говоря, физическая среда отражается в языке, конечно, только через среду социальную. Так, например, простого факта существования какого-либо вида животных в физическом окружении того или иного народа недостаточно для возникновения обозначающего это

животное языкового символа. Для этого нужно, чтобы члены данной общности хорошо знали это животное и чтобы они испытывали к нему хоть некоторый интерес.

Иначе говоря, в том, что касается языка, любое воздействие окружающей среды в конечном счете сводится к влиянию среды социальной. И все же представляется полезным разграничивать такие социальные факторы, которые более или менее явно восходят к факторам физической среды, и такие, которые очевидным образом с воздействием физической среды не связаны. Подвергаться воздействию в языке может либо его значимая сторона – содержание (т.е. словарь), либо фонетическая система (т.е. система звуков, использующихся для построения слов), либо, наконец, его грамматическая форма (т.е. формальные процессы и логические или психологические классификации, используемые в речи) <...>

Наиболее отчетливо отражается физическая и социальная среда в словарном составе языка. Полный словарь того или иного языка не без оснований можно рассматривать как комплексный инвентарь всех идей, интересов и занятий, привлекающих внимание данного общества; окажись в нашем распоряжении такой полный тезаурус языка какого-либо племени, мы могли бы составить себе достаточно точное представление о физической среде и основных особенностях культуры людей, говорящих на этом языке.

Не так уж трудно привести примеры языков, словарь которых несет на себе печать той физической среды, в которой существуют его носители. В наибольшей мере это относится к языкам примитивных народов, так как их культура не достигла еще такой степени сложности, чтобы интегрировать в себе практически все человеческие интересы. С этой точки зрения языки примитивных народов оказываются сопоставимыми с языками некоторых особых подгрупп в составе более цивилизованных народов.

Типичный словарь племени американского побережья, такой, например, как словарь индейцев нутка с его точными обозначениями для множества видов морских животных, позвоночных и беспозвоночных, можно сравнить со словарем языка рыболовов-басков, живущих на юго-западе Франции и на севере Испании.

По контрасту с языками таких «прибрежных» народов можно отметить языки жителей пустынных плато, например южных пайутов в Аризоне, Неваде и Юте. В словарях этих народов мы находим обозначения многочисленных географических особенностей, которые в некоторых случаях кажутся слишком детальными для того, чтобы иметь практическое значение. Вот некоторые из известных нам топографических терминов: водораздел; риф; песчаная равнина; полукруглая долина; круглая долина или лощина; часть горной равнины, ограниченная хребтами; безлесная ровная долина, окруженная горами; равнина; пустыня; хребет; плато; безводный каньон; каньон с небольшой речкой; старое русло реки; узкое глубокое ущелье; склон горы или каньона, освещаемый солнцем; неосвещаемый солнцем склон горы или каньона; холмистая местность, пересеченная несколькими хребтами, – и множество подобных.

Важно отметить, что в сильно специализированных словарях нутка и южных пайутов отражаются не сами по себе фауна или особенности рельефа, а именно заинтересованность людей в этих свойствах среды их обитания. Если бы нутка добывали себе пищу, охотясь на суше или разводя овощи, то, без сомнения, их словарь не был бы в такой степени насыщен «морскими» терминами, несмотря на их жизнь вблизи моря. Столь же очевидно, что насыщенность языка пайутов топографическими терминами, которые были перечислены выше, обусловлена тем, что такая подробность обозначений просто необходима для жителей этой негостеприимной полубезводной местности, где нужно очень точно описывать, например, местоположение любого родника, а в ряде случаев это возможно лишь через указание на особенности рельефа.

На прямо противоположном примере английского языка можно еще нагляднее показать, что заинтересованность носителей языка в особенностях окружающей среды в значительно большей степени, нежели само наличие этих особенностей, предопределяет словарный состав языка. Тот, кто не занимается ботаникой и не интересуется народной медициной или другими проблемами, связанными с ботаникой, вряд ли будет в состоянии назвать бесчисленные виды растений, составляющие его окружение, как-нибудь иначе, чем просто *сорняк*. В то же время в языках некоторых индейских племен, пропитание которых в значительной степени составляют корни и семена диких растений и тому подобные «овощи», могут быть представлены весьма точные обозначения для каждого из этих неразличимых с нашей точки зрения сорняков. Часто даже используются различные названия для разных состояний одного и того же вида растений – в зависимости от того, сырое оно или как-то приготовлено, в зависимости от его цвета или от степени его созревания <...>

Чем более необходимым представляется носителям данной культуры проводить разграничение в пределах данного круга явлений, тем менее вероятно существование в их языке общего для них понятия. И наоборот, чем меньшее значение имеют некоторые элементы среды для данной культуры, тем больше вероятность того, что все они покрываются единственным словом общего характера <...>

Существует очевидное различие между словами, которые являются просто словами и не способны к дальнейшему членению, и такими словами, которые, без сомнения, являются с формальной точки зрения вторичными и поддаются членению даже при поверхностном их рассмотрении. *Lion* ‘лев’ – это лев, и только, но *mountain-lion* ‘пума, пантера’ означает нечто большее, чем только соответствующее животное. Там, где для обозначения простого понятия используется прозрачный описательный термин, чаще всего оказывается, что представление о данном явлении среды появилось относительно недавно или, во всяком случае, относительно недавно появилось само слово <...>

Я останавливаюсь здесь на этой проблеме, ибо по тому, имеют ли лексические единицы прозрачный или непрозрачный характер, можно, с известными оговорками, судить о времени появления соответствующих понятий в языке. Если люди употребляют слово *lion*, то это значит, что данное животное известно им уже на протяжении многих поколений; использование же слова *mountain-lion* (букв. 'горный лев'), означает что они узнали о таком звере только вчера <...>

Если в словаре находят свое отражение основные элементы физической среды, то в еще большей степени это относится к элементам среды социальной <...> Отличия между богатыми, содержащими разветвленные понятия, словарями таких языков, как английский или французский, с одной стороны, и языками примитивных народов, с другой, действительно существуют, и обусловлены они в значительной степени тем, что имеется и существенная разница между очень сложной и сильно специализированной культурой франко- и англоговорящих народов Европы и Америки и относительно простой и недифференцированной культурой примитивных народов.

Подобное многообразие словарей, отражающих социальную среду, существует во времени так же, как и в пространстве, то есть система понятий, отражающих состояние культуры, а следовательно, и соответствующий лексикон, постоянно обогащаются и усложняются одновременно с процессом развития культуры данного общества. То, что словарь в значительной степени должен отражать уровень развития культуры, становится, таким образом, практически само собой разумеющимся, так как словарь, содержательная сторона языка, всегда выступает в виде набора символов, отражающих культурный фон данного общества.

Если под сложностью языка понимается тот круг разных интересов, который отражается в словаре, то становится очевидным и факт наличия постоянной корреляции между степенью сложности языка и культуры. Если же под сложностью языка понимать, в соответствии с традицией, уровень развития его морфологической или синтаксической системы, то подобной связи, конечно же, не существует.

В действительности можно даже привести свидетельства в пользу существования противоположной корреляции и утверждать, что имеется тенденция к упрощению морфологической системы языка в результате усложнения культуры. Примеры такого рода столь многочисленны, что приводить их нет необходимости, по крайней мере, здесь. Единственное, что заслуживает упоминания сейчас, это тот факт, что история английского и французского языков свидетельствует о постоянном упрощении грамматической структуры, начиная с первых зафиксированных образцов и до наших дней.

С другой стороны, вовсе не следует и переоценивать эту тенденцию. Существование целого ряда довольно простых языковых систем среди примитивных народов опровергает представление о строгом соответствии между уровнем развития или формой культуры и формальной организацией языка.

Существует ли еще какой-нибудь элемент структуры языка, кроме его содержательной стороны – словаря, в котором можно было бы обнаружить связь с физической или социальной средой существования носителей этого языка? Иногда утверждают, что от физической среды в той или иной степени зависит общий характер фонетической системы, так что языки тех людей, которые живут в горах или в других условиях, осложняющих борьбу за существование, вырабатывают режущие слух формы речи, в то время как у народов, которым природа благоприятствует, фонетические системы бывают очень приятными на слух.

Подобные теории столь же легко опровергнуть, сколь правдоподобными они кажутся. Нет, конечно, сомнений в том, что совсем не трудно привести множество примеров режущих слух фонетических систем в языках горцев (таковы, например, фонетические особенности кавказских языков); столь же легко найти примеры акустически очень приятных форм речи среди народов, живущих в благоприятнейших физических условиях.

Однако отнюдь не труднее указать и на прямо противоположные случаи. Так, аборигены северо-западного побережья Америки без особого труда находят себе пропитание в стране, изобилующей многочисленными формами съедобных морских животных; нельзя также сказать, что они живут в слишком суровых климатических условиях, однако по степени «фонетической резкости» язык их вполне может соперничать с кавказскими языками.

С другой стороны, наверное, ни один из народов не живет в более трудных физических условиях, чем эскимосы, а при этом фонетическая система их языка не только производит впечатление довольно приятное по сравнению с языками жителей северо-западного побережья, но и, пожалуй, превосходит в этом отношении языки американских индейцев в целом.

Конечно же, имеется немало случаев, когда языки с похожими фонетическими системами распространены на непрерывной территории с практически одинаковыми физическими условиями, хотя во всех этих случаях можно легко показать, что мы имеем дело не с непосредственным воздействием среды, а с менее очевидными психологическими факторами, сравнимыми, быть может, с теми, которые влияют на диффузию элементов культуры. Фонетические системы таких языков, как тлингит, хайда, цимшиан, квакиутль и салишские, похожи не потому, что их носители живут в одинаковых условиях среды, а потому, что они проживают на географически смежных территориях и поэтому могут оказывать друг на друга психологическое влияние.

Оставляя подобные общие рассуждения об отсутствии непосредственной связи между физической средой и фонетической системой в целом, укажем на некоторые поразительные случаи, с одной стороны, фонетического сходства между языками, на которых говорят в совершенно различных условиях и которые принадлежат к абсолютно разным культурным образованиям, а с другой стороны – на не менее удивительные примеры фонетических различий между языками, на которых говорят на

смежных территориях при одинаковых или очень сходных условиях и при одном и том же типе культуры. Примеры эти служат подтверждению высказанной ранее мысли.

Использование тонального акцента как средства различения слов свойственно китайскому и соседствующим с ним языкам Юго-Восточной Азии, эве и другим языкам западной Африки, готтентотскому языку в южной Африке, шведскому, языку тева в Нью-Мексико и языку такелма на юго-западе Орегона. В этом случае мы имеем дело с практически полным диапазоном всевозможных условий среды обитания и культуры.

Назализованные гласные имеют место не только во французском и португальском, но в таких языках, как эве, ирокезские и сиу <...> Гортанная смычка как значимый элемент системы представлена не только во многих, пожалуй, даже в большинстве языков американских индейцев, но также и в датском и в латышском (одном из балтославянских языков на западе России). Такие своеобразные звуки, как арабские «хриплое» hâ и «сжато-гортанное» ‘aîp обнаруживаются почти в таком же виде в нутка. И так далее до бесконечности.

С другой стороны, английский и французский языки с точки зрения обслуживаемых ими культур можно считать родственными, и в то же время они обнаруживают поразительные различия в своих фонетических системах.

Возвращаясь к американским аборигенам, мы видим, что две столь близкие – с точки зрения культуры – группы племен, как ирокезы и восточные алгонкины, говорят на языках, абсолютно непохожих друг на друга ни в области фонетики, ни в морфологии. Индейцы юрок, карок и хупа, живущие на крайне ограниченной территории северо-запада Калифорнии, образуют чрезвычайно тесное культурное единство; однако и здесь мы обнаруживаем, что различия между фонетическими системами их языков очень велики. И так далее до бесконечности.

По-видимому, не остается ничего иного, кроме как постулировать полное отсутствие корреляции между физической или социальной средой и фонетической системой языка как в том, что касается ее общего акустического облика, так и в распределении отдельных фонетических единиц.

Можно предположить, что отсутствие корреляции между типом фонетической системы языка и его средой объясняется довольно случайным характером самой фонетической системы. Яснее говоря, фонетическая система развивается как бы механически, то есть вне всякой связи с сознательными действиями людей, поэтому трудно ожидать, что она тем или иным образом зависит от условий среды, а если все-таки подобное воздействие имеет место, то оно является очень отдаленным и опосредованным.

Напротив, морфологическая система языка, по-видимому, тесно связана с набором понятий, который представляет собой ментальную основу жизнедеятельности определенной группы людей, поскольку именно в морфо-

логии отражается тот специфический тип мышления, который характеризует носителей данного языка. А поскольку этот набор понятий, в свою очередь, предопределяется условиями физической и социальной среды, то разумно было бы постараться проследить соотношение между явлениями среды и грамматической структурой языка.

В то же время отрицательные свидетельства в этом случае имеют ту же силу, что и в предыдущем рассуждении. Мы можем рассматривать содержательную сторону морфологии как состоящую из некоторых ментальных (психологических и логических) категорий, приобретающих грамматическое значение, и из формальных средств их выражения. Принципиальные различия между этими двумя группами морфологических явлений можно проиллюстрировать на примере того, что соседние языки могут влиять (или, во всяком случае, походить друг на друга) лишь в пределах какой-нибудь одной группы явлений, никак не затрагивая в этом плане другую группу явлений.

Так, редупликация как грамматическое средство широко распространена в языках американских индейцев, хотя выражаемые при этом значения могут быть в различных языках совершенно разными. Здесь мы имеем дело с широким распространением чисто формального приема. С другой стороны, значение предположительности, т.е. такого знания о событии, которое основывается скорее на умозаключении, чем на каком-то определенном источнике сообщения, тоже достаточно типично для языков американских индейцев, но средства его выражения в разных языках различны. Здесь мы имеем дело с широким распространением чисто понятийной категории, приобретшей грамматическое значение.

Если рассмотреть с этой точки зрения значительное число языков, то можно найти немало примеров удивительного сходства или полного подобия как формальных морфологических средств, так и грамматических значений, хотя и создается впечатление, что прямых соответствий с условиями среды при этом не существует. Примеры первого рода – это чередования гласных в именных и глагольных основах индогерманских и семитских языков, а также языков такелма и яна; наличие инфиксации грамматических элементов внутри именной или глагольной основы в малайском, мон-кхмер и сиу. Следует заметить, что, несмотря на очень специфический характер указанных грамматических средств, распространены они в языках, существующих в абсолютно разных условиях среды.

С другой стороны, показательным примером грамматически выражаемой мыслительной категории, известной своим неравномерным распространением и охватом языков, существующих в весьма разнообразных условиях, является категория грамматического рода, основывающаяся на противопоставлении полов. Такая категория имеется, например, в индогерманских и семитских языках; в готтентотском в Южной Африке; в языке чинук в нижнем течении реки Колумбии. Ярким примером является также наличие синтаксических падежей, главным образом, субъектного и объектного, в индогерманских и семитских языках и в юте, а также противо-

поставление инклюзива и эксклюзива в первом лице множественного и двойственного числа в готтентотском, ирокезском, в меланезийских языках и в языках квакиутль и шошонских.

Еще одним доказательством отсутствия обсуждаемой корреляции является тот факт, что соседние языки, на которых говорят люди, живущие в практически одинаковых условиях среды – как физической, так и социальной, – часто обнаруживают существенные грамматические различия. Достаточно будет привести лишь несколько примеров такого рода.

Племена салиш и чинук, живущие в нижнем течении реки Колумбии и на западном побережье штата Вашингтон, представляют собой культурное единство и находятся в практически одинаковых физических условиях, однако морфологические системы языков этих племен обнаруживают существенные расхождения. В салишских языках для выражения самых разных грамматических значений широко используется редупликация, в то время как в чинук это явление, хоть и представлено в ограниченной мере, но никаких грамматических значений не выражает.

С другой стороны, выражение категории рода, базирующейся на противопоставлении полов, очень строго проводится в именной и глагольной системах чинук, а среди салишских языков только некоторые диалекты, распространенные на побережье, выражают родовые различия при помощи преноминальных артиклей, в то время, как во внутренних говорах категории рода нет совсем. Может быть, еще более удивительный случай абсолютного несходства морфологических систем в соседних языках, распространенных в пределах одного культурного ареала, представляют собой яна и майду, на которых говорят индейцы на севере центральной части Калифорнии. В майду мы находим большое количество грамматикализованных префиксов и редупликацию, которая используется для выражения некоторых грамматических значений. В яна нет ни префиксов, ни редупликации. С другой стороны, в майду совершенно отсутствуют такие характерные черты морфологии яна, как использование разных грамматических форм в речи мужчин и женщин и система из нескольких сотен грамматикализованных суффиксов (некоторые из которых имеют столь конкретное значение, что могут быть интерпретированы скорее как вторичные глагольные основы, чем как собственно суффиксы).

Обращаясь к языкам Старого Света, находим, что венгерский сильно отличается от соседних индогерманских языков отсутствием категории рода и наличием гармонии гласных – свойства в первую очередь фонетического, но имеющего и существенное грамматическое значение.

В каком-то смысле отсутствие непосредственной связи между средой и особенностями фонетической или морфологической системы языка разочаровывает. Возможно ли в принципе, чтобы тот культурный комплекс, который выражается в содержательной стороне языка, не имел никакого отражения в его формальной организации? Если присмотреться внимательнее, то в ряде случаев кажется, что хотя бы некоторые следы такого

отражения в грамматической форме все-таки обнаруживаются. В большей степени это верно для языков синтетического строя, оперирующих большим количеством префиксов и суффиксов с весьма конкретными значениями.

Так, наличие в квакиутле и нутка суффиксов-локализаторов, конкретизирующих любое действие как происходящее на ровном берегу, в море или на скалах – при том, что большинству других языков такая конкретизация вовсе не свойственна, – явным образом указывает на некоторые особенности среды обитания этих индейцев и их «хозяйственные» интересы.

Равным образом, если мы видим, что такие понятия, как покупка; устройство праздника, во время которого едят ту или иную пищу; поднесение потлача; требование определенного дара во время церемонии инициации девушки и т.п., в языке нутка выражаются специальными грамматическими суффиксами, то единственно верным может быть лишь вывод о том, что каждое из этих действий очень типично для представителей данного племени и, следовательно, составляет важный элемент его культуры.

Этот тип корреляции можно проиллюстрировать и на примере наличия разных сериальных форм числительных для разных классов объектов в квакиутль, нутка и салишских языках, а в наибольшей степени в языке цимшиан. Данная грамматическая особенность предполагает разные способы счета и, видимо, связана с понятием собственности, которое, как мы знаем, чрезвычайно развито у индейцев западного побережья.

Используя эти достаточно очевидные случаи как образец, кто-нибудь может предположить, будто есть основания любой факт грамматики интерпретировать с точки зрения отражаемого им явления культурной или физической среды, например, что можно поставить наличие/отсутствие в языке грамматической категории рода в зависимость от положения женщины в данном обществе. Думается, что этого гипотетического примера достаточно, чтобы продемонстрировать, к какому полету фантазии может привести подобный способ аргументации.

Если же мы предпримем еще более тщательный анализ случаев, которые вроде бы свидетельствуют о наличии корреляции между средой и грамматикой, то вскоре убедимся, что в этой корреляции участвуют не сами по себе грамматические формы, а только значения, ими выражаемые, то есть, и здесь мы в конечном счете имеем дело с уже знакомой нам корреляцией между средой и словарем.

В случае с рассмотренными выше суффиксами языка нутка интерес с точки зрения морфологии представляет лишь тот факт, что в этом языке некоторые элементы, используемые для вербализации существительных, суффиксально присоединяются к именной основе. Этот психологический факт никак не может быть поставлен в зависимость от какого бы то ни было известного нам явления культуры или физической среды. Характерный способ, при помощи которого осуществляется в языке вербализация существительных, как и степень конкретности значения, передаваемого этими суффиксами, представляют для лингвиста сравнительно небольшой интерес.

Таким образом, мы, пусть и неохотно, но все-таки вынуждены допустить, что, кроме отражения реалий среды в словаре, в самом языке не существует ничего такого, что можно было бы поставить в зависимость от этих реалий.

Но в таком случае возникает вопрос о том, с чем же связано столь огромное разнообразие фонетических систем и типов языковой морфологии в разных языках. Быть может, решению проблемы о соотношении между культурой и средой (в широком смысле), с одной стороны, и языком, с другой, может способствовать просто предположение о разной скорости изменения или развития этих систем.

Языковые свойства, безусловно, в значительно меньшей степени могут быть осознаны говорящим, нежели элементы культуры. Не претендуя здесь на анализ психологических различий между двумя этими типами явлений, отмечу, что, по-видимому, изменения в области культуры, по крайней мере в какой-то степени, являются результатом осознаваемых процессов (или таких процессов, осознать которые не составляет труда), в то время как языковые изменения могут быть объяснены (если они вообще объяснимы) как результат гораздо более тонких психологических процессов, не контролируемых сознанием или волей.

Если это так – а есть все основания так считать, – то мы должны признать, что изменения в сфере культуры не параллельны языковым изменениям и, следовательно, они не находятся в причинно-следственных отношениях друг с другом. Такая точка зрения делает оправданным предположение о существовании в прошлом такой, довольно примитивной, стадии развития, когда связь между средой и языковой формой была более определенной, нежели сейчас, поскольку различия в темпе и характере изменений в области языка и культуры, обусловленные самой природой этих явлений, в течение долгого времени расшатывали и в итоге почти полностью разрушили эту связь.

Теперь мы можем представить себе, пусть и довольно схематично, процесс развития языка и культуры в следующем виде. Поведение людей в примитивной группе с едва еще различимыми зачатками языка и культуры предопределялось, по-видимому, в достаточно значительной степени групповой психологией, обуславливавшейся частично племенным сознанием, частично физической средой. На основе тех или иных тенденций в этой групповой психологии и подвергались медленным изменениям язык и культура.

А раз и язык, и культура непосредственно предопределяются прежде всего фундаментальными факторами племенного сознания и физической среды, то развитие их происходило в известной степени параллельно, то есть явления культурной деятельности получали свое отражение в грамматической системе языка. Иными словами, дело не только в том, что слова служили символами для отдельных элементов культуры – что верно в отношении языка на любой из стадий развития общества, – но и в том, что,

как мы можем предположить, грамматические категории и процессы сами по себе тоже отражали соответствующие (значимые с точки зрения культуры) типы мысли и деятельности.

Таким образом, до некоторой степени верным является представление о том, что на протяжении значительного временного отрезка язык и культура находились в состоянии прямой взаимосвязи и взаимодействия. Но такое состояние не может продолжаться до бесконечности. Вследствие постепенного изменения групповой психологии и физической среды более или менее глубоким изменениям начинают подвергаться формы и содержание как культуры, так и языка.

Впрочем, ни язык, ни культура прямым отражением групповой психологии и физических условий, конечно же, не являются; само их существование и преемственность зависят от силы традиций. Поэтому, несмотря на то что обе эти формы цивилизации с течением времени изменяются, существует и консервативная тенденция, сдерживающая такие изменения. Здесь мы наконец подходим к самой сути занимающей нас проблемы.

Элементы культуры в силу того, что они служат более непосредственным нуждам общества и легче осознаются людьми, не только изменяются быстрее, чем элементы языковой системы, но и сама форма организации культуры, определяющая относительную значимость того или иного ее элемента, постоянно видоизменяется.

Элементы языковой системы хоть и могут претерпевать определенные изменения, но изменения эти не ведут к полной перестройке всей системы вследствие подсознательного характера грамматической классификации. Сама по себе грамматическая система склонна оставаться неизменной. Иначе говоря, консервативная тенденция, сдерживающая чрезмерно быстрое развитие, гораздо отчетливее проявляется в отношении формальной основы языка, чем в отношении культуры.

Из этого с необходимостью следует, что формы языка с течением времени перестают выполнять функцию символов для соответствующих форм культуры, в этом и заключается основная мысль данной статьи.

Другое следствие состоит в том, что формы языка более адекватно отражают состояние прошлых стадий культуры, нежели ее современное состояние. Я не утверждаю тем самым, что на определенном этапе развития язык и культура оказываются совершенно не связанными друг с другом, просто скорости их изменения различаются столь значительно, что обнаружить эту взаимозависимость становится почти невозможно.

Хотя формы языка не могут изменяться так же быстро, как соответствующие формы культуры, почти не вызывает сомнения тот факт, что резкое изменение культурной организации общества сопровождается ускорением языкового развития. Если же довести эту мысль до логического завершения, то мы вынуждены будем признать, что быстрое усложнение культуры с необходимостью ведет к соответствующим, хотя и не столь быстрым, изменениям языковой формы и содержания.

Это положение полностью противоречит общепринятому мнению о том, что языку цивилизованных обществ консерватизм свойствен в большей степени, нежели языку народов примитивных. Конечно, тенденция ускорения языковых изменений с возрастанием степени сложности культуры может сдерживаться одним из важнейших элементов любой достаточно развитой культуры, а именно использованием вторичного набора языковых символов, несомненно, более консервативного, нежели первичная звуковая система символов, и оказывающего на нее консервативное влияние. Я имею здесь в виду письмо. И все же мне кажется, что в том очевидном парадоксе, к которому мы пришли, содержится значительная доля истины.

Я не склонен считать случайностью тот факт, что быстрое развитие культуры в Западной Европе на протяжении последних 2000 лет сопровождалось языковыми изменениями, которые представляются необыкновенно быстрыми. И хотя привести строгие доказательства моей точки зрения невозможно, я все же сомневаюсь в том, что многие языки примитивных народов претерпели в соответствующий период времени столь же существенные изменения. <...>

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 270–284.

Вопросы и задания

1. Какие факторы, помимо окружающей среды, воздействуют, по мнению Э. Сепира, на характер культуры?
2. Что относится к понятиям физической среды, социальной среды?
3. Как понимается Э. Сепиром язык?
4. При каких условиях и каким образом отражаются в языке явления физической среды?
5. В какой языковой подсистеме наиболее отчетливо отражается физическая и социальная среда того или иного народа? Прокомментируйте примеры Э. Сепира и приведите свои примеры в подтверждение или опровержение тезисов Э. Сепира.
6. Какой фактор является определяющим при возникновении в языке обобщенных слов (например, в цепочке «род – вид»)?
7. Чем обусловлены различия в словарном составе языков? Приведите примеры того, как изменения в культуре повлекли за собой изменения лексикона.
8. Как можно объяснить, по мнению Э. Сепира, сходства и различия в фонетических системах языков?
9. Чем детерминированы, с точки зрения Э. Сепира, различия в морфологических системах языков?
10. Есть ли различия в скорости изменения языка и культуры и как это отражается на их взаимодействии?

Статус лингвистики как науки

Язык – это путеводитель в «социальной действительности» <...> Люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном, как это принято думать: в значительной степени они все находятся и во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе.

Представление о том, что человек ориентируется во внешнем мире, по существу, без помощи языка и что язык является всего лишь случайным средством решения специфических задач мышления и коммуникации, – это всего лишь иллюзия. В действительности же «реальный мир» в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы. Два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности.

Миры, в которых живут различные общества, – это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками.

Понимание, например, простого стихотворения предполагает не только понимание каждого из составляющих его слов в его обычном значении: необходимо понимание всего образа жизни данного общества, отражающегося в словах и раскрывающегося в оттенках их значения.

Даже сравнительно простой акт восприятия в значительно большей степени, чем мы привыкли думать, зависит от наличия определенных социальных шаблонов, называемых словами. Так, например, если нарисовать несколько десятков линий произвольной формы, то одни из них будут восприниматься как «прямые» (straight), другие – как «кривые» (crooked), «изогнутые» (curved) или «ломаные» (zigzag) потому только, что сам язык предлагает такое разбиение в силу наличия в нем этих слов. Мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества.

Итак, для решения наиболее фундаментальных проблем человеческой культуры знание языковых механизмов и понимание процесса исторического развития языка, несомненно, становятся тем более важными, чем более изощренными становятся наши исследования в области социального поведения человека. Именно поэтому мы можем считать язык символическим руководством к пониманию культуры. <...>

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 259–265.

Вопросы и задания

1. В чем Э. Сепир усматривает власть языка? Прокомментируйте его позицию. В чем слабость аргументов Э. Сепира? Какое влияние, по вашему мнению, могла оказать дискуссия по поводу гипотезы Сепира – Уорфа (гипотезы лингвистической относительности) на развитие лингвистики?
2. Почему Э. Сепир считает язык символическим руководством к пониманию культуры?
3. Есть ли противоречие между положениями Э. Сепира о власти языка и о языке как символическом понимании культуры?

Б. Л. Уорф

Отношение норм поведения и мышления к языку

Вероятно, большинство людей согласится с утверждением, что принятые нормы употребления слов определяют некоторые формы мышления и поведения; однако это предположение обычно не идет дальше признания гипнотической силы философского и научного языка, с одной стороны, и модных словечек и лозунгов – с другой. <...>

Мы должны признать влияние языка на различные виды деятельности людей не столько в особых случаях употребления языка, сколько в его постоянно действующих общих законах и в повседневной оценке им тех или иных явлений.

Обозначение явления и его влияние на действия людей

Я столкнулся с одной из сторон этой проблемы еще до того, как начал изучать Сепира <...> Это произошло во время моей работы в обществе страхования от огня. В мои задачи входил анализ сотен докладов об обстоятельствах, приведших к возникновению пожара или взрыва. Я фиксировал чисто физические причины, такие, как неисправная проводка, наличие или отсутствие воздушного пространства между дымоходами и деревянными частями зданий и т.п. <...>

С течением времени стало ясно, что не только сами по себе эти причины, но и обозначение их было иногда тем фактором, который через поведение людей являлся причиной пожара <...>

Так, например, около склада так называемых *gasoline drums* ‘бензиновых цистерн’ люди ведут себя соответствующим образом, т.е. с большой осторожностью; в то же время рядом со складом с названием *empty gasoline drums* ‘пустые бензиновые цистерны’ люди ведут себя иначе: недостаточно осторожно, курят и даже бросают окурки. Однако эти *empty* ‘пустые’ цистерны могут быть более опасными, так как в них содержатся взрывчатые испарения.

При наличии реально опасной ситуации лингвистический анализ ориентируется на слово «пустой», предполагающее отсутствие всякого риска <...>

На лесохимическом заводе металлические дистилляторы были изолированы смесью, приготовленной из известняка <...> Никаких мер по предохранению этой изоляции от перегрева и соприкосновения с огнем принято не было. Дистилляторы находились некоторое время в работе, и однажды пламя под одним из них достигло известняка, который, ко всеобщему удивлению, начал сильно гореть <...> Люди, допуская соприкосновение огня с изоляцией, действовали так потому, что само название *limestone* 'известняк' связывалось в их сознании с понятием *stone* 'камень, который не горит'.

Огромный железный котел для варки олифы оказался перегретым до температуры, при которой он мог воспламениться. Рабочий сдвинул его с огня и откатил на некоторое расстояние <...> Приблизительно через одну минуту олифа воспламенилась. В этом случае языковое влияние оказалось более сложным благодаря переносу значения <...> «причины» в виде контакта или пространственного соприкосновения предметов на истолкование положения *on the fire* 'на огне' в противоположность *off the fire* 'вне огня' <...>

Кожевенный завод спускал сточную воду, содержащую органические остатки, в наружный отстойный резервуар, наполовину закрытый деревянным настилом, а наполовину открытый. Такая ситуация может быть обозначена как *pool of water* 'резервуар, наполненный водой'. Случилось, что рабочий зажег паяльную лампу и бросил спичку в воду <...> Моментальная вспышка огня воспламенила дерево, и огонь очень быстро распространился на соседнее здание.

Сушильня для кож была устроена с воздуходувкой в одном конце комнаты <...> Огонь возник в воздуходувке и благодаря действию последней перекинулся прямо на кожи, рассыпав искры по всей комнате и уничтожив таким образом весь материал. Опасная ситуация создалась, следовательно, ввиду наличия термина *blower* 'воздуходувка', который является языковым эквивалентом *that which blows* 'то, что дует', указывающим на то, что основная функция этого прибора *blow* 'дуть'... Причем не принимается во внимание, что он может «раздувать» и другое, например искры и языки пламени <...>

Можно привести бесконечное множество подобных примеров. Они показывают достаточно убедительно, как рассмотрение лингвистических формул, обозначающих данную ситуацию, может явиться ключом к объяснению тех или иных поступков людей и каким образом эти формулы могут анализироваться, классифицироваться и соотноситься в том мире, который «в значительной степени бессознательно строится на основании языковых норм данной группы» (Э. Сепир). Мы ведь всегда исходим из того, что язык лучше, чем это на самом деле имеет место, отражает действительность.

Грамматические модели в качестве истолкователей действительности

<...> Несравненно более сильное влияние на их [людей] поведение могут оказывать разнообразные типы грамматических категорий, таких, как категория числа, рода, классификация по одушевленности, неодушевленности и т.п., а также времена, залоги и другие формы глагола, классификация по частям речи и вопрос о том, чем обозначена данная ситуация – одной ли морфемой, формой ли слова или синтаксическим словосочетанием.

Такая категория, как категория числа (единственное в противоположность множественному), является попыткой обозначить целый класс явлений действительности. В ней содержится указание на то, каким образом нужно классифицировать различные явления и какие случаи можно назвать «единичными», а какие – «множественными».

Однако обнаружить такое косвенное влияние чрезвычайно сложно, во-первых, ввиду его неясности, а во-вторых, ввиду того, что весьма трудно взглянуть со стороны и изучить объективно родной язык, который является привычным средством общения и своего рода неотъемлемой частью нашей культуры <...>

Однако, несмотря на сложность задачи <...> она все же выполнима и разрешить ее легче всего при рассмотрении какого-нибудь экзотического языка <...> Мысль о возможности работы над данной проблемой впервые пришла мне в голову во время изучения мною языка хопи <...>

Поскольку те категории, которые будут подвергаться сравнению в английском, немецком и французском, а также и в других европейских языках, за исключением, пожалуй (да и это весьма сомнительно), балтославянских и неиндоевропейских языков, имеют лишь незначительные различия, я собрал все эти языки в одну группу, названную SAE, или *Standard Average European* ‘среднеевропейский стандарт’ <...>

Множественное число и счет в SAE и в хопи

В наших языках, т.е. в SAE, множественное число и количественные числительные применяются в двух случаях: 1) когда они обозначают действительно множественное число и 2) при обозначении воображаемой множественности... Мы говорим *ten men* ‘десять человек’ и *ten days* ‘десять дней’. Десять человек мы или реально представляем, или, во всяком случае, можем себе представить эти десять как целую группу, например десять человек на углу улицы. Но *ten days* ‘десять дней’ мы не можем представить себе реально. Мы представляем реально только один день, сегодня, остальные девять (или даже все десять) – только по памяти или мысленно. Если *ten days* ‘десять дней’ и рассматриваются как некая группа, то это «воображаемая», созданная мысленно группа <...>

Наш язык не проводит различия между числами, составленными из реально существующих предметов, и числами «самоисчисляемыми» <...>. Понятия времени утрачивают связь с субъективным восприятием «становящегося более поздним» и объективизируются как исчисляемые *количества*, т.е. отрезки <...> «Длина», «отрезок» времени мыслится в виде одинаковых единиц, подобно, скажем, ряду бутылок.

В языке хопи положение совершенно иное. Множественное число и количественные числительные употребляются только для обозначения тех предметов, которые образуют или могут образовать реальную группу. Там не существует воображаемых множественных чисел, вместо них употребляются порядковые числительные в единственном числе.

Такое выражение, как *ten days* 'десять дней', не употребляется. Эквивалентом его служит выражение, указывающее на процесс счета. Таким образом, *they stayed ten days* 'они пробыли десять дней' превращается в 'они прожили до одиннадцатого дня' или 'они уехали после десятого дня'. *Ten days is greater than nine days* 'десять дней больше, чем девять дней' превращается в 'десятый день позже девятого'.

Наше понятие «продолжительность времени» рассматривается не как фактическая продолжительность или протяженность, а как соотношение между двумя событиями, одно из которых произошло раньше другого. Вместо нашей лингвистически осмысленной объективизации той области сознания, которую мы называем «время», язык хопи не дал никакого способа, содержащего идею «становиться позднее», являющуюся сущностью понятия времени.

Существительные, обозначающие материальное количество в SAE и хопи

Имеется два вида существительных, обозначающих материальные предметы: существительные, обозначающие отдельные предметы, и существительные, обозначающие вещества: *water* 'вода', *milk* 'молоко', *wood* 'дерево', *granite* 'гранит', *sand* 'песок', *flour* 'мука', *meat* 'мясо'. Существительные первой группы относятся к предметам, имеющим определенную форму: *a tree* 'дерево', *a stick* 'палка', *a man* 'человек', *a hill* 'холм'. Существительные второй группы обозначают однородную массу, не имеющую четких границ.

Между этими двумя группами существует и лингвистическое различие: у существительных, обозначающих вещества, нет множественного числа; в английском языке перед ними опускается артикль, во французском ставится партитивный артикль *du, de, la, des*.

Это различие более четко выступает в языке, чем в действительности. Очень немногое можно представить себе не имеющим границ: *air* 'воздух', иногда *water* 'вода', *rain* 'дождь', *snow* 'снег', *sand* 'песок', *rock* 'горная порода', *dirt* 'грязь', *grass* 'трава', но *butter* 'масло', *meat* 'мясо', *cloth* 'ткань', *iron* 'железо', *glass* 'стекло', как и большинство подобных им веществ, встречаются не в «безграничном» количестве, а в виде больших или малых тел определенной формы.

Различие это в какой-то степени навязано нам потому, что оно существует в языке. В большинстве случаев это оказывается так неудобно, что приходится применять новые лингвистические способы, чтобы конкретизировать существительные второй группы. Отчасти это делается с помощью названий, обозначающих ту или иную форму: *stick of wood* ‘брусок дерева’, *piece of cloth* ‘лоскут материала’, *pane of glass* ‘кусок стекла’, *cake of soap* ‘брусок мыла’, – но гораздо чаще – с помощью названий сосудов, в которых находятся вещества, хотя в данных случаях мы имеем в виду сами вещества: *glass of water* ‘стакан воды’, *cup of coffee* ‘чашка кофе’, *dish of food* ‘тарелка пищи’, *bag of flour* ‘мешок муки’, *bottle of beer* ‘бутылка пива’ <...>

Для людей, говорящих на SAE, философские понятия «субстанция» и «материя» несут в себе простейшую идею; они воспринимаются непосредственно, они общепонятны. Этим мы обязаны языку. Законы наших языков часто заставляют нас обозначать материальный предмет словосочетанием, которое делит представление на бесформенное вещество плюс та или иная его конкретизация («форма»).

В хопи опять-таки все происходит иначе. Там имеется строго ограниченный класс существительных. Но в нем нет особого подкласса – «материальных» существительных. Все существительные обозначают отдельные предметы и имеют и единственное и множественное число.

Существительные, являющиеся эквивалентами наших «материальных» существительных, тоже относятся к телам с неопределенными, не имеющими четких границ формами. Однако под последним следует понимать неопределенность, а не отсутствие формы и размеров.

В каждом конкретном случае *water* ‘вода’ обозначает определенное количество воды, а не то, что мы называем «субстанцией воды» <...> Само существительное указывает на соответствующую форму или сосуд. Говорят не *a glass of water* ‘стакан воды’, *a kə-yi* ‘вода’, не *a pool of water* ‘лужа воды’, *a pa-hə*, не *a dish of cornflour* ‘миска муки’, а *ηəmni* ‘количество муки’ <...> В языке хопи нет ни необходимости, ни моделей для построения понятия существования как соединения бесформенного и формы. Отсутствие определенной формы обозначается не существительными, а другими лингвистическими символами.

Периодизация времени в SAE и хопи

Такие термины, как *summer* ‘лето’, *winter* ‘зима’, *September* ‘сентябрь’, *morning* ‘утро’, *noon* ‘полдень’, *sunset* ‘заход солнца’, которые у нас являются существительными и мало чем отличаются по форме от других существительных, могут быть подлежащими или дополнениями; мы говорим *at sunset* ‘на заходе солнца’ или *in winter* ‘зимой’ так же, как *at a corner* ‘на углу’. *in an orchard* ‘в саду’. Они образуют множественное число и исчисляются подобно тем существительным, которые обозначают предметы материального мира, о чем говорилось выше <...>

Мы говорим *a time*, т.е. какой-то период времени, событие, исходя из модели *a mass noun* (существительных, обозначающих вещества), подобно тому как *a summer* ‘некое лето’ мы превращаем в *summer* ‘лето’ (как общее понятие) по той же модели. Итак, используя наше двучленное словосочетание, мы можем говорить или представлять себе *a moment of time* ‘момент времени’, *a second of time* ‘секунда времени’, *a year of time* ‘год времени’. Я считаю долгом еще раз подчеркнуть, что здесь точно сохраняется модель *a bottle of milk* ‘бутылка молока’ или *a piece of cheese* ‘кусочек сыра’. И это помогает нам представить, что *a summer* реально содержит такое-то и такое-то количество ‘time’.

В хопи, однако, все «временные» термины, подобные *summer*, *morning* и др., представляют собой не существительные, а особые формы наречий, если употреблять терминологию SAE. Это – особая часть речи, отличающаяся от существительных, глаголов и даже от других наречий в хопи. Они не являются формой местного или другого падежа, как *des Abends* ‘вечером’ или *in the morning* ‘утром’. Они не содержат морфем, подобных тем, которые есть в *in the house* ‘в доме’ и *at the tree* ‘на дереве’. Такое наречие имеет значение *when it's morning* ‘когда утро’ или *while morning-phase is occurring* ‘когда период утра происходит’.

Эти «temporals» «временные наречия» не употребляются ни как подлежащие, ни как дополнения, ни в какой-либо другой функции существительного. Нельзя сказать *it's a hot summer* ‘жаркое лето’ или *summer is hot* ‘лето жарко’; лето не может быть жарким, лето – это период, *когда* погода теплая, *когда* наступает жара. Нельзя сказать *this summer* «это лето». Следует сказать *summer now* ‘теперь лето’ или *summer recently* ‘недавно лето’. Здесь нет никакой объективизации (например, указания на период, длительность, количество) субъективного чувства протяженности во времени. Ничто не указывает на время, кроме постоянного представления о *getting later* ‘становлении более поздним’. Поэтому в языке хопи нет основания для создания абстрактного термина, подобного нашему *time*.

Временные формы глагола в SAE и хопи

Трехвременная система глагола в SAE оказывает влияние на все наши представления о времени. Эта система объединяется с той более широкой схемой объективизации субъективного восприятия длительности, которая уже отмечалась в других случаях двучленной формулой, применимой к существительным вообще, во «временных» (обозначающих время) существительных, во множественности и исчисляемости. Эта объективизация помогает нам мысленно «выстроить отрезки времени в ряд». Осмысление времени как ряда гармонирует с системой *трех* времен, однако система *двух* времен – раннего и позднего – более точно соответствовала бы ощущению длительности в его реальном восприятии <...>

В действительности реальное время отражается в нашем сознании как *getting later* ‘становиться позднее’, как необратимый процесс изменения определенных отношений. В этом *latering* ‘опозднении’ или *durating* ‘протяженности во времени’ и есть основное противоречие между самым недавним, позднейшим моментом, находящимся в центре нашего внимания, и остальными, предшествовавшими ему. Многие языки прекрасно обходятся двумя временными формами, соответствующими этому противоречивому отношению между *later* ‘позже’ и *earlier* ‘раньше’ <...>

В английском языке настоящее время находится в наиболее резком противоречии с основным временным отношением. Оно как бы выполняет различные и не всегда вполне совпадающие друг с другом функции. Одна из них заключается в том, чтобы обозначать нечто среднее между объективизированным прошедшим и объективизированным будущим в повествовании, аргументации, обсуждении, логике и философии. Вторая его функция состоит в обозначении чувственного восприятия: *I see him* ‘я вижу его’. Третья включает в себя констатацию общеизвестных истин: *we see with our eyes* ‘мы видим глазами’. Эти различные случаи употребления вносят некоторую путаницу в наше мышление, чего мы в большинстве случаев не осознаем.

В языке хопи, как и можно было предполагать, это происходит иначе. Глаголы здесь не имеют времен, подобных нашим: вместо них употребляются формы утверждения (*assertions*), видовые формы и формы, связывающие предложения (наклонения), – все это придает речи гораздо большую точность.

Формы утверждения обозначают, что говорящий (не субъект) сообщает о событии (это соответствует нашему настоящему и прошедшему), или что он предполагает, что событие произойдет (это соответствует нашему будущему), или что он утверждает объективную истину (что соответствует нашему «объективному» настоящему).

Виды определяют различную степень длительности и различные направления «в течении длительности». До сих пор мы не сталкивались с указаниями на последовательность двух событий, о которых говорится. Необходимость такого указания возникает, правда, только тогда, когда у нас есть два глагола, т. е. два предложения. В этом случае наклонения определяют отношения между предложениями, включая предшествование, последовательность и одновременность.

Кроме того, существует много отдельных слов, которые выражают подобные же отношения, дополняя наклонения и виды: функции нашей системы грамматических времен с ее линейным, трехчленным объективизированным временем распределены среди других глагольных форм, коренным образом отличающихся от наших грамматических времен; таким образом, в глаголах языка хопи нет (так же, как и в других категориях) основы для объективизации понятия времени <...>

Длительность, интенсивность и направленность в SAE и хопи

Для описания всего многообразия действительности любой язык нуждается в выражении длительности, интенсивности и направленности. Для SAE и для многих других языковых систем характерно описание этих понятий метафорически. Метафоры, применяемые при этом, – это метафоры пространственной протяженности, т.е. размера, числа (множественность), положения, формы и движения.

Мы выражаем длительность словами: *long* ‘длинный’, *short* ‘короткий’, *great* ‘большой’, *much* ‘многое’, *quick* ‘быстрый’, *slow* ‘медленный’ и т.д.; интенсивность – словами: *large* ‘большой’, *much* ‘много’, *heavy* ‘тяжело’, *light* ‘легко’, *high* ‘высоко’, *low* ‘низко’, *sharp* ‘острый’, *faint* ‘слабый’ и т.д.; направленность – словами: *more* ‘более’, *increase* ‘увеличиваться’, *grow* ‘расти’, *turn* ‘превращаться’, *get* ‘становиться’, *approach* ‘приближаться’, *go* ‘идти’, *come* ‘приходить’, *rise* ‘подниматься’, *fall* ‘падать’, *stop* ‘останавливаться’, *smooth* ‘гладкий’, *even* ‘ровный’, *rapid* ‘быстрый’, *slow* ‘медленный’ и т.д.

Можно составить почти бесконечный список метафор, которые мы едва ли осознаем как таковые, так как они практически являются единственно доступными лингвистическими средствами. Неметафорические средства выражения данных понятий, так же как *early* ‘рано’, *late* ‘поздно’, *soon* ‘скоро’, *lasting* ‘длительный’, *intense* ‘напряженный’, *very* ‘очень’, настолько малочисленны, что ни в коей мере не могут быть достаточными.

Ясно, каким образом создалось такое положение. Оно является частью всей нашей системы – *объективизации* – мысленного представления качеств и потенциалов как пространственных, хотя они не являются на самом деле пространственными (насколько это ощущается нашими чувствами). Значение существительных (в SAE), отталкиваясь от названий физических тел, ведет к обозначениям совершенно иного характера.

А поскольку физические тела и их форма в *видимом пространстве* обозначаются терминами, относящимися к форме и размеру, и исчисляются разного рода числительными, то такие способы обозначения и исчисления переходят в символы, лишённые пространственного значения и предполагающие *воображаемое пространство* <...>

Поражает полное отсутствие такого рода метафор в хопи. Употребление слов, выражающих пространственные отношения, когда таких отношений на самом деле нет, просто невозможно в хопи, на них в этом случае как бы наложен абсолютный запрет.

Это становится понятным, если принять во внимание, что в языке хопи существуют многочисленные грамматические и лексические средства для описания длительности, интенсивности и направления как таковых, а грамматические законы в нем не приспособлены для проведения аналогий с мыслимым пространством. Многочисленные виды глаголов выражают длительность и направленность тех или иных действий, в то время как некоторые формы залогов выражают интенсивность, направленность и длительность причин и факторов, вызывающих эти действия.

Далее, особая часть речи – интенсификатор (the tensors) – многочисленнейший класс слов – выражает только интенсивность, направленность, длительность и последовательность. Основная функция этой части речи – выражать степень интенсивности, «силу», а также и то, в каком состоянии они находятся и как видоизменяются <...>

Таким образом, хотя хопи при рассмотрении форм его существительных кажется предельно конкретным языком, в формах интенсификаторов он достигает такой абстрактности, что она почти превышает наше понимание.

Нормы мышления в SAE и хопи

<...> Под нормами мышления, или «мыслительным миром», понимаются более широкие понятия, чем просто язык или лингвистические категории <...> «Мыслительный мир» является тем микрокосмом, который каждый человек несет в себе и с помощью которого он пытается измерить и понять макрокосм.

Микрокосм SAE, анализируя действительность, использует главным образом слова, обозначающие *предметы* (тела и им подобные) и те виды протяженного, но бесформенного существования, которые называются «субстанцией», или «материей». Он воспринимает бытие посредством двучленной формулы, которая выражает все сущее как пространственную форму плюс бесформенная пространственная непрерывность, соотносящаяся с формой, так же как содержимое соотносится с формой содержащего. Явления, не обладающие пространственными признаками, мыслятся как пространственные, несущие в себе те же понятия форм и непрерывностей.

Микрокосм хопи, анализируя действительность, использует главным образом слова, обозначающие *явления* <...> Объективно <...> явления рассматриваются главным образом с точки зрения формы, цвета, движения и других непосредственно воспринимаемых признаков. Субъективно <...> явления рассматриваются как выражение невидимых факторов силы, от которой зависит их незыблемость и постоянство или их непрочность и изменчивость <...>

Это значит, что не все явления действительности одинаково становятся «все более и более поздними» <...> В природе каждого явления <...> заключена сила присущего ему способа существования: его рост, упадок, стабильность, повторяемость или продуктивность. Таким образом, все уже *подготовлено* ранними стадиями к тому, как явление проявится в данный момент, а чем оно станет позже – частично уже подготовлено, а частично еще находится в процессе «подготовки».

В этом взгляде на мир как на нечто, находящееся в процессе какой-то подготовки, заключается для хопи особый смысл и значение, соответствующее, возможно тому «свойству действительности», которое «материя», или «вещество», имеет для нас.

Нормы поведения в культуре хопи

Поведение людей, говорящих на SAE, как и поведение людей, говорящих на хопи, очевидно, многими путями соотносится с лингвистически обусловленным микрокосмом <...> Для поведения хопи характерно то, что они придают особое значение подготовке. О событии объявляется и к нему начинается подготовка задолго до того, как оно должно произойти; разрабатываются соответствующие меры предосторожности, обеспечивающие желаемые условия, и особое значение придается доброй воле как силе, способной подготовить нужные результаты.

Возьмем способы исчисления времени. Время исчисляется главным образом «днями» (talk-tala) или «ночами» (tok), причем эти слова являются не существительными, а особой частью речи (tensors); первое слово образовано от корня со значением «свет», «день», второе – от корня со значением «спать». Счет ведется посредством *порядковых числительных*.

Этот способ счета не может применяться к группе различных людей или предметов, даже если они следуют друг за другом, ибо даже и в таком случае они *могут* объединяться в группу. Однако он применяется по отношению к последовательному появлению *одного и того же* человека или предмета, не способных объединиться в группу.

«Несколько дней» воспринимается не так, как «несколько людей», к чему как раз склонны наши языки, а как последовательное появление *одного и того же человека*. Мы не можем изменить сразу несколько человек, воздействуя на одного, но мы можем подготовить и таким образом изменить последующие появления *одного и того же человека*, воздействуя на его появление в данный момент.

Так хопи рассматривают будущее: они действуют в данной ситуации так или иначе, полагая, что это окажет влияние как очевидное, так и скрытое на предстоящее событие, которое их интересует. Можно было бы сказать, что хопи понимают такую нашу поговорку, как: *Well begun is half done* ‘Хорошее начало – это уже половина дела’, но не понимают другой нашей поговорки: *Tomorrow is another day* ‘Завтра – это уже новый день’. Это объясняет многое в характере хопи <...>

«Подготавливающая» деятельность хопи еще раз иллюстрирует действие лингвистической мыслительной среды, где особенно проявляется роль упорства и постоянного неустанный повторения <...> Нам, для которых время есть движение в пространстве, кажется, что неизменное повторение теряет свою силу на отдельных отрезках этого пространства. С точки зрения хопи, для которых время есть не движение, а «становление более поздним» всего, что когда-либо было сделано, неизменное повторение не растрчивает свою силу, а накапливает ее. В этом процессе нарастает невидимое изменение, которое передается более поздним событиям.

Например, возвращение дня воспринимается здесь так же, как возвращение какого-то лица, ставшего немного старше, но несущего все признаки прошедшего дня. Мы воспринимаем это лицо не как «другой день», т.е. не как совсем другое «лицо». Этот принцип, соединенный с принципом силы мысли и общим характером культуры пуэбло, выражен как в передаче смысла церемониального танца хопи, призванного вызывать дождь и урожай, так и в его коротком дробном ритме, повторяемом тысячи раз в течение нескольких часов.

Некоторые следы влияния языковых норм в западной цивилизации

<...> Я бы хотел только дать приблизительный набросок того, что свойственно нашей лингвистической двучленной формуле *форма + лишённое формы вещество* или «*субстанция*» <...> нашему объективизированному времени. Все это, как мы уже видели, имеет отношение к языку.

Философские взгляды, наиболее традиционные и характерные для «западного мира», во многом основываются на двучленной формуле – *форма + содержание*. Сюда относятся материализм, психофизический параллелизм, физика, по крайней мере в ее традиционной – ньютоновской – форме, и дуалистические взгляды на вселенную в целом. По существу, сюда относится почти все, что можно назвать «твердым, практическим здравым смыслом» <...>

Иногда утверждают, что ньютоновские пространство, время и материя ощущаются всеми интуитивно <...> Правильно ответить на этот вопрос следует так: ньютоновские понятия пространства, времени и материи не есть данные интуиции. Они даны культурой и языком. Именно из этих источников и взял их Ньютон.

Наше объективизированное представление о времени соответствует историчности и всему, что связано с регистрацией фактов, тогда как представление хопи о времени противоречит этому. Представление хопи о времени <...> не дает готового ответа на вопрос о том, когда «одно» событие кончается, а «другое» начинается. Если считать, что все, что когда-либо произошло, продолжается и теперь <...> то станет ослабевать стремление к изучению прошлого. Настоящее же не записывается, а рассматривается как «подготовка».

Наше же объективизированное время вызывает в представлении что-то вроде ленты или свитка, разделенного на равные отрезки, которые должны быть заполнены записями <...> Благодаря взаимобмену между языком и всей культурой мы получаем, например:

1. Записи, дневники, бухгалтерию, счетоводство, математику, стимулированную счетом.

2. Интерес к точной последовательности – датировку, календари, хронологию, часы, исчисление зарплаты по затраченному времени, измерение самого времени, время, как оно применяется в физике.

3. Летописи, хроники – историчность, интерес к прошлому, археологию, проникновение в прошлые эпохи, выраженные классицизмом и романтизмом.

Подобно тому как мы представляем себе наше объективизированное время простирающимся в будущем так же, как оно простирается в прошлом, подобно этому и наше представление о будущем складывается на основании свидетельств прошлого и по этому образцу мы вырабатываем программы, расписания, бюджеты <...>

Трудно сказать, возможна была бы или нет цивилизация, подобная нашей, с иным лингвистическим пониманием времени; во всяком случае, нашей цивилизации присущи определенные лингвистические категории и нормы поведения, складывающиеся на основании данного понимания времени, и они полностью соответствуют друг другу <...>

Исторические связи

Как исторически создается такое сплетение между языком, культурой и нормами поведения? Что было первичным – норма языка или норма культуры?

В основном они развивались вместе, постоянно влияя друг на друга. Но в этом содружестве природа языка является тем фактором, который ограничивает его свободу и гибкость и направляет его развитие по строго определенному пути. Это происходит потому, что язык является системой, а не просто комплексом норм. Структура большой системы поддается существенному изменению очень медленно, в то время как во многих других областях культуры изменения совершаются сравнительно быстро. <...>

Чтобы подвести итог всему вышесказанному... можно сказать так: понятие *времени* и *материи* не даны из опыта всем людям в одной и той же форме. Они зависят от природы языка или языков, благодаря употреблению которых они развились. Они зависят не столько от *какой-либо одной системы* (как-то: категории времени или существительного) в пределах грамматической структуры языка, сколько от способов анализа и обозначения восприятий, которые закрепляются в языке. <...>

Наше собственное «время» существенно отличается от «длительности» у хопи. Оно воспринимается нами как строго ограниченное пространство или иногда – как движение в таком пространстве и соответственно используется как категория мышления. «Длительность» у хопи не может быть выражена в терминах пространства и движения. <...>

Наше понятие *материи* является физическим подтипом «субстанции», или «вещества», которое мыслится как что-то бесформенное и протяженное. <...> В хопи, кажется, нет ничего, что бы соответствовало этому понятию; там нет бесформенных протяженных элементов; существующее может иметь, а может и не иметь формы, но зато ему должны быть свойственны интенсивность и длительность – понятия, не связанные с пространством. <...>

Новое в лингвистике. 1960. Вып. 1. С. 135–169.

Вопросы и задания

1. Проанализируйте утверждение Б. Уорфа о том, что «принятые нормы употребления слов определяют некоторые формы мышления и поведения». В чем, по вашему мнению, уязвимость данной позиции?
2. Рассмотрите примеры Б. Уорфа о влиянии *лексической* системы языка на мышление и поведение человека (тирания слов). Предложите свою интерпретацию этих примеров.
3. Возможны ли в ситуациях, описанных Б. Уорфом, иные модели поведения, не подтверждающие положения о тирании слов. Приведите свои примеры, показывающие отсутствие жесткой зависимости между употреблением слов и моделями поведения.
4. Прокомментируйте примеры Б. Уорфа, подтверждающие связь между *грамматической* системой языка и поведением. Попытайтесь дать им другую интерпретацию. Возможна ли ситуация, когда различия в выражении категорий числа, рода, времени в двух языках не являются препятствием для реализации аналогичных моделей поведения?
5. Является ли лексическая или грамматическая невыраженность каких-то свойств реального мира препятствием для их осознания? Проанализируйте с этой точки зрения:
 - свойство вещественности и понятие *вещества* – «чего-то бесформенного и протяженного», **не выраженного** в языке хопи;
 - свойства интенсивности и длительности, которые характерны для **всего** существующего, исходя из языковой картины мира хопи;Какую роль при осознании свойств реального мира могут сыграть, с вашей точки зрения, а) метафоричность мышления; б) взаимодействие языковых единиц и их устройство по принципу «ядро – периферия»?
6. На чем основан вывод Б. Уорфа о том, что «понятия *времени* и *материи* не даны из опыта всем людям в одной и той же форме», а выведены из языка. Почему культурная обусловленность базовых понятий – даже если таковая бы имелась – не явилась бы непреодолимым препятствием (при прочих равных условиях) для постижения законов классической механики Ньютона (для народа хопи) и смысла национальных традиций хопи (для носителей европейских культур)?
7. Как письменность может повлиять на нормы поведения носителей языка? Сопоставьте в этом отношении бесписьменный язык хопи (на основе данных Б. Уорфа) и современные европейские языки.

Ю.С. Степанов

**Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования.
Вводные статьи
Культура**

В современном русском языке слово *культура* имеет два основных значения: 1. Совокупность достижений людей во всех сферах жизни, рассматриваемых не порознь, а совместно, – в производственной социальной и духовной; 2. Высокий соответствующий современным требованиям уровень этих достижений; то же, что *культурность*. Характерная черта русской жизни состоит в том, что два значения тесно связываются, поэтому в обычном словоупотреблении чаще встречаются сочетания с родительным падежом – *Культура речи; Культура быта; Культура торговли; Культура секса* и т.п. Поэтому также и в первое значение всегда примысливается компонент ‘достижение, высокий уровень’ и само слово *культура* сопровождается внутренней оценкой всегда достаточно высокой, положительной.

Это явление отмечено, хотя и в более слабой степени, и в употреблении соответствующих слов в других европейских языках. Так, во французском языке, где это понятие связывается преимущественно со словом *civilisation* ‘цивилизация’ (тогда как *culture* ‘культура’ считается не собственно французским, а переносом немецкого значения слова *Kultur*), даже философские словари отмечают его «ярко выраженный положительно-оценочный характер». <...>

<...> По своему происхождению в латинском языке слово *культура* значит буквально ‘обработка’, и это значение еще присутствует в русском слове, заимствованном из латинского языка. Но с течением времени оно как бы освобождается и от этого компонента, и от родительного падежа, сопровождающего это значение.

Так, Словарь В.И. Даля (1863–1866 гг. – 1-е изд.) определяет это слово еще так: «*Культура* – обработка и уход, возделывание, возделка; образование, умственное и нравственное» <...>

Словарь под ред. Д. Н. Ушакова (М., 1935. Т.1) уточняет первое значение, сохраняя противопоставленность «культура» – «природа»: «*Культура* – совокупность человеческих достижений в подчинении природы, в технике, образовании, общественном строе». <...>

«Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (М., 1992) противопоставление «культура» – «природа» устраняет: «*Культура* – совокупность производственных, общественных и духовных достижений людей». <...>

Сходный процесс протекает в слове *культура* и в западноевропейских языках от Цицерона до Гердера. Цицерон (106–43 гг. до н.э.) и Гердер (1744–1803) выбираются обычно при рассмотрении этого концепта потому, что их произведения представляют как бы крайние точки развития по этой линии. С Цицерона начинается формирование концепта «Культура» в римской духовной жизни, а с Гердером, создавшим четырехтомный труд «Идеи к философии истории человечества» (1784–1791) заканчивается определенный период «философии истории». <...> В Новое время концепт «Культура» развивается в противопоставлении к концепту «натура, природа». <...>

I. Исходные определения.

а) *Предыстория концепта «Культура» по данным этимологии.*

В латинском языке слово *cultura* является абстрактным существительным от глагола *colere*, у которого три основных значения: 1) обрабатывать, возделывать, 2) возвращать, 3) населять, обитать. <...>

Все эти исходные значения составляют древнейший комплекс латинского слова *cultura* – его концепт, сохранившийся на все дальнейшие времена: «обустройство того места, где живешь; прежде всего обработка земли, уход за землей; почитание богов – хранителей этого места; обережение богами людей, которые в таком месте живут и которые так хорошо поступают». <...>

б) *Некоторые новейшие определения концепта «Культура».*

<...> В 1952г. А.Л. Крёбер и К. Клакхон собрали и прокомментировали несколько десятков определений культуры. <...>

В известной мере итоговое определение, данное самим А.Л. Крёбером еще несколько раньше (1948) гласит: « ... Культура может быть определена как все виды деятельности и не физиологические результаты (продукты) человеческих особей, не являющиеся безусловно рефлекторными или инстинктивными». <...>

Представитель *социологической школы* США Т. Парсонс... определяет культуру следующим образом: «Культура... состоит из этих моделей (patterns), относящихся к поведению и к результатам (продуктам) человеческой деятельности, моделей, которые могут наследоваться, т.е. переходить от поколения к поколению независимо от биологических генов». <...>

Основатель *функциональной школы* в этнографии Бронислав Малиновский... наметил следующие пункты для определения культуры:

А. «Культура – это главным образом инструментальная система (an instrumental apparatus), посредством которой человек ставит себя в наилучшую позицию для того, чтобы решать конкретные и специфические задачи, возникающие перед ним в окружающей среде в процессе удовлетворения им своих потребностей».

Пункты *B* и *C* подчеркивали, что культура состоит из объектов, деятельностей и позиций, существующих как средства для достижения определенной цели <...>

D. «Такие деятельности, позиции и объекты организованы вокруг важных и жизненно необходимых задач в институции – такие, как семья, клан или род, местная община, племя, и организованные сообщества для экономической, политической, юридической и воспитательной деятельности».

Последний пункт *E* гласил, что с динамической точки зрения – т.е. при рассмотрении типов деятельности культура может анализироваться по аспектам, таким как образование, социальное устройство, экономика, системы знания, верований и морали, а также способы художественной деятельности. «Итак, *артефакты* (создания человека. – Ю.С.), *организованные группы людей и символизм* – вот три измерения культуры, тесно связанные одно с другим» <...>

Эволюционные ряды Тайлора. Эдвард Бернетт Тайлор, как и другие представители эволюционной школы, считал, что все явления культуры распределяются по видам: созданные человеком материальные предметы (оружие, утварь, инструменты), обычаи, ритуалы, верования и т.д., – все это виды, аналогичные видам растений и животных. Эволюция совершается внутри этих видов. Скажем, боевой топор какой либо данной эпохи является результатом топора предшествующей эпохи и основой топора последующей эпохи (но не результатом, скажем, развития ложки, которая относится к другому эволюционному ряду и тем самым, к другому виду). Таким образом, эти виды составляют эволюционные ряды <...>

В этом примере Тайлора идет речь о материальных вещах, но мы уже знаем, что в культуре нет ни чисто материальных, ни чисто духовных явлений, те и другие идут парами. И в данном случае также, топор как вещь предполагает топор как концепт, концепт топора, да и сам Тайлор говорит о «модели». А что такое модель как не «план», «прообраз» задуманной к изготовлению вещи?

<...> Со времени Э.Б. Тайлора исследования рядов, «систематизация по рядам», стала обязательным правилом в истории материальной культуры. Но постепенно к ней стала присоединяться и работа в области культуры духовной, – начиная со слов естественного языка. В 1909 г. в Германии стал выходить журнал «*Wörter und Sachen*» («Слова и Вещи»), основанный Ф. Мерингером; исследователи, группировавшиеся вокруг данного издания, работали именно по этому принципу <...>

Кроме таких рядов, располагающихся по ходу времени, в культуре очень важны и ряды иного рода – соединяющие концепты (а также предметы, «вещи») *одной эпохи из разных рядов в некое единое целое.* Это последнее можно назвать «*парадигмой эпохи*», или «*стилем*».

II. Ряды в культуре — структура культуры.

А) Эволюционные семиотические ряды.

Как мы уже сказали, это — основной тип рядов. В такие ряды соединяются и «вещи» (например, топоры; отдельно — прялки, в третий ряд — оружие; в четвертый — средства передвижения, кареты, автомобили, и т.д.). Но в такие же ряды группируются и «концепты» (разные по времени понятия «веры»; отдельно — представления о «грехе», о «страхе» и т.д.) <...> В наиболее типичном и общем случае, ряды «вещей» сочетаются с соответствующими им представлениями, «концептами» и вступают в отношения знаковости. Так, ‘храм’ — внешнее выражение и знак «веры», определенные ‘ритуалы’ — выражение и знаки «любви», и т.п.

Начнем с простого примера из истории автомобиля <...> Первые автомобили, в конце XIX — начале XX в., разделялись подобно каретам, на «городские (лимузины)» и «дорожные», и сохраняли соответствующий этому разделению облик. Первые имели «салон», отделенный от помещения для шофера, который впрочем, тоже, как и пассажир, находился в автомобилях этого типа под крышей <...> Вторые, «дорожные», были устроены гораздо проще и грубее <...> шофер и пассажир часто помещались без перегородки между ними, под одной крышей, а иногда крыши и вовсе не было, по крайней мере, над шофером.

Чем объясняется подобное различие? Оно не диктовалось никакими потребностями техники. Скорее наоборот, новые технические данные автомобиля требовали как можно скорее избавиться от старых форм. Очевидно, что причина здесь не техническая, а какая-то иная: автомобиль занял место кареты. И, заместив в общественном быту карету, автомобиль должен был — неизбежно и вопреки всем техническим требованиям — по крайней мере, на первое время, принять и ее облик. Кареты же к концу XIX в. именно разделялись на два класса — городских и дорожных (загородных), с соответствующими различиями во внешнем виде. Перед нами пример замещения карета ⇒ автомобиль <...>

На первый взгляд кажется, что этот процесс замещения касается формы. Действительно, легко можно представить себе, что новое, и без того уже пугающее изобретение — самодвижущийся экипаж, притом способный на «бешеную скорость» (около 20 км/час!), отпугивал бы еще больше, если бы у него была какая-нибудь непривычная — например, обтекаемая — форма. Подобно этому, т.е. как бы в соответствии с требованием «не пугать!», первые электрические лампы получали форму керосиновых или газовых; первые входы в метро (в Париже) — форму парадных подъездов в жилых домах <...>

Первые аэропорты, в полном несоответствии с их задачами, строились как железнодорожные вокзалы, — поскольку именно их они заместили <...>

Нетрудно, однако, убедиться, что дело во всех этих случаях в чем-то большем, чем просто в консервативности человеческих привычек и в нежелании испытывать шок при виде новых форм. Ведь процесс охватывает и такие случаи, где ничто не может испугать или шокировать <...>

Итак, дело, очевидно, в том, что новый предмет (изобретение, вещь, вещество, социальное явление) занимает в общественном быту и в общественном сознании место какого-то прежнего предмета, принимая его функцию. И, следовательно, форма – в широком понимании формы – здесь выступает *знаком занятого места, функции или назначения*, форма – значима, форма санкционирует предмет. Поэтому такие процессы и создаваемые ими ряды явлений мы называем семиотическими <...>

Основное отношение между замещаемым и замещающим явлениями в эволюционном ряду очень часто оформляется знаком в прямом смысле, т.е. словом языка: название замещенного предмета или действия переходит на замещающее его. Так, в ряду карета ⇒ автомобиль и карета ⇒ вагон само название лошадного экипажа перешло на самодвижущийся, кажется, только в одном английском языке (*car* ‘повозка’ и ‘автомобиль’) и отчасти в немецком (*der Wagen* ‘повозка, телега’ и ‘вагон’). Но зато многие специальные термины автомобильного и железнодорожного дела появились вследствие переноса по функции: так, рус. *шофёр* заимствовано из франц. *chauffeur*, где оно значило последовательно 1. ‘истопник’ ⇒ 2. ‘кочегар’ (т.е. ‘истопник паровой машины, паровоза’) ⇒ 3. ‘водитель автомобиля, шофер’ <...>

Б) *Синхронные семиотические ряды в культуре – «парадигмы», или «стили».*

<...> В такие ряды объединяются явления культуры («вещи» или «концепты» или и те и другие), принадлежащие к разным «эволюционным рядам», но приходящиеся на одну эпоху. Здесь, следовательно, принцип соединения – только время, а именно – одновременность.

Как и в других случаях рассмотрим сначала несколько примеров.

Начнем с рядов материальных предметов. Сравним два ряда предметов, принадлежащих двум большим периодам русской жизни почти без промежутка примыкающим один к другому: Русский ампир и Русский модерн <...> Русский ампир <...> охватывает период 1800–1840 гг., а Русский модерн периода расцвета – середина 1890-х гг. – конец 1900-х.

<...> Мы уже видели выше, что предметы материальной культуры образуют эволюционные ряды – «Светильники», «Вазы и сосуды», «Мебель» и т.д. Теперь мы видим, что «одновременные звенья» различных рядов также образуют некоторое единство. Такое единство обычно называется «стиль эпохи», но мы присоединим к этому термину его синоним – «парадигма». «Стили, или парадигмы» имеются не только в материальной, но и в духовной культуре, – прежде всего мы видим их в научном мышлении.

Стили мышления, или парадигмы. Одно из самых ранних утверждений о «стилях мышления», какое нам известно, было дано русским историком и философом в эмиграции Г.П. Федотовым (1932) <...> Через двадцать лет (1953) знаменитый физик Макс Борн писал: «Я не хочу сказать, что (кроме как в математике) существуют какие-либо неизменные принципы, априорные в строгом смысле этого слова. Но я думаю, что существуют какие-то общие тенденции мысли, изменяющиеся очень медленно и обра-

зующие определенные философские периоды с характерными для них идеями во всех областях человеческой деятельности, в том числе и в науке... Стили мышления – стили не только в искусстве, но и в науке» <...>

Влияние научных понятий на духовные концепты.

Приведем несколько примеров из словаря русской духовной культуры. Сравним слово *Идеалист* по двум словарям русского языка – В. И. Даля и С. И. Ожегова.

Даль (2-е изд., 1881, II, 8): «*Идеалист,-тка* – умствователь, кто увлекается несбыточными на деле выдумками, мечтатель, мнитель. *Идеализм* – философия, основанная не на явлениях вещественного мира, а духовного или умственного. Наклонность человека к мечтательности этого рода».

Ожегов (9-е изд., 1972): «*Идеалист* – 1. Последователь идеалистической философии. 2. Тот, кто идеализирует действительность, мечтатель (устар.). 3. Тот, кто в своем поведении, жизни руководствуется идеалистическими (в 3-м знач.) принципами» <...>

Очевидно следующее: то, что в значении слова *Идеалист*, было для Даля первым, стало для Ожегова вторым, устаревшим, а на первое место в словаре Ожегова вышло именно философское значение этого слова <...>

Теперь мы можем уточнить наше положение: *значения тех обиходных слов*, которые употребляются не только в общем языке, но и в науке, *постоянно стремятся к научному понятию как своему пределу*, но достигают его каждый раз тогда, когда наука (или техника) уже оставила это понятие и, отталкиваясь от него, ушла вперед.

В) *Ряды третьего рода – ментальные изоглоссы в культуре.*

<...> Испанский художник Гойя, работавший в конце XVIII – начале XIX вв. (1746–1828) и русский художник Борис Кустодиев (1878–1927), а также и писатель Андрей Белый, современник и друг Кустодиева, одинаково представляют себе «ужас» в виде огромной страшной фигуры человекоподобного существа (у Кустодиева – скелета), возвышающейся над горами, домами, обычными людьми. Русский Достоевский и датчанин Кьеркегор одинаково переживают отпадение человека от Бога, «грех» как мучительную тоску, наподобие задыхания в тесной темной комнате <...>

Все эти сходства и совпадения, не основанные на каком-либо личном знакомстве или знании, составляют между тем «тонкую ткань» культуры. Мы выделяем их под названием ментальные изоглоссы. Термин *изоглосса* заимствован из обычной работы лингвистов, он означает линию на географической карте, соединяющую – поверх административных границ – пункты с одинаковыми явлениями в языке, – одинаковые слова, одинаковые фонетические явления, и т.п. Например, в русском языке две разные изоглоссы – *невестка* и *сноха* для одного понятия ‘жена сына’ <...>

Г) *Сужающиеся и расширяющиеся процессы.*

<...> Кроме статичных явлений целесообразно выделить два типа процессов – расширяющиеся и сужающиеся. Социальная реакция на эти два типа процессов различна <...> Обследовались слова с ярко выраженной стилистической окраской; оказалось, что если сфера употребления такого

слова сужается, то процесс остается самими говорящими незамеченным, неосознанным и во всяком случае не вызывает никакой социальной реакции. Пример – слово *писание*, официально книжное, еще в 1930-е гг. употреблялось как синоним слову *письмо* (*Получил ваше писание*) и как наименование Священного Писания; затем сфера его употребления сужается – только в уничижительном смысле (и, конечно, остается как термин в сочетании Св. Писание) – *Ну, где тут ваше писание?* ; другой пример – *господин, госпожа* стали употребляться только в обращении к иностранцам, – все эти процессы не вызвали никакой социальной реакции.

Напротив, если сфера стилистически отмеченного слова расширяется, то это всеми замечается и вызывает общественную реакцию, часто резко отрицательную. Так, произошло, например, со словом *женщина*: когда оно стало употребляться как обращение на людях (*Женщина, ваша очередь подходит!*), то реакция была и остается резко только негативной. В таких случаях обычно говорят о «порче языка» или о «порче нравов», или о порче того и другого одновременно. Еще более ярко в аналогичном случае со словом *мужчина* (как обращение, до середины века оно применялось обычно только в среде проституток – *Мужчина, угостите папироской!*).

Аналогичные процессы протекают и в материальных рядах. Так, сужение сферы смокингов до особой узкой среды – дипломатические приемы, дирижер на эстраде и т.п. – не вызывает никакого протеста (никто не защищает «смокинги или фраки, выходящие из употребления»). Между тем симметричный, но противоположно направленный, т.е. расширяющийся, процесс (например, появление женщин «кавказской национальности» в общественных местах в домашних туфлях) вызывает общественную реакцию неприятия.

Д) Предыдущее наблюдение подвело нас к новому явлению в области культуры – *группам рейтинга*. Этим термином мы обозначаем группы концептов, или отдельные концепты, различающиеся мерой социального престижа или важности. Явление это еще очень плохо изучено, но оно, несомненно, существенно <...>

Прежде всего, очевидно, что социальный престиж и социальная важность – не одно и то же: быть богатым и здоровым – «престижно» в прямом смысле слова, быть бедным и больным – «непрестижно»; в социальном смысле престижности у этих двух групп концептов разный рейтинг – у первой более высокий, чем у второй. Но в смысле социальной важности концепты «богатый» и «бедный», «здоровый, здоровье» и «больной, болезнь» – имеют примерно одинаковый рейтинг, а, может быть, даже вторая группа – более высокий рейтинг, чем первая (так как много социальных мероприятий и просто психологических забот и опасений связано как раз с болезнью, а не с состоянием полного здоровья) <...>

Поясним это еще одним примером. В русском быту, и это стоит также в связи с некоторыми православными религиозными представлениями и обрядами, имеется компактная смысловая (концептуальная) группа «Вера,

надежда, любовь». Однако очевидно, что по рейтингу, – каков бы он ни был, рейтинг «престижа» или рейтинг «психологической важности», – «Вера» и «Любовь» имеют высший ранг, а «Надежда» более низкий, менее важный <...>

III. Заключительное определение.

<...> Культура – это совокупность концептов и отношений между ними, выражающихся в различных «рядах» (прежде всего в «эволюционных семиотических рядах», а также в «парадигмах», «стилях», «изоглоссах», «рангах», «константах» и т.д.); надо только помнить, что нет ни «чисто «духовных», ни «чисто материальных» рядов: храм связан с концептом «священного»; ремесла с целыми рядами различных концептов; социальные институты общества, не будучи «духовными концептами» в узком смысле слова, образуют свои собственные ряды, и т.д., – «концептуализированные области», где соединяются, синонимизируются «слова» и «вещи» – одно из самых специфических проявлений этого свойства в духовной культуре.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997. С. 13–39.

Вопросы и задания

1. Как описываются значения слова *культура* в современных толковых словарях? Как они соотносятся с определением культуры у Ю. С. Степанова?
2. Проанализируйте этимологию латинского слова *cultura*.
3. Чем отличаются новейшие определения концепта «*Культура*» от лексикографических описаний слова *культура*? Какие еще определения культуры вы знаете?
4. В какой ряд определений культуры вписывается вариант, данный в работе Р. Ладо «Лингвистика поверх границ культур»?
5. Какие закономерности в организации культуры анализирует Ю. С. Степанов? Проецируются ли эти закономерности на организацию языка?
6. Как соотносятся понятия *эволюционные семиотические ряды, синхронные семиотические ряды, ментальные изоглоссы*? Приведите примеры данных способов организации культуры.
7. Приведите примеры из изучаемых вами языков, подтверждающие/опровергающие тезис о сходстве в организации культуры и языка.
8. Какие две противоположные тенденции в развитии культуры анализирует Ю.С. Степанов? Существуют ли аналогичные тенденции в языке? Если да, то в чем они проявляются.
9. Приведите примеры разных групп рейтинга в культуре. Имеет ли данная особенность организации культурных явлений параллели в языке? Аргументируйте свою точку зрения примерами из изучаемых вами языков.

**Язык и метод.
Факты и первые объяснения**

Всякая новая отрасль науки имеет цель: она создается для исследования и объяснения определенных фактов. Семиотика объясняет в частности такие факты, которые давно и в большом количестве накоплены пытливыми наблюдателями над человеческим родом – писателями и путешественниками.

Всем известны знаменитые слова Ломоносова о различии языков: как говаривал Карл Пятый, римский император, испанским языком пристойно говорить с богом, немецким – с врагами, французским – с друзьями, итальянским – с женским полом, а русским – «со всеми оными».

В этом афоризме скрывается глубокая мысль о сродстве языка и характера народа. О том же говорит Гоголь («Выражается сильно российский народ!» <...>), современник Пушкина П.А. Вяземский (<...> Французы шутят для уха, русские для глаз. Почти каждую русскую шутку можно переложить в карикатуру. Наши шутки все в лицах <...>») <...> и наконец – Пушкин: «Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» <...>

«Один писатель сказал мне, – пишет И. Эренбург о Китае, – что не мог встретиться со мной – его жена была тяжело больна, три дня назад она умерла; говоря это, он смеялся. У меня мурашки пошли по коже; потом я вспомнил, что Эми Сяо мне говорил: "Когда у нас рассказывают о печальном событии, то улыбаются – это значит, что тот, кто слушает, не должен огорчаться"».

В Китае, продолжает И. Эренбург, он впервые задумался об условностях в обычаях, нравах, правилах поведения. Европейцы, здороваясь, протягивают для пожатия руку, что способно не только удивить, но и оттолкнуть китайца, японца или индийца (пожать руку чужого человека!). Житель Вены говорит «целую руку», не задумываясь над смыслом своих слов, а житель Варшавы, когда его знакомят с дамой, на самом деле целует ей руку. Англичанин начинает письмо словами «Дорогой сэръ», даже если в письме он обвиняет своего конкурента в мошенничестве.

Христиане-мужчины, входя в церковь, костел или кирху, снимают головные уборы, а еврей, входя в синагогу, покрывает голову. В католических странах женщины не должны входить в храм с непокрытой головой. В Европе цвет траура черный, а в Китае – белый. Когда китаец видит впервые, как европеец или американец идет под руку с женщиной, порой даже ее целует, это кажется ему чрезвычайно бесстыдным. В пекинской гостинице мебель была европейской, но вход в комнату традиционно китайским – ширма не позволяла войти прямо, в Китае это связано с преданием о том, что черт идет напрямик. Русский черт, напротив, лукав и заходит всегда сбоку, по кривой (*лукавый* и произведено от *лука*, *излучина*, *дуга*).

Если к европейцу приходит гость и восхищается картиной на стене, вазой или другой безделкой, то хозяин доволен. Если европейец начинает восхищаться вещицей в доме китайца, хозяин ему дарит этот предмет – того требует вежливость. Мы говорим детям, что в гостях ничего нельзя оставлять на тарелке, в Китае же к чашке сухого риса, которую подают в конце обеда, никто не дотрагивается, – правила вежливости требуют показать, что ты сыт.

Эти наблюдения И. Эренбург завершает следующим размышлением:

«Немного осмотревшись, я понял, что форма жизни куда отличнее от привычной мне, чем ее содержание. Неруда и я поехали на кладбище, положили цветы на могилу Лу Синя. Там мы встретили знакомую китайку, открыли братскую могилу жертв чанкайшистов, и она думала, что найдет останки своего мужа. Она пробовала улыбаться, как того требовала вежливость, и не выдержала – расплакалась».

Из подобных наблюдений естественно вытекает вопрос: не являются ли «жизненные формы», «формы жизни», как называет их И. Эренбург, – позы, жесты, некоторые выражения лица, манеры – не столько содержанием, сколько знаками «жизненного содержания» – чувств, переживаний, верований? Притом знаками, принятыми только в данной стране и у данного народа?

Утвердительный ответ напрашивается здесь сам собой, и наблюдения подобного рода, естественно, обобщаются в следующем, **первом выводе**: чувства, переживания, верования людей протекают в особых формах – позах, жестах, манерах; эти формы двойственны по своей сути: они одновременно и часть самого переживания, чувства, верования, но и до некоторой степени отчужденная его часть, ставшая чисто традиционной, его внешнее проявление, могущее быть его знаком.

Вслед за этим сразу же возникает новый вопрос: являются ли эти внешние знаки лишь различными национальными и традиционными формами одних и тех же общечеловеческих чувств и переживаний, подобно тому как на разных национальных языках могут быть переданы одни и те же мысли? Или эти внешние проявления глубоко содержательны и внешняя разница обычаев, разница этих знаков, выражает глубокое различие чувств и переживаний (не говоря уже, конечно, о верованиях) разных социальных групп и целых народов?

Наблюдатели по-разному отвечали на этот вопрос. И. Эренбург, как мы видели, вероятно, склонялся к первому ответу, считая, что вообще «форма жизни различнее, чем ее содержание». Но не менее убедителен и совершенно иной ответ. В особенности отчетливо он обоснован этнографами, наблюдавшими различное отношение людей к пространству, времени, цвету, природе вообще.

Мы отчетливо осознаем, что обращение с пространством – определенным образом нормированный аспект человеческого поведения, когда замечаем, что люди, воспитанные в разных национальных культурах, обращаются по существу с ним по-разному, в соответствии с принятыми в их

стране «моделями» (patterns), по выражению американского исследователя Э. Т. Холла. На Ближнем Востоке, замечает этот автор, он чувствовал себя как бы в давке, и это часто вызывало у него ощущение тревоги. Дома и служебные помещения были устроены столь отлично от американских, что его соотечественники приспосабливались к ним с трудом и постоянно жаловались на то, что места или слишком мало, или слишком много и оно пропадает напрасно.

Различия организации пространства этим не ограничиваются. В Японии пересечения улиц имеют названия, а сами улицы – нет. Араб на простой вопрос, как пройти, дает такие указания, что европейцу невозможно ими воспользоваться, пока он не постигнет всю арабскую систему указаний. Для немца из Пруссии вы «в комнате», если вы можете говорить и видеть кого-нибудь в комнате, хотя бы вы и стояли на пороге. Для американца вы «в комнате» только тогда, когда внутри целиком ваше тело и вы можете оторвать руку от дверного косяка. Колумбиец или мексиканец часто находят, что североамериканец, с которым они разговаривают, держится холодно и отчужденно только потому, что североамериканец не любит, чтобы до него дотрагивались и отступает назад как раз тогда, когда колумбиец считает, что он подошел достаточно близко, чтобы заговорить. Для американца удобным расстоянием при разговоре будет 75 см, но для мексиканца это слишком далеко.

Итак, при ответе на вопрос о том, действительно ли «формы жизни», обычаи значат нечто особенное, национальное, не встречающееся у других народов, предварительно получается второй_вывод: могут не значить, но могут и значить.

Из этнографических наблюдений следует вполне определенный, третий вывод: внешние формы жизни, о которых здесь идет речь, определенным образом упорядочены, они образуют системы, – это довольно ясно уже и из приведенных примеров, а как увидим ниже, эти системы еще и до некоторой степени аналогичны системе языка... Наиболее четко эта идея была сформулирована именно лингвистами: «Совокупность обычаев какого-нибудь народа всегда отмечена особым стилем. Обычаи образуют системы. Я убежден, что эти системы не существуют в неограниченном количестве и что человеческие общества, подобно отдельным людям, никогда не создают чего-либо абсолютно нового, но лишь составляют некоторые комбинации из идеального набора возможностей, который можно исчислить», – писал в 1943 г. датский структуралист В. Брэндал. Хотя с мыслью В. Брэндаля об историческом творчестве, как и с его пониманием языка, может быть, и нельзя полностью согласиться, но его рассуждения об аналогии между системой обычаев и языком, притом языком высоко формальным («исчислением»), весьма примечательно.

Легко привести и другие наблюдения, подобные этим, над отношением людей к времени, цвету, пространству жилищ и общественных зданий и т.д. *Время* – не менее важная часть поведения, чем пространство. Телефонный

звонок около 10 часов вечера во многих странах не может быть служебным. Гости чувствуют себя по-разному, смотря по тому, приглашены они до 5 дня или после. На официальных приемах время подчеркивается костюмом. Сам костюм, особенно его покрой и цвет, сообщают не меньше, чем манера вести разговор.

О *цвете* как роде языка, то есть прежде всего о значениях цветов, всем известно так много, что ограничимся только одним примером. (Чехов. Три сестры, I):

«Наталия Ивановна входит; она в розовом платье, с зеленым поясом.

Наташа. С именинницей. У вас такое большое общество, я смущена ужасно...

Ольга. Полно, у нас все свои. (*Вполголоса, испуганно*): На вас зеленый пояс! Милая, это нехорошо!

Наташа. Разве есть примета?

Ольга. Нет, просто не идет <...> и как-то странно <...>

Наташа (плачущим голосом). Да? Но ведь это не зеленый, а скорее матовый. (*Идет за Ольгой в залу*).

Все будущее столкновение трех сестер с Натальей, – двух миров, двух культур – дано здесь сразу, в этом цветовом конфликте.

Отношение людей к пространству отчетливее всего проявляется в архитектуре, которая позволяет подметить, как меняется это отношение в пределах одной культуры, например европейской, за сравнительно небольшое время.

Лариса Рейснер так описывала Зимний Дворец первых дней после революции: «И внутри никакие разрушения, разбитые окна, сорванные рамы – ничего не отнимает у этой постройки плавный ход ее галерей, соразмерность стен и потолков, полукруги зал и, прежде всего, изумительное, единственное в мире расположение тени и света.

На пороге каждой комнаты вы сразу замечаете окна: они высоки и цельны, и каждое с тяжелыми складками кружева или сукна, отодвинутыми на две стороны, напоминает сцену, живую, открытую сцену.

Все остальное – камин, люстры, мебель – возведены и поставлены так, чтобы со всякого места зрителю открывалась новая перспектива <...>».

Сравним с этим обратное, иное – современные здания, например театр Советской Армии в Москве, где стена, отделяющая кулисы сцены от зрительного зала, – внутренняя стена, обращенная в зал, сделана как наружная, как бы из крупных глыб серого камня.

Еще отчетливее проявилась та же, неуклонно развивающаяся тенденция в планировке «подвижного театра» в Доме культуры города Гренобля (Франция), построенного в самые последние годы <...>

В этом театре зрители, а не актеры, находятся внутри сцены. Решетчатый потолок позволяет ходить по нему сверху, кабина режиссера подвешена к потолку как «глубоководный батискаф», стереофоника дополняет новый пространственный эффект. Этот принцип планировки театрального пространства соответствует новому пониманию театра вообще, самого театрального искусства <...>

Но может быть еще ярче, еще нагляднее это новое обращение с пространством в учреждениях бытовых, в кафе, закусочных, каких много строится в последнее время: вы сидите за столиком в зале, отделенном от наружного пространства только огромными, от пола до потолка стеклами. Этой преграды как бы нет. Зал отделяет от кухни или от другой части зала стена из теса или грубого, нарочито необработанного камня.

Эта стена внутренняя, но она кажется наружной: наружной как бы нет, а внутренняя подчеркнута наружная. Пространство как бы вывернуто наизнанку. Внешнее и внутреннее пространства сознательно спутаны, слиты, границы между ними нет, вы внутри и одновременно как бы вне здания, – полная противоположность интерьеру Зимнего Дворца, каким описывает его Рейснер. Но в этой разнице планировок не только разница стилей – здесь разный взгляд на мир <...>

Отсюда четвертый вывод: устанавливая общее в различных знаковых системах, семиотика заставляет видеть всеобщую связь между принципами организации а) языка; б) материальной культуры (в нашем примере планировки пространства); в) духовной культуры (в нашем примере – духовного отношения к пространству, этики) <...>

Описывая язык, современные лингвисты сначала устанавливают отношение каждого элемента языка (например, слова) к другим таким же элементам данной системы. Это отношение составляет «относительное значение» данного элемента (называемое еще «значимостью», «ценностью», «десигнатом» или «концептом»). А уже потом определяют, к какому явлению внешнего мира, вне языка, относится этот элемент нашим сознанием, это как бы «безотносительное значение» данного элемента (называемое еще *денотатом*). Например, у русского слова *зеленый* относительное значение такое: ‘один из семи цветов солнечного спектра, между желтым и голубым’, для разъяснения же безотносительного значения надо указать какой-нибудь предмет, который имеет цвет, называемый зеленым. В словарях обычно так и делается: «*зеленый* – цвета зелени, травы, листвы» (Толковый словарь русского языка, под ред. проф. Д.Н. Ушакова).

Теоретики (т.е. лингвисты) обычно исходят из относительного значения, а просто пользующиеся языком – из безотносительного, для них значение всегда связывается с каким-нибудь предметом, лежащим вне языка. Но сама эта разница в отношении к значению подмечается и описывается в семиотике. Так вот, очень интересно, что этот общий семиотический взгляд распространяется за пределы лингвистики и семиотики. Осознанно или неосознанно им начинают пользоваться писатели, писатели приписывают его своим героям (или открывают его у них), литературные персонажи формируют взгляды читателей, и семиотические идеи проникают в быт.

Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998. С. 21–28

Вопросы и задания

1. Какие примеры культурных различий между этносами приводит Ю. С. Степанов? Найдите свои собственные примеры таких различий в разных культурах.
2. Проанализируйте примеры Ю.С. Степанова о похоронном ритуале в китайской культуре. Какую из гипотез подтверждают, на ваш взгляд, эти примеры:
 - традиции в разных культурах – это национальные формы выражения одних и тех же общечеловеческих чувств и переживаний;
 - в основе аналогичных традиций в разных культурах лежат разные чувства и переживания.

Как на данный вопрос отвечает Ю.С. Степанов?

3. Какие аргументы приводит Ю.С. Степанов в защиту тезиса об упорядоченности, системности обычаев?
4. Существует ли, на ваш взгляд, аналогия между системностью культуры, системностью языка и системностью материального мира? Означает ли наличие системности в языке отсутствие в нем асистемных фактов и тенденций, расшатывающих систему? Подтвердите свою точку зрения примерами.

Лингвистика поверх границ культур

Глава 4. Как сопоставлять лексические системы

1. Слова

1.1. <...> Нельзя отрицать или игнорировать существование слова как реальной единицы языка. Сепир с характерной для него пронизательностью так это формулирует: «Нельзя желать более убедительного доказательства, чем то, что наивный индеец, совершенно непривычный к понятию написанного слова, никогда тем не менее не испытывает особых затруднений, надиктовывая исследователю текст слово за словом; он склонен, конечно, сливать слова, как в нормальной речи, но если его попросят говорить с расстановкой и сумеют втолковать ему, чего от него хотят, он сумеет легко выделить слова как таковые, повторяя их как единицы. Вместе с тем он неизменно отказывается выделять корневые или грамматические элементы на том основании, что это “не имеет смысла”». <...>

1.2. Для целей научного исследования слово было определено Блумфилдом: «Слово... – это свободная форма, которая не сводится полностью к ...менее крупным свободным формам. Короче говоря, слово – это *минимальная свободная форма*». <...>

1.3. Ясное понимание того, как слова используются носителями языка находим у Фриза. Он говорит: «Для нас *слово* есть сочетание звуков, действующее как стимул для вовлечения в сферу внимания того опыта, с которым оно связано употреблением». <...>

«...Когда говорящий употребляет слово *head* ‘голова’ в таком контексте, как *head of cabbage* ‘кочан капусты’, то не что иное, как форма является доминантным аспектом опыта, устанавливающим связь с материальной сущностью – капустой. Когда слово *head* употребляется в контексте типа *the head of a department* ‘глава департамента’, то в центре внимания голова как главная, доминирующая часть тела. Когда же оно употреблено в контексте *the head of the river* ‘верховье реки’, еще один аспект отношения головы к телу становится фокусом внимания. С практической точки зрения разнообразные отдельные словарные значения слова представляют собой сигназируемые им конкретные аспекты опыта, которые были в центре внимания говорящих, использующих данное слово, поскольку эти аспекты могут быть выведены из совокупности многочисленных контекстов, в которых оно появляется...».

1.4. Здесь нас будут интересовать три аспекта слов: 1) их форма, 2) их значение, 3) их дистрибуция.

1.4.1. *Форма.* В большинстве языков форма слов состоит из звуковых сегментов, ударения и – в тоновых языках типа китайского и тайского – высоты тона. Формой испанского слова *jugo* ‘сок’ является последовательность из четырех значимых звуковых сегментов (фонем)

[xúgo] и ударение – главное ударение на первом слоге. Если мы заменим один из звуковых сегментов, например сегмент, представленный буквой *j*, на [y], то получится новое слово: *yugo* ‘ярмо’. Если изменить позицию главного ударения, получится еще одно слово: *jugó* ‘он играл’. Тайское слово [ma:] ‘лошадь’ состоит из звуковых сегментов плюс высокий ровный тон. Те же сегменты с восходящим тоном будут означать ‘собака’.

Форма слов меняется в соответствии с характером ситуации, быстротой речи, позицией в предложении, положением относительно ударения и т.п. Например, английское слово *and* ‘и’ варьирует от трех сегментных фонем [ænd] через промежуточные ступени редукции [энд], [æн], [эн] до одной фонемы [н]. Слово *not* ‘нет’ встречается в виде [nat] и [nt], *will* – в виде [wil] и [l]; *is* ‘есть’ – в виде [iz] и [s] или [z]. Носители языка с трудом могут поверить, что слова, которые они употребляют, столь значительно меняются по форме.

Другим существенным признаком формы является состав слова. Английское *observational* ‘наблюдательный’ состоит из основы *observ* (ср. *observe* ‘наблюдать’), суффикса *-(a)tion* и еще одного суффикса *-al*. Другие языки допускают более сложные комбинации, чем английский. Как один из лингвистических курьезов, но нечто, определенно являющееся языковой формой, Сепир упоминает пример из индейского языка пайют (юго-запад штата Юта): *wii-to-kuchum-punku-rügani-yugwi-va-ntü-m(ü)*, что означает ‘они, которые собираются сидеть и разрезать ножом черную корову (или быка)’ <...>

Частотность составных элементов слов может уравнивать нечастотность целого слова. Если мы употребим, например, слово *observational*, оно, вероятно, будет понято учащимися, начинающими изучать английский язык как иностранный, хотя оно фигурирует среди 1358 наименее частотных слов в списке Торндайка. Части *observ* + *-(a)tion* + *al* гораздо более частотны, чем само слово. *Observ-* в качестве слова *observe* зафиксировано Торндайком среди 2000 наиболее частотных слов английского языка. Суффикс *-tion* используется в столь многих английских словах, что его совокупная частотность должна быть очень высокой. Я находил примеры с *-tion* на каждой странице наугад выбранного десятистраничного отрывка из «Языка» Блумфилда. <...> Суффикс *-al* менее частотен, чем *-tion*, но все же достаточно част, чтобы встречаться практически на каждой странице текста <...>

1.4.2. *Значение.* Существует иллюзия, свойственная порой даже образованным людям, будто значения одинаковы во всех языках и языки различаются только формой выражения этих значений. По сути же, значения, в которых классифицируется наш опыт, культурно детерминированы или модифицированы, так что они существенно варьируют от культуры к культуре. Некоторые значения, обнаруживаемые в одной культуре, могут

отсутствовать в другой. Значения ‘лошадь’ не существовало в языках американских индейцев до тех пор, пока волна испанского завоевания и колонизации не принесла лошадь в Америку <...>

Но даже если реалья присуща данной культуре, значения будут отличаться или вовсе отсутствовать в некоторых случаях. Эскимосы знают много оттенков значения, соответствующих разным видам снега, и используют отдельные слова для обозначения этих оттенков, в то время как другие культуры, хорошо знакомые со снегом, просто не имеют такого разнообразия значений <...>

Значения могут классифицироваться в соответствии с теми формами, за которыми они закреплены. Значения, которые закреплены за словами как таковыми, являются лексическими значениями, например, значение ‘постройка для проживания людей’ закрепляется в английском языке за формой *house* ‘дом’ в качестве лексического значения. Значение ‘два или более, множественный’, закрепленное за связанной формой *-s* [s] в *books* ‘книги’, *cats* ‘кошки’, *maps* ‘карты’, может быть названо морфологическим, тогда как то же значение ‘множественный’ в соединении со словесной формой *plural*, является лексическим. Значение ‘вопрос’, приписываемое расположению слов в предложении *Is he a farmer?* ‘Он фермер?’, – это синтаксическое значение, но значение ‘вопрос’, прикрепленное к словесной форме *question*, будет уже лексическим значением.

В данный момент нас прежде всего интересуют лексические значения, но разные языки классифицируют свои значения по-разному, т.е. то, что обычно является лексическим значением в одном языке, может быть морфологическим значением в другом <...>

Англоязычным говорящим трудно вообразить язык, в котором различие по единственности – множественности, как в *book-books*, не выражается морфологически. «Как же еще можно передать эту идею?» – недоумевают они. В китайском языке, например, это различие не выражается, т.е. не выражается морфологически посредством связанной формы типа английской *-s*. Значения ‘два’, ‘три’, ‘более одного’ и т.п. являются в китайском лексическими значениями, закрепленными за словами. Когда какое-то из этих значений существенно для сообщения, вводятся соответствующие слова, когда же это значение несущественно, такие слова опускаются. В древнегреческом языке существовали значения ‘единственное’, ‘двойственное’, ‘множественное’ как морфологические значения. Можно предположить, что древние греки недоумевали, каким образом языки, имеющие только единственное и множественное число, смогут выразить значение ‘двойной, два’. В английском такое смысловое различие является лексическим.

Частотность различных значений слова является их существенным признаком. Если бы мы употребили слово *get* ‘доставать, получать’, входящее в 500 наиболее частотных слов в списке Торндайка, в контексте *We did not want to overdo the thing and get six months* ‘Мы не хотели заходить слишком далеко в этом и получить шесть месяцев’ (в значении ‘отбывать

тюремное заключение в порядке наказания’), то обнаружили бы, что некоторые вполне продвинутые учащиеся, изучающие английский как иностранный, не «знают» это слово <...> Указанное частное значение слова *get* является столь редким, что вообще было зафиксировано как встречающееся в выборке из более чем полмиллиона находящихся в обращении слов <...>

Значения, обсуждавшиеся до сих пор, обычно составляют часть преднамеренного сообщения в процессе коммуникации. Эти значения в большей или меньшей степени входят в сознательное намерение говорящего и могут быть названы первичными. В реальном употреблении, однако, слова передают и другие значения; например, если использование слова ограничено определенным социальным классом, его употребление говорящим может нести слушающему значение идентификации данного класса. Подобным же образом, если слово ограничено некоторым географическим ареалом, его употребление говорящим указывает также на местность, из которой он происходит.

1.4.3. *Дистрибуция* слов важна для нас потому, что в каждый данный момент в истории языка говорящим присущи определенные привычки к ограничениям в дистрибуции, а также потому, что разные языки имеют различные ограничения. Существуют грамматические ограничения; так, например, в английском *water* может быть существительным, как в *a glass of water* ‘стакан воды’, глаголом, как в *water the garden* ‘полить сад’, именным приложением, как в *water meter* ‘водный счетчик’, но никогда не бывает прилагательным без предварительной «подгонки» формы, ср. *watery substance* ‘водянистая субстанция’ <...>

Существенно то, что слова могут демонстрировать различное географическое распределение, попадая внутрь или за пределы некоторой диалектной зоны. И как уже отмечалось, дистрибуция по различным социально-групповым уровням также должна приниматься в расчет ввиду наличия вторичных значений, передаваемых этой дистрибуцией. Голая констатация частотности оставляет эти вопросы нерешенными. В списке Торндайка *ain't** приводится среди 2000 самых частотных английских слов, но ничего не говорится о том, типично ли *ain't* для литературного языка или же для каких-либо иных видов речи.

Слова в своем употреблении ограничиваются не только географически и социально; часто они ограничены также относительно стилей устной и письменной речи. Так, многих слов, встречающихся в поэзии, мы не найдем в обычном разговоре или в прозе, и наоборот.

1.5. *Классификации*. После всего сказанного должно быть совершенно ясно, что слова языка образуют весьма сложную систему классов единиц – классов, смыкающихся друг с другом по значению, форме, грамматической функции, дистрибуции и т.д.

1.5.1. Фриз делит английские слова на четыре группы, которые кажутся нам существенными <...> Это 1) функциональные слова, 2) слова-субституты, 3) слова с грамматически обусловленной дистрибуцией и 4) знаменательные

слова. Функциональные слова в первую очередь выполняют грамматические функции, например *do*, сигнализирующее вопрос. Слова-субституты *he* 'он', *she* 'она', *they* 'они', *so* 'так' и т.п. замещают некоторый класс слов и несколько подклассов. Грамматически распределенные слова *some* 'некоторый', *any* 'любой' и т.д. обнаруживают необычные грамматические ограничения в дистрибуции. Количество слов в трех первых группах довольно невелико, примерно 200 в английском языке. Четвертая группа – знаменательные слова – составляет основную массу словаря языка. В английском и многих других языках знаменательные слова подразделяются по разрядам – названия предметов, процессов, качеств и т.п.

1.5.2. Нашу модель необходимо дополнить еще двумя словарными разграничениями. Следует проводить различие между общим ядерным словарем, известным всем членам языкового сообщества, и специальными словарями, известными только группам специалистов. Нам, конечно, прежде всего интересуют общий ядерный словарь <...>

1.5.3. Другим важным для нас разграничением является различие между словарем для производства речи и словарем для понимания речи. Как правило, наш рекогнитивный словарь намного превышает продуктивный. Делались различные оценки минимально необходимого числа слов, позволяющего учащемуся поддерживать общение в обычных ситуациях. Бэйсик (Basic English) использует для этой цели приблизительно 1000 слов. Майкл Уэст считает словарь из 2000 слов «достаточным для чего угодно и более чем достаточным для большинства дел». Очевидно, что это минимальные продуктивные словари. Для понимания речи необходимы минимальные словари большего объема.

2. Фактор родного языка

2.2. *Модели трудностей.* Сходство и различие между родным и изучаемым языками в отношении формы, значения и дистрибуции имеют своим результатом легкость или трудность в усвоении словаря иностранного языка. Сравнивая последний со словарем родного языка, мы обнаружим слова, (1) сходные по форме и значению, (2) сходные по форме, но различные по значению, (3) сходные по значению, но различные по форме, (4) различные по форме и по значению, (5) различные по типу конструкции, (6) сходные по основному значению, но различающиеся в коннотациях и (7) сходные по значению, но с ограничениями в географическом распределении.

Поскольку часть этих групп совпадает, в результате чего некоторые слова попадают более чем в одну группу, трудность их усвоения различна. <...>

2.2.1. *Родственные слова (cognates):* слова, сходные по форме и значению. В английском и испанском имеются тысячи слов, которые достаточно сходны по форме и по значению: *hotel, hospital, calendar* служат очевидными примерами. Некоторые из этих родственных слов сохранены испанским в ходе его развития из латинского и были заимствованы английским из латыни или французского. Некоторые восходят к более ранним формам, которые, как

предполагают, имелись в индоевропейском, общем предке английского и испанского, принадлежащих к индоевропейской семье языков. Какова бы ни была причина сходства, эти слова обычно составляют наименьшую трудность – они являются легкими <...> Эти слова важны на самом элементарном уровне владения языком.

И все же, несмотря на существование тысяч сходных слов в английском и испанском, эти сходства можно свести к относительно небольшому числу подгрупп или моделей соответствия, например соответствие между англ. *-tion* и исп. *-ción*. Сотни слов могут классифицироваться как сходные по этой модели соответствия.

Иногда ошибочно полагают, что родственные слова должны обнаруживаться только между родственными языками, такими, как английский и испанский, но не между неродственными языками, такими, как английский и японский или английский и китайский. В действительности же большое число родственных слов может быть найдено между английским и японским, английским и китайским, как и между многими другими совершенно неродственными языками. Существует целый ряд слов, обошедших земной шар, и еще больше таких, которые распространились далеко за пределы отдельного языка или одной культуры.

2.2.2. *Обманчивые родственные слова*: слова, сходные по форме, но обозначающие разные вещи. Формально похожие в двух языках слова могут быть частично сходны по значению; они могут быть полностью различны в значении, но передавать значения, существующие в родном языке; наконец, они могут различаться по значению и выражать такие значения, которые не находят опоры в опыте лиц, переходящих от родного языка к иностранному. Японский язык заимствовал из английского слово *milk* ‘молоко’, но ограничил его – по крайней мере на какое-то время – значением ‘консервированное молоко’. Форма этого слова в японском подобна английскому слову, но значение сходно лишь отчасти, так как оно не охватывает, например, свежего молока <...>

Англ. *in the table* ‘в столе’ и *on the table* ‘на столе’ имеют в качестве обычного разговорного соответствия в испанском *en la mesa*. Только в весьма особых обстоятельствах испанец проводит различие между *в* и *на* столе, и тогда дело уже не ограничивается противопоставлением *в* : *на*, но включается также противопоставление *стол* : *ящик (стола)*. Испанец скажет *en el cajón* ‘в ящике’ и *sobre la mesa* ‘на столе’. Проблема здесь состоит не просто в прикреплении знакомого значения к новой форме, но и в постижении нового смыслового различия, иного способа классификации действительности.

Эти слова, сходные по форме, но различные по значению – обманчивые родственные слова, как мы их назвали, – образуют особую группу, занимающую очень высокое место на шкале трудности. Мы пометим их как трудные. <...> Такие слова представляют собой верные ловушки.

2.2.3. *Различные формы*: слова, являющиеся «теми же самыми» по конкретному значению, но различными по форме. Уровень трудности: нормальный. Пример: англ. *tree* ‘дерево’ в контексте *The leaves of that tree are falling* ‘Листья того дерева опадают’ и исп. *arbol* в аналогичном контексте. Трудность в данном случае состоит в усвоении новой формы – *tree* или *arbol* – для значения, уже привычного по родному языку. <...>

Важно также отметить, что, хотя определенные значения слова одного языка иногда доступны переводу посредством слова другого языка, немного найдется (если вообще найдется) таких слов в двух языках, которые совпадали бы во всех своих значениях <...> Только слова типа *пенициллин*, заимствованные многими языками одновременно, могут считаться эквивалентными во всех своих значениях, но даже в этом случае, если такие слова вообще получают какое-то распространение, они вскоре развивают новые значения, которые не будут подобными в разных языках.

2.2.4. «Незнакомые» значения: слова, различающиеся по форме и передающие значения, «незнакомые» говорящим по их родному языку, т.е. значения, представляющие иное осмысление действительности, классифицируются как трудные. В американском английском *first floor* ‘первый этаж’ отличается от испанского *primer piso* и по форме, и по охвату того, что составляет понятие ‘первый’. Исп. *primer* – это в данном случае не первый по счету на уровне земли, а первый над уровнем земли, так что *primer piso* обозначает то, что в американском английском называется *second floor* ‘второй этаж’, хотя буквальным переводом испанского выражения было бы *first floor*. <...>

2.2.5. *Новые типы форм*: слова, различающиеся своей морфологической структурой. Трудны. Когда носители различных романских языков или японского, китайского и многих других изучают английский, они испытывают значительные трудности с усвоением таких лексических единиц, как *call up* ‘звонить по телефону’, *call on* ‘навещать, посещать’ и *run out of* ‘исчерпать запас’. Если в родном языке учащегося отсутствуют лексические единицы, составленные по указанным моделям из двух в принципе отдельных слов, ему будет нелегко усвоить такие «двусловные глаголы» изучаемого языка. Трудности возрастают, если эти составные элементы разделены другими словами, как в примере *Did you call the boy up?* ‘Позвонил ли ты мальчику?’ <...>

«Идиомы» – выражения, специфические для какого-то языка – скорее выявляются, когда мы сравниваем разные языки, нежели в рамках одного языка. Выражение, которое носителю данного языка кажется принадлежащим исключительно его языку, может быть совершенно естественным для носителей другого языка и, таким образом, не идиоматичным для них. С другой стороны, выражение, кажущееся совершенно естественным носителям какого-либо языка, может быть чуждым для говорящих на ином языке. <...>

2.2.6. *Различные коннотации*: слова, имеющие в двух языках резко различающиеся коннотации. Трудны. Группа особой трудности представлена словами, безобидными в родном языке, но оскорбительными или табуиро-

ванными в иностранном, или наоборот. Когда они безобидны в родном языке учащегося, последний использует их в иностранном языке, не отдавая себе отчета в последствиях. Когда же они безобидны в иностранном языке, учащийся будет избегать их из опасения вызвать ту же реакцию, какую они вызывают у носителей его родного языка <...>

В испанском языке выражение *Dios mio*, буквально означающее ‘Боже мой’, нередко используется как обращение к Всемогущему в обыденном разговоре. Даже те из испаноязычных учащихся, кто значительно продвинулся в овладении английским, иногда употребляют это выражение с теми же чувствами и намерениями в своей английской речи, но впечатление, производимое ими на англоязычных слушающих, будет, конечно, иным.

Имя *Jesus* ‘Иисус’ часто используется в испанском в качестве личного имени. Родители, нарекающие так своих детей, могут действительно полагать, что этим они воздают почести Христу, или по крайней мере они не ощущают в этом никакого недостатка уважения. Напротив, носители английского языка находят неудобным использовать это имя как личное. Применение его к человеческому существу, по их ощущению, отдает непочтительностью к Богу, т.е. налицо совершенно иные коннотации имени, нежели в испанском <...>

Различия в коннотациях иногда развиваются между диалектами одного языка. На Кубе фамильярная форма местоимения 2л. *tú* используется шире, чем, например, в Мексике <...> Слово *grueso* ‘толстый, жирный’ употребляется в качестве комплимента в сегодняшней речевой практике по крайней мере в некоторых диалектах испанского языка. Во время моего пребывания в Испании мне постоянно «льстили», говоря в приветствии, как я «толст». Будучи осведомлен о благоприятных коннотациях слова, я вынужден был по достоинству оценить это наблюдение <...>

2.2.7. Географические ограничения: слова, ограниченные определенными географическими районами в ареале распространения иностранного языка. Трудны, потому что ограничения также должны быть усвоены <...> Если предмет нашего интереса является английский язык безотносительно к тому, будет ли это британский или американский вариант литературного языка, нам следует избегать при тестировании такие слова, как *petrol* и *gasoline* (оба означают ‘бензин’. – Прим. перев.), так как они типичны соответственно для британской и американской речевой практики. Если же, с другой стороны, нас интересует литературный английский в его американской разновидности, отличаемой от британской, мы должны выбрать *gasoline* <...>

Занимаясь лексикой, мы должны принимать во внимание три важных аспекта слов – форму, значение, дистрибуцию – и рассматривать разнообразные виды и классы слов при оперировании конкретным языком. Все это особенно важно в процессе изучения иностранного языка, так как формы, значения, дистрибуция и классификации слов в разных языках различны <...>

3. Как сравнивать лексику двух языков

3.1. *Ограниченный словарь.* Полный словарь любого из крупнейших языков чрезвычайно велик, и потребовалась бы целая жизнь для его пословного сравнения с другим полным словарем.

Конкретный способ ограничения словаря зависит от того, будет ли это словарь для говорения или для слушания, для взрослых или для детей, а также для всевозможных прочих целей и специальных нужд.

Ограничение не слишком затронет некоторые типы слов. Фриз говорит: «Что касается словарных единиц, этот [первый] этап изучения должен включать главные элементы (фактически почти все) из первых трех видов слов – «функциональные слова», слова-«субституты» и слова с отрицательной и утвердительной дистрибуцией [т.е. слова, употребляющиеся только в отрицательных или только в утвердительных предложениях. – *Прим. перев.] <...>*

За пределами трех указанных категорий, чем конкретнее мы сумеем уяснить свои цели при отборе словаря, тем точнее можно будет определить наш ограниченный словарь. Если мы решаем, что нас интересует словарь для речевой практики, то (1) мы могли бы решить остановиться примерно на 2000 слов или даже на 1000 либо решить включить более 2000 – скажем, 4000, а то и все 7000, в зависимости от ожидаемого уровня владения языком. (2) Мы должны решить, какие значения этих слов будут включены в такой словарь. (3) Нам надлежит решить, каких контекстуальных сфер мы будем касаться, чтобы включить слова, необходимые для этих контекстов, и исключить ненужные. (4) Следует решить, какие грамматические модели включать в пределы нашей выборки. Отбор этих моделей позволит решить, какие функциональные слова и в каких своих употреблениях нам понадобятся <...> Наконец, (5) мы должны решить, на какие возрастные группы рассчитан наш словарь, с тем чтобы в дальнейшем иметь возможность выбирать среди словарных единиц те, что демонстрируют возрастное распределение <...>

3.2. *Конкретные предложения по сравнению словарей.* Для каждого слова иностранного языка (позднее также для групп или моделей слов) нам необходимо сравнение по форме, значению, дистрибуции и коннотации со словарем родного языка. Это сравнение может проводиться либо с использованием всех четырех проверок сразу для каждого слова иностранного языка, либо на основе целой выборки, сравнивая слова сначала по форме, затем по значению, далее по дистрибуции и, наконец, по коннотациям <...>

Первый шаг: сравнение форм <...> Каждое слово, напоминающее слово родного языка, должно откладываться в сторону, если оно на отдельной карточке, или записываться на отдельный листок. Когда модели сходства будут выявлены, эти сходные слова могут далее подразделяться на группы.

В итоге мы получим два рода слов: (1) те, что различаются по форме, и (2) те, что сходны по форме. Последние далее будут делиться на несколько моделей соответствия между родным и изучаемым языками.

Слова, различающиеся по форме, должны быть вновь просмотрены, чтобы выяснить, не различаются ли они, кроме формы, также и типом строения. Те, что различаются по этому признаку, проходят под рубрикой новых формальных типов <...>

Второй шаг: сравнение значений. Мы можем теперь взять слова, обнаруживающие сходство в форме, и сверить значения, отобранные в нашем перечне, со значениями сходных слов родного языка учащихся. Если значения достаточно сходны – они редко (если вообще когда-нибудь) совпадают точно, – мы рассматриваем эти слова как родственные. Если же значения безусловно различны, мы определяем эти слова как обманчивые родственные и считаем их очень трудными <...>

Третий шаг: сравнение дистрибуции и коннотаций. Последний этап анализа списка должен иметь целью обнаружение слов, существенно различающихся по дистрибуции и/или коннотациям. Слова, неспособные выступать в иностранном языке в качестве глаголов, представляют трудности, если они могут иметь такое употребление в родном языке. Слова, ограниченные в географическом распределении в иностранном языке, будут внесены в перечень трудностей. Наконец, слова, выказывающие широкие различия в коннотациях, также относятся к числу трудных <...>

Глава 6. Как сопоставлять две культуры

1. Введение

1.1. *О культуре.* «Культура», как мы ее здесь понимаем, есть синоним «обычаев народа». Как таковая она оказывается наименее понятной из всех тем, обсуждаемых в этой книге. Зачастую обычаи народа превозносятся самим этим народом, в то время как другие смотрят на них с подозрением и неодобрением, и нередко в обоих случаях наблюдается удивительно мало понимания того, чем же в действительности эти обычаи являются и что они значат.

Когда приехавшему в США предстоит ознакомление с американским образом жизни или американской культурой, почти каждый рад показать ему этот образ жизни и эту культуру, но что мы ему показываем и рассказываем? <...>

Наша неспособность описать свои культурные обычаи соответствует нашей неспособности описать свой язык, если только мы не предпримем специального его изучения. Парадокс в том, что мы в состоянии пользоваться этой сложной структурой, каковой является наш язык, с изумительной легкостью и гибкостью, но стоит кому-нибудь спросить нас, к примеру, когда употребляются *between* ‘между’ и *among* ‘среди’, как мы наговорим ему самых удивительных выдумок с наилучшим намерением сказать правду. Точно так же мы можем уметь быстро и легко завязывать галстук, но как только нас попросят объяснить, как мы это делаем, мы совершенно смешаемся и можем дать абсолютно неверное объяснение. <...>

1.2. *Определение культуры.* Как и другие, я полагаю, что культура есть структурированная система моделированного поведения. Хорошее определение культуры дается антропологами: «В культурной антропологии в течение последних 25 лет произошел постепенный переход от атомистического определения культуры, трактующего ее как более или менее случайный набор свойств, к определению, которое на первый план выдвигает понятие модели и структуры. Клюкхон и Келли, по-видимому, наилучшим образом выражают эту современную концепцию культуры, когда определяют ее как «все те исторически создаваемые планы жизнепроживания <...> которые существуют в каждый данный период времени как потенциальные ориентиры человеческого поведения». Свойства, элементы или, лучше сказать, модели культуры в этом определении организованы, или структурированы, в систему или множество систем, которая, будучи исторически создаваемой, является поэтому открытой и подверженной постоянному изменению <...> Ср. также высказывание Э. Сепира о том, что «все культурное поведение моделировано» <...>

1.3. *Функциональные единицы культуры.* Индивидуальные акты поведения, через которые проявляется культура, никогда не бывают в точности одинаковыми. Каждый акт уникален, один и тот же акт никогда не повторяется <...> Однако в каждой культуре определенные акты, физически представляющие столь различными, признаются тем не менее идентичными.

Если мы утром принимаем за апельсиновый сок, кофе, глазунью и гренок из белого хлеба, а на следующее утро – грейпфрутовый сок, кофе, омлет и гренок из серого хлеба, то это в США обычно считается двумя проявлениями одной и той же единицы поведения: съедания завтрака. И все же эти акты различны. Форма, или схема, под которую должны подводиться определенные акты, чтобы считаться завтраком в США, образует модель поведения, функциональную единицу поведения в этой культуре. Эти модели в свою очередь состоят из подвижных элементов, таких, как исполнитель, акт, объекты, обстановка, время, способ, цель и т. д. Хотя эти элементы всегда единственны и различны, они определяются как «то же самое» или «различное» через определенные шаблоны, которые также являются культурными моделями. «Тожесть» имеет характерные признаки в каждой культуре и представлена обычно разнообразными классами явлений. Один такой класс во многих культурах состоит из единиц, трактуемых как статические сущности, например мужчины, женщины, дети, доктор, няня, учитель, парикмахер, животные, лошади, собаки, духи, колдуны, домовые, идеи, семья, клуб, церковь, школа, предприятие, магазин, ферма, дерево, здание, музей, дом и т.п. Другой класс образуют единицы, трактуемые как процессы, например отдыхать, учиться, ловить рыбу, бежать, думать, сидеть, умирать и т.п. Еще один класс включает единицы, трактуемые как качества, например быстрый, медленный, хороший, плохой, горячий, холодный, сонный, сонно, жестокий, конструктивно, сомнительно и т.п.

1.4. *Форма, значение и дистрибуция.* Единицы моделированного поведения, которые образуют схему, присущую каждой культуре, имеют форму, значение и дистрибуцию <...> *Формы* этих моделей культуры функционально идентифицируются по свидетельству носителей данной культуры, хотя одни и те же индивиды могут быть не в состоянии точно определить сами формы, которые они умеют идентифицировать. Даже такая ясная единица поведения, как завтрак, мгновенно идентифицируемая исполнителем, спрошенным, что он делает, может описываться им как утреннее принятие пищи, когда вы едите овсянку, бекон, яйца и кофе, однако человек, работающий всю ночь, мог бы завтракать и вечером, а еда из овсянки, бекона, яиц и кофе могла бы быть ленчем или даже ужином.

Что же тогда завтрак? Можем ли мы определить его? Да, но при этом надо особо подчеркнуть, что даже те индивиды, которые без колебаний и с точностью скажут «Я завтракаю», могут оказаться не в состоянии дать определение завтраку либо сделают это неверно <...>

Значения, подобно формам, детерминируются и модифицируются культурой. Они представляют собой анализ окружающего мира, как он преломляется в данной культуре. Формы культурных моделей имеют целый комплекс значений; какие-то из них отражают признаки единиц, процессов или качеств, какие-то осознаются как первичные, другие – как вторичные, третичные и т.д. Завтрак, ленч и обед призваны обыкновенно обеспечивать тело пищей и питьем. Поэтому мы говорим, что завтрак, ленч и обед имеют именно это первичное значение. Кроме того, конкретная форма завтрака в конкретный час или день может иметь значение хорошего или плохого по моральной или религиозной шкале, по шкале здоровья, экономической шкале и т.п. Конкретная форма завтрака может передавать вторичное значение социальной, национальной или религиозной принадлежности. Короче говоря, любые различия и группировки в данной культуре могут быть частью значения конкретной формальной единицы.

Дистрибуция всех этих значимых единиц формы имеет характер моделей. Дистрибуционные модели представляют собой комплексы, включающие различные временные циклы, пространственную локализацию, положение относительно других единиц. Завтрак, к примеру, обнаруживает временную дистрибуцию в рамках дневного цикла, недельного и годового. Завтраку свойственна пространственная дистрибуция. Он размещается также после одних единиц поведения и предшествует другим.

Форма, значение и дистрибуция, по-видимому, не существуют в культуре независимо друг от друга, но операционально они обсуждаются здесь в отдельности. Формы релевантны, когда они наделены значением; значение предполагает форму, чтобы быть для нас релевантным; дистрибуция значимых форм всегда характеризуется моделированностью.

Можно полагать, что, когда индивид в рамках своей культуры наблюдает значащую моделированную единицу в моделированном же локусе дистрибуции, она будет содержать для него комплекс культурально

моделированных значений. Завтрак на кухне в 7 час. утра, накрытый самим завтракающим и состоящий из кофе, фруктового сока и овсянки, будет передавать иной комплекс значений, нежели завтрак в постели в 11 час., подаваемый особо одетым слугой и состоящий из икры и прочих деликатесов. <...>

2. Сопоставление культур

2.1. Если навыки родной культуры подвергаются переносу при изучении чужой культуры, то очевидно, что через сопоставление двух культурных систем мы сможем предсказать, какие моменты составят затруднение. Ясно, что задача это огромная, и мы приведем несколько примеров, которые могут облегчить анализ и сопоставление культур.

2.2. *Та же форма, разное значение.* Можно ожидать затруднения, когда идентичные формы по-разному классифицируются или имеют разные значения в двух культурах.

2.2.1. Очень интересный вид трудностей наблюдается в тех случаях, когда какой-либо элемент формы сложной модели имеет в разных культурах различные классификационные и смысловые характеристики. Иностранец придает всей модели в целом значение именно этого разнящегося элемента.

Пример. Бой быков, по моему наблюдению, всегда был источником межкультурного недопонимания <...>

Форма. Бой быков имеет очень точную и сложную форму. Человек, вооруженный шпагой и красным плащом, бросает вызов быку и убивает его в схватке. Форма предписывается во всех подробностях. Имеется особый словарь терминов для, казалось бы, незначительных вариаций. Матадор, бык, пикадоры, музыка, одежда и т.д. являются частью формы.

Значение. Бой быков передает в испанской культуре комплекс значений. Это вид спорта. Он символизирует триумф искусства над грубой силой быка. Это зрелище. Это демонстрация мужества.

Дистрибуция. Бой быков характеризуется сложной дистрибуционной моделью. Есть сезон для коррид в годовом цикле, есть излюбленные дни в недельном цикле, и есть излюбленное время в дневном цикле. Бой быков происходит на особой арене и в специальном месте, известном любому человеку в данной культуре.

Форма, значение и дистрибуция глазами стороннего наблюдателя. Американский зритель, посаженный рядом с испанцем или мексиканцем, увидит изрядную долю формы, хотя и не всю ее. Он увидит мужчину в специальной одежде, со шпагой и красным плащом в руках, провоцирующего и убивающего быка. Он увидит быка, нападающего на человека, и заметит, что тот завлекает животное плащом. Он обратит внимание на музыку, цвет и т.п.

Смысл зрелища, однако, будет для него иным. Это убийство «беззащитного» животного вооруженным человеком. Это нечестно, потому что бык всегда оказывается убитым. Это неспортивно по отношению к быку. Это жестоко по отношению к животным. Матадор, следовательно, жесток. Публика жестока.

Дистрибуция не составляет для американского зрителя особой проблемы, так как он имеет опыт футбольных, бейсбольных и прочих зрелищ.

Информационный сбой. Имеется ли в описанном примере элемент псевдоинформации и если да, то в чем она заключается? Я полагаю, что имеется. Вторичное значение «жестокости» известно испанской культуре, но оно не связывается с боем быков. Американец, приписывающий жестокость зрителю и матадору, получает информацию, которой здесь нет. Почему?

Поскольку в интерпретации американского наблюдателя жестокость проявляется человеком по отношению к быку, можно попытаться проверить, являются ли эти части сложной формы – бык и человек – одинаковыми в двух культурах.

Языковые свидетельства. Мы находим в языке свидетельства, которые представляются интересными. Ряду словарных единиц, приложимых в английском языке как к животным, так и к людям, соответствуют в испанском разные слова для тех и других. В английском и люди, и животные имеют *legs* ‘ноги’. В испанском же у животных – *patas*, у людей – *piernas*. Точно так же в английском у животных и у людей есть *backs* ‘спины’ и *necks* ‘шеи’, в то время как в испанском животные имеют соответственно *lomo* и *pescuezo*, а люди – *espalda* и *cuello*. Более того, в английском как животные, так и люди *get nervous* ‘становятся нервными’, имеют *hospitals* ‘лечебницы’ и *cemeteries* ‘кладбища’, обозначаемые посредством разнообразных метафор. В испанском животные не нервничают, у них нет ни лечебниц, ни кладбищ. Языковые данные, пусть только в виде намека, но указывают на различия в категоризации животного в двух культурах. В испанской культуре различие между человеком и животным представляется весьма значительным, определенно более значительным, чем в американской культуре.

Путем дальнейшего наблюдения над тем, что люди говорят и делают, можно обнаружить дополнительные оттенки различий. В испанской культуре человек не считается физически сильным, но он ловок и умен. Бык сильный, но он не ловок и не разумен. В американской культуре человек физически силен, и бык тоже. Бык умен. Быку присущи чувства боли, печали, жалости, нежности, по крайней мере в рассказах о животных, подобных «Быку Фердинанду». Бык заслуживает равных шансов в бою, он имеет это право спортсмена даже против человека.

Мы можем, следовательно, предположить, что часть сложной формы, представленная быком, получает иную категоризацию, иное значение в американской культуре и что в этом заключается источник информационного сбоя.

Мы должны проверить эту гипотезу, если возможно, посредством минимального контраста. Нечто похожее на минимальный контраст обнаруживается в американской культуре при ловле тарпона. В этой ловле есть форма: борьба до изнеможения и смерть тарпона в руках человека, вооруженного лесой с замаскированными крючками. Многое из формы предписывается в подробностях. При этом нет большого стечения зрителей,

но газетные истории в каком-то смысле восполняют собой контакт с публикой. В плане значения это спорт, в котором умение и ловкость торжествует над грубой силой сопротивляющейся рыбы. Дистрибуция выказывает некоторые отличия от боя быков, но эта разница едва ли может считаться объяснением предполагаемого культурного различия.

Теперь мы замечаем, что тот же самый американец, который трактовал бой быков как жестокость и относил это свойство к зрителю и матадору, будет сидеть рядом с тем же зрителем в рыбацкой лодке, и у него даже мысли не мелькнет, будто рыбная ловля жестока. Я делаю вывод, что часть сложной формы, представленная рыбой, совершенно отлична от человека как в американской, так и в испанской культурах, тогда как часть, идентифицируемая как бык, гораздо больше походит на «человеческое существо» в американской культуре, чем в испанской.

Дополнительным доводом в пользу сказанного служит наличие в американской культуре Общества по предупреждению жестокого обращения с животными, которое интересуется чувствами собак, кошек, лошадей и других домашних животных. Недавно на первых полосах местных газет рассказывалось о том, что Общество спасения утопающих Нью-Йорк-Сити направило Санта-Клауса для распределения подарков среди собак, содержащихся в городских загонах. Мы не могли бы вообразить себе Общество по предупреждению жестокого обращения с рыбами.

2.2.2. Форма в культуре Б, идентифицируемая носителем культуры А как тождественная форме его культуры, фактически имеет иное значение.

Пример. Похожий на присвист, резкий глухой свистящий звук выражает в Соединенных Штатах неодобрение. В испаноязычных странах это обычный способ призвать к тишине, Фриз сообщает, что, впервые столкнувшись с испанской аудиторией, был ошеломлен ее «циканьем». Он было подумал, уж не освистывают ли его. Позже он узнал, что они призывают к тишине <...>

Пример. Питье молока во время еды – обычная практика в Соединенных Штатах. Для нас это имеет первичное значение пищи и питья, стандартного напитка, когда приходит время еды. В этом нет никаких особых коннотаций, связанных с социальным классом, национальной, религиозной или возрастной группой, экономическим сословием. Вино же, напротив, подается по особому случаю или у особых групп населения, имеющих свой контакт с другими культурами. Таким образом, вино передает значение особого случая или особой группы населения.

Во Франции молоко во время еды не является обычным напитком. Некоторые дети могут пить молоко, некоторые взрослые могут пить молоко по особым причинам, для некоторых индивидов, семей или групп питье молока может быть следствием особых культурных контактов. Питье молока во время еды несет во Франции вторичное значение особого напитка, особого случая или особой группы людей. Первичным же значением было бы ‘пища и питье для тела’ <...>

2.3. *То же значение, разная форма.* Можно ожидать другого рода трудности, когда тождественные значения в двух культурах ассоциируются с разными формами <...>

Пример. Молодой человек из Исфахана (Иран) выходит из поезда в небольшом американском городке, получает багаж и пытается поймать такси. Похожий автомобиль с белой лицензионной карточкой и черными буквами проезжает мимо. Молодой человек подает ему знак, автомобиль не останавливается. Появляется другая машина с карточкой того же типа. Молодой человек вновь подает знак и опять без успеха. Расстроенный тем, что в Штатах такси для него не останавливаются, он берет свои чемоданы и шагает к месту назначения. Позднее он выяснит, что такси в США выделяются не белой карточкой, а ярким проблесковым огоньком и броской расцветкой. В Исфахане в то время признаком такси была белая лицензионная карточка <...>

Можно ожидать дополнительных трудностей, проистекающих из того факта, что представители какой-либо культуры обычно считают свой способ действия и понимания окружающего мира, свои формы и значения правильными. Поэтому, когда в другой культуре используются иные формы и значения, это неправильно. Поэтому же, когда какая-либо культура перенимает некую модель поведения от другой культуры, последняя расценивает подражание как нечто хорошее и правильное.

Пример. Когда иностранные гости из районов, где кофе готовят очень черным и очень крепким, пробуют американский кофе, они не говорят, что он иной; они говорят, что он плохой. Аналогичным образом, когда американцы выезжают в страны, где пьют черный и крепкий кофе, они, попробовав, не скажут, что он другой; они тоже скажут, что кофе плохой.

Пример. Когда американцы уезжают за границу в холодный сезон, они жалуются, что там в домах холодно. Мы часто думаем, что такие прохладные дома не могут быть хороши для здоровья. С другой стороны, когда иностранные гости проводят зиму в более холодных районах Соединенных Штатов, они сетуют на то, что в наших домах слишком жарко и что перепады температуры вне и внутри дома вредны для здоровья.

2.4. *Та же форма, то же значение, разная дистрибуция.* Трудности при изучении чужой культуры наблюдаются в тех случаях, когда некоторая модель, имеющая идентичную форму и значение в обеих культурах, обнаруживает разную дистрибуцию. Носитель иной культуры полагает, что дистрибуция этой модели в наблюдаемой культуре та же, что и в его собственной, и потому, заметив преобладание, недостаток или отсутствие какого-то признака в отдельном варианте, он обобщает свое наблюдение, как если бы оно было применимо ко всем вариантам, а тем самым и ко всей культуре. Дистрибуция служит источником очень многих проблем.

Пример. Одно время меня ставил в тупик такой факт: с одной стороны, латиноамериканские студенты жаловались, что североамериканская кухня злоупотребляет сахаром, тогда как, с другой стороны, диетологи жаловались, что латиноамериканцы используют в пище слишком много сахара. Как могут быть одновременно верными эти с виду противоречивые мнения? Можно заметить, что в среднем латиноамериканский студент кладет в кофе больше сахара, чем североамериканцы. Он не привык пить молоко во время еды, но, когда молоко все же подается, он иногда любит подсластить его. Диетолог отмечает употребление сахара в тех случаях, когда североамериканцы его употребляют в меньших количествах или не употребляют вообще. Диетолог отмечает также, что сахарницы на столах, где сидят латиноамериканцы, должны наполняться чаще, чем на других столах. Поэтому он с полной уверенностью делает свое обобщение.

Латиноамериканский студент, со своей стороны, обнаруживает салат из сладкого желе или половинки консервированной груши на листе латука. Сладкий салат! Он может увидеть за обедом фасоль – пальчики оближешь! Он сидит за столом, все улыбаются (я был тому свидетелем), он набирает полную ложку и – сладкая фасоль! Это бостонские печеные бобы. На День благодарения готовят индейку, но, когда латиноамериканец пробует соус, он оказывается сладким – это клюквенный соус. Сладкий соус к жареной индейке! Это уже предел – эти североамериканцы явно кладут чересчур много сахара в свою еду. И какие бы вторичные значения здесь ни имели места, слишком много сахара в чем-то пищевом режиме тенденциозно приписывается народу этой страны, который готовит и ест такую пищу.

Другого рода проблема, связанная с дистрибуционными различиями или скорее с предполагаемыми дистрибуционными различиями, возникает в тех случаях, когда представители одной культуры, обыкновенно различающие много подгрупп в своей культурной популяции, полагают, что другая культура, с которой они вступают в контакт, единообразна. Отсюда и распространение наблюдений, сделанных об отдельном носителе этой культуры, на всю популяцию. <...>

2.5. *Предвзятые мнения.* Представления, пропущенные через фильтр описанных и других типов информационного сбоя, становятся частью данной культуры как ее «правильное» мнение о реалиях чужой культуры, и юные представители по мере взросления воспринимают эти мнения как истину через вербальные сообщения и все прочие средства включения в культуру. Эти предвзятые мнения образуют очень серьезные препятствия к пониманию другой культуры. <...>

Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 32–62.

Вопросы и задания

1. Чем обусловлен, с вашей точки зрения, выбор слова и лексической системы в целом как объекта для сопоставления в работе Р. Ладо?
2. В чем заключаются различия определений слова, данных Л. Блумфилдом и Ч. Фризом? Какие еще определения слова возможны?
3. Назовите аспекты слова, формирующие базу для сопоставления. Как вы понимаете форму, значение и дистрибуцию слова?
4. Что лежит в основе:
 - подразделения слов на функциональные, слова-субституты, слова с грамматически обусловленной дистрибуцией и знаменательные слова;
 - объединения слов в продуктивный и рекогнитивный словарь?Какие еще классификации слов вы знаете?
5. Можно ли исчислить все типы сходств и различий между языками в отношении формы, значения и дистрибуции?
6. Существуют ли какие-нибудь соответствия между типом слова (по соотношению формы, значения и дистрибуции в сравниваемых языках) и процессом его усвоения в качестве иностранного?
7. Какие критерии используются при отборе словаря для сравнения?
8. Перечислите этапы сопоставления словарей (по Р. Ладо). Как можно иначе организовать сопоставительное исследование лексических систем?
9. Как определяется культура в работе Р. Ладо? Какой аспект в определении культуры (процессуальный или результативный) акцентирован в его работе?
10. Что является функциональной единицей культуры?
11. Какие аспекты единиц культуры выделяет Р. Ладо? В чем трудности их определения?
12. Приведите примеры соотношения единиц культуры (по форме, значению и дистрибуции) у разных этносов. Какие типы единиц по данному соотношению представляют, с вашей точки зрения, наибольшие трудности при усвоении культурных традиций других стран?

Языковые преобразования

Глава III. Использование идеи симметрии/асимметрии в лингвистике. Приложения

4. <...> Асимметрия в лингвострановедении

«Пространство культуры». В истории науки было немало попыток дать общее определение культуры, но они оказывались не вполне удовлетворительными ввиду расплывчатости и многомерности явлений, которые подводились под понятие культуры. Поэтому следует уточнить, что нами включается в понятие культуры, что входит в «пространство культуры».

Культура в отличие от природы – природы – включает в себя все то, что создано человеком. Чаще всего культуру делят на материальную и духовную. Материальная культура охватывает сферу материальной деятельности человека (орудия труда, жилища, одежда, средства транспорта и т.п.), духовная культура включает то, что относится к сфере сознания (нравственность, воспитание и просвещение, право, искусство, философия, мифология, религия и т.п.). Но именно эта популярная первичная классификация явлений культуры и приводит к запутыванию проблемы. В любой из отмеченных сфер можно найти элементы как материальной, так и духовной деятельности людей. Например, всякая одежда материальна, но в системе одежды в определенном обществе и в определенную эпоху проявляются и многие факты духовного характера (мода, символизация видов одежды, совместимость предметов одежды, синтагматика и парадигматика в одежде и т.п.). В свою очередь воспитание, обычно относимое к духовной культуре, предполагает определенные материальные факты: воспитательно-учебные заведения, их оборудование и т.п. Ввиду этого представляется целесообразным различать *сферы* культуры – разные сферы жизни общества – и *аспекты*, проявляющиеся в разных сферах и отражающие продукты духовной или материальной деятельности людей. К **сферам культуры** относятся явления, перечисленные выше, и многие другие: общественное устройство, искусства, религия, право, жилище, одежда, питание и т.д. В каждой из сфер культуры можно различать четыре аспекта: *артефакты* (материальные продукты деятельности человека; *формы организации*, которые также представляют собой результат деятельности человека); *идеологию* (совокупность представлений, верований, символов и т.п., касающихся данной сферы культуры); *поведение* (общественно установленные действия и реакции членов социума). В истории культурологии были предложения различать три аспекта: институты, технологию и идеологию. С ними соотносимы выделяемые нами организация, артефакты и идеология. Но представляется целесообразным, особенно в виду предмета данного исследования, дополнить эти три аспекта

сфер культуры четвертым – поведением. В некоторых культуроведческих построениях, особенно среди американских бихевиористов, предлагалась теория, согласно которой различаются и противопоставляются в их соотношениях три сущности: язык – культура – поведение. Такое противопоставление нам представляется неправомерным, так как социально обозначенное поведение человека представляет собой составную часть культурного пространства.

Однако поведение представляет собой не сферу культуры, а аспект, присущий всякой сфере культуры.

Соотношение сфер и аспектов культуры может быть представлено следующей схемой:

Культура					
Аспекты	Сферы				
	искусство	религия	право	питание	одежда и т.п.
артефакты					
организация					
идеология					
поведение					

Сферы в данной схеме намеренно представлены не в системном порядке. Границы между аспектами нечетки: например, ритуалы могут частично входить в аспект ‘организация’, частично – в аспект ‘поведение’. Но в целом схема дает представление о «пространстве культуры», то есть о том, какие явления входят в это обширное понятие.

Например, в сфере «религия» к артефактам относятся культовые сооружения, культовая утварь. Организация в этой сфере включает собственно иерархическую организацию данной религии в определенной стране, взаимоотношение государства, школы и церкви, а если в стране несколько значительных вероисповеданий, то и взаимоотношение между различными конфессиями. К аспекту ‘организация’ относится организация религиозной жизни в течение года (праздники, посты и т.п.), виды ритуалов (например, религиозное бракосочетание, похороны и т.п.), а также организация каждого отдельного богослужения. Идеология в сфере религии – совокупность догм, вероучения, верования. И, наконец, поведение в этой сфере касается различных символических жестов, одеяния правоверных верующих, поведения в храмах и т.п. Например, католики крестятся не так, как православные, по-разному ведут себя представители этих конфессий, входя в храм. У христиан принято, чтобы мужчина, входя в храм, снимал головной убор, в некоторых других религиях, наоборот, он обязан входить в святое место в головном уборе, в русских православных храмах верующие во время литургии стоят, в католических – они сидят и прежде чем сесть, входящий совершает коленопреклонение и т.д.

Аналогичные аспекты можно выделить и в сфере питания, и одежды. Например, артефакты в сфере питания – продовольственные продукты, кухонная утварь, оборудование, служащее для приготовления пищи, организация – распределение форм принятия пищи в течение года и в течение суток; идеологическая сторона представлена в том случае, когда прием пищи связан с какими-либо символами и обрядами: свадебный обед, деловой обед, поминки и т.п. К идеологическому аспекту относятся пищевые табу и предпочтения. И, наконец, поведение касается рассадки людей за столом, поведения в момент приема пищи и т.п.

Остается нам рассмотреть вопрос о соотношении языка и культуры, который широко обсуждался в науке.

В свете изложенного выше язык не должен противопоставляться культуре как нечто внешнее, он сам является одной из сфер культуры, поскольку он – создание человека. В языке имеются и элементы «натуры», природы, например, звуковой аппарат, управляющая речью доля мозга и др., но каждая сфера культуры отражает в конечном счете определенную естественную потребность человека и имеет в глубине биологическое обоснование.

Принадлежность языка к культуре подтверждается тем, что как в плане содержания, так и в плане выражения он является творением определенного человеческого общества, социальной сущностью.

В сфере языка также можно выделить те четыре культурных аспекта, о которых шла речь.

В аспект артефактов языка включаются разнообразные явления: слова и прочие языковые формы в их звуковой и письменной оболочке; недаром Витгенштейн, а за ним и Росси-Ланди и некоторые другие философы и лингвисты уподобляли элементы языка орудиям, разрабатывая орудийную теорию устройства языка и его функционирования. С другой стороны к артефактам (технологии) языковой сферы культуры относится все то, что способствует усвоению, правильному функционированию, совершенствованию языка: лингвистическую печатную продукцию (словари и т.п.), аудиовизуальные средства и т.п. Организационный аспект языковой сферы культуры проявляется в формах обучения языку и формах пользования речью (организация публичных выступлений, формы использования языка в информационных целях: устная и печатная пресса и многое другое). Идеологическая сторона языка отражается, так же как и технологическая, в двух моментах: в устройстве самого языка (семантический аспект языковых форм) и во взглядах общества на свой язык, в аксиологических моментах, в использовании языка в юридической функции и т.п. И, наконец, поведенческий аспект в сфере языка состоит в следующих сторонах, которым, собственно, и посвящается основное содержание раздела:

- 1) вербальные реакции в конкретных культурных сферах и условиях;
- 2) общие тенденции (константы) языкового поведения, которые проявляются независимо от культурной сферы и отражают как общие закономерности построения высказывания на данном языке, так и свойственные данному социуму правила речеведения.

Наряду с вербальными реакциями имеют место и невербальные. Невербальное поведение – это жесты и поступки, не сопровождающиеся обязательным высказыванием. Вербальные реакции суть фразы, реплики, произносимые в определенной ситуации.

Тенденции речевого поведения представляют особый интерес в интеркультурном плане, так как знание их делает речь иностранца не только правильной, но и аутентичной: он ведет себя в диалоге и строит свою речь так, как это сделал бы в данной ситуации носитель языка. Правила речевого поведения формулируются не в жестких терминах, как грамматические правила, но скорее как тенденции, выявляемые с помощью приема симптоматической статистики (в терминах *больше/меньше, чаще/реже*). Они относятся к области грамматики речи.

Асимметрия в сфере культурем. Итак, культура может рассматриваться как совокупность определенных знаков (культурем). Всякий знак представляет собой связь двух сторон – формальной (M) и содержательной (S), и он соотносится с определенным элементом действительности для выражения и обозначения некоторой реальности – предмета или ситуации (R). Мы будем принимать во внимание только те культуремы, которые имеют языковое выражение (устное или письменное). В таких культуремах языковой знак (M + S) является обозначающим, а реальность (R) – обозначаемым. Под реальностями понимается все относящееся к культуре: предметы, функции, обычаи, факты поведения и т.п.

Подобно значимым единицам языка, культуремы могут сопоставляться на уровнях их структурных компонентов: форм (M), содержания (S) и реалий (R). На этом основании можно логически исчислить все важнейшие типы соотношения культурем, совпадающих или расходящихся в разных культурах.

Прежде чем перейти к анализу этих типов соотношений, необходимо остановиться на двух проблемах. Первая – это соотношение самих реалий в двух языках, вторая – способы выражения.

Что касается самих фактов культуры, то логически исчисляется четыре типа соотношения между ними:

<i>Типы соотношений</i>	<i>Россия</i>	<i>Франция</i>
1.	+	—
2.	—	+
3.	+	+
4.	—	—

В первом случае реальность, свойственная русской культуре, отсутствует во Франции, во втором – наоборот. В последнем данная реальность отсутствует в обеих культурах и она не представляет интереса для сопоставления. Третий тип кажется наиболее простым: реальность существует в обеих цивилизациях. Но это как раз наиболее сложный случай, так как сходные на первый взгляд

реалии могут расходиться в частностях, которые оказываются релевантными в определенных ситуациях (образуются как бы «ложные друзья» на уровне реалий). Здесь возможны внутри одной реалии расхождения трех видов:

а) Устройство и функции реалий не совпадают в двух культурах. Например, понятие *мэрия* используется в обеих культурах, но парижская и московская мэрии различаются по функциям, системе избрания и т.п. Фактически обе эти реалии являются гипореалиями по отношению к гиперреалии «выборный орган городского самоуправления», несмотря на сходство наименований и основных функций.

б) Сочетаемость реалий различна в разных культурах. Примером может быть форма благодарности за угощение. В русском обычае принято говорить «Спасибо!» в конце еды, вставая из-за стола, во французском такая формула не используется, но гость выражает свою благодарность, расхваливая блюда «по мере их поступления».

в) Различна частотность сходных реалий.

Расхождение культурем объясняется внешними и внутриязыковыми причинами. К внешним относятся исторические, этнопсихологические, климатические и тому подобные факторы. Среди языковых факторов характерными, являются ситуативные номинации, о которых речь будет идти ниже, а также специфичные виды некоторых реалий. Например, особенности французского языка способствуют распространению некоторых видов языковых игр, в том числе и телевизионных, мало используемых или совсем не используемых в России. Такая французская реалия, как ежегодные соревнования по правописанию, проводимые журналистом Пиво, мало вероятна в России ввиду меньшей прихотливости русской орфографии. Даже французские кроссворды делаются не так, как русские, что в значительной степени объясняется особенностями языков.

Для определения культуремы большое значение имеет ее распространенность. Несомненными культуремами являются те, которые свойственны только одному социуму. Есть реалии, которые присущи ряду социумов, но отсутствуют в одном из сопоставляемых. Например, до перестройки экономической жизни в СССР с его социалистическим укладом отсутствовали многие реалии (в организации банковского дела, торговли и т.п.), которые были свойственны Франции, но имелись и в других европейских странах. Такие реалии можно назвать частными (они характерны для группы стран, но отсутствуют в своей стране).

Культуремы легко заимствуются из одной культуры в другую. Банкоматы, электронные карточки, «Макдоналдсы» и многие другие явления, которые несколько лет назад были неизвестны в практической жизни в России и могли рассматриваться как зарубежные реалии, в настоящее время привились и в нашей стране. Следует ли подобные явления относить к объектам лингвострановедения? Являются ли для французов

русской реалией такие элементы русской кухни, как блины, пирожки, уже широко известные во Франции и чьи русские названия уже утвердились во французских словарях?

Другая проблема, по поводу которой могут быть разные мнения, касается различного наименования одних и тех же реалий в двух языках или различного членения реалий. Например, *первая мировая война* во французском языке имеет, помимо обозначения *la Première Guerre mondiale* разговорное обозначение *la Grande guerre*, букв. 'Великая война'. Следует ли это второе обозначение считать лингвострановедческим явлением или только лингвистическим? Разумеется, коннотации, которые эта война вызывает в сознании французов и русских, различны. В сознании русских людей она была перекрыта еще более жестокой и затяжной гражданской войной, затем несравненно более тяжелой Отечественной. Именно эта война, а не первая мировая получила в русском языке название «Великой». В сознании французов первая мировая война осталась самой крупной из всех, которые они вели в XX веке, она окончилась для них победоносно, и до сих пор день перемирия (11 ноября) является официальным французским праздником. Но эти особенности, которые полезно знать, относятся к самому объекту, вернее к его восприятию национальным сознанием, тогда как сама реальность присутствует в обеих культурах: нельзя сказать, что первая мировая война – специфически французская культурема. Или же культурему здесь надо видеть не в самом историческом факте, а в ассоциациях, которые она оставила в сознании двух народов.

Различия в наименовании одних и тех же реалий часто объясняются разной внутренней формой наименования, принятой в разных языках. Внутренняя форма представляет собой признак объекта, взятый за основу наименования. Вечный огонь на могиле Неизвестного солдата зажигают для увековечения памяти погибших в войне. В русском языке в качестве основы наименования был взят признак «вечный», во французском – признак «память» *la Flamme du souvenir* (букв. 'пламя памяти'). Кроме того, эту реальность называют *la Flamme de l'Arc de triomphe* (по месторасположению) или сокращенно *la flamme*. Мы не будем останавливаться здесь на вопросе, почему в русском языке было избрано понятие *огонь*, тогда как во французском *пламя*, но знать это французское наименование полезно, потому что дословный перевод с русского *le feu éternel* мог бы оказаться двусмысленным, поскольку во французской религиозной традиции это словосочетание значит 'адский огонь, вечные мучения'. (В свою очередь *feu d'enfer* (букв. *адский огонь* значит 'сильный огонь'.) Разумеется, конкретные ассоциации между двумя «вечными огнями» несколько различаются. Французская могила Неизвестного солдата стала алтарем национального патриотизма, здесь устанавливаются для прощания тела умерших видных военачальников, мимо нее маршируют победоносные войска. В свою очередь, к московскому

вечному огню у могилы Неизвестного солдата приезжают молодожены. Но сама реалья аналогична и различие между языками состоит в способе наименования.

Само по себе различие в наименовании не дает основания для выделения разных культурных реалий. Такие расхождения часто относятся к специфике языкового членения мира, но не к различиям культуры. Вряд ли можно считать культуремой тот факт, что во французском языке одним словом *verre* обозначается то, что в русском двумя – *стакан* и *рюмка*, или то, что одному слову *космонавт* во французском соответствуют два: *cosmonaute*, *astronaute*. Аналогично можно было бы видеть культуремы в том факте, что одному слову *палец* во французском соответствуют два: *doigt* и *orteil* (на ноге). Культурную значимость понятия *пальцы* можно усматривать во внеязыковом плане: на разных пальцах в двух цивилизациях носят обручальное кольцо, по-разному их загибают при счете, но к лингвострановедению в собственном смысле это не имеет отношения: это касается национальных особенностей поведения в конкретной ситуации.

Сказанное выше показывает, что само понятие культуремы как объекта лингвострановедения требует уточнения. Решающим является не способ обозначения, но конкретное устройство и функционирование данной реалии и наличие связанных с ней определенных ассоциаций в сознании носителей языка.

При сопоставлении культурем двух языков обнаруживаются факты симметрии и асимметрии. В первом случае функции и значения совпадают, аналогичными являются и способы наименования данной реалии (прагмемы). Такие факты не представляют трудностей в изучении чужой культуры и отражающего ее языка.

Трудности лингвострановедческого характера могут возникнуть при асимметрии – несходстве самих явлений или их наименований. С точки зрения структуры знака асимметрия может проявляться в трех планах: семиотическом, парадигматическом и синтагматическом на каждом уровне знаковой структуры (R, S и M).

А. Асимметрия в семиотическом плане заключается в отсутствии одного из компонентов знакового отношения: обозначаемого или обозначающего. Здесь возможны два случая.

1. Данная реалья присутствует только в одной из сопоставляемых культур, в другой культуре и, следовательно, в другом языке она не имеет специального обозначения (в случае необходимости обозначение заимствуется из другого языка либо используется дословный или объяснительный перевод). К таким реалиям относятся многие виды пищи, одежды, формы организации быта и др. Например: *fondue* – блюдо из плавленого сыра с вином, в которое обмакивают кусочки хлеба; *aire* – место для отдыха, куда съезжают с автострады; *fin de série* (в магазинах одежды) «остаток серии», товар заканчивающегося сезона; *livres d'analogues* (в аптеках) «книга аналогов», по которым можно установить французский аналог нужного

лекарства (в российских аптеках почему-то такие справочники не используются; это можно рассматривать как реалию частотности). У входа французских кинотеатров можно было видеть объявление *Spectacle permanent* – демонстрация фильмов без перерыва или *Le grand film passe vers 18 heures* – основной фильм начинается в 18 часов. Для понимания этих обозначений нужно было знать, что фильмы могут демонстрироваться без перерыва и что между сеансами основного фильма показываются киножурналы и т.п. Иногда названия подобных реалий прозрачны по своей форме и позволяют иностранцу сразу же опознать реалию, отсутствующую в его собственном социуме. Уличный знак *Stationnement alterné semi-mensuel 16-31; 1-15* понимается без труда: в первой половине месяца машину следует ставить на правой стороне улицы, во второй – на левой. Более трудны для понимания обозначения переносного характера, где проявляется идиоматическая связь обозначающего и обозначаемого: знак *Fin de zone bleue* букв. ‘конец голубой зоны’ окажется непонятным, если иностранный водитель не знает, что *голубой зоной* во Франции называют зону с ограниченным временем стоянки автомобилей. Подобные случаи относятся к этнокультурным лакунам. <...>

К таким реалиям относились многие предметы быта, достопримечательности и т.п., которые, однако, в течение времени получили русские наименования, например: *Le Louvre* – *Лувр*; *Notre-Dame de Paris* – *Собор Парижской Богоматери* (перевод неточный, но укоренившийся в русском языке; правильнее: *Парижский Собор Богоматери*. <...>

2. Данная реалия присутствует в обеих культурах, но в одной из них она лексически не обозначается, тогда как в другой она получает часто ситуативное обозначение. Такой тип можно отнести к лакунам номинации. Французская культурная среда вообще более «информативна», чем русская, в том смысле, что там часто обозначаются объекты, которые существуют и в России, но не имеют специального обозначения. Например, эскалаторы в метро существуют и в Париже, и в Москве (еще чаще, чем в Париже). Но перед парижским эскалатором можно видеть надпись *Escalier roulant* (или *mécanique*). На стоянке такси в Париже также можно видеть надпись *Tête de station* ‘начало стоянки’, тогда как в русском обиходе используется знак «Т» или «Такси» без уточнения начала стоянки (это ясно само собой).

Два типа соотношения (S_1 – совпадение; S_2 – расхождение) на трех уровнях семиотической структуры позволяют исчислить шесть общих типов расхождений в выделении и в наименовании реалий:

1. R (1) — S (1) — M (2)
2. R (1) — S (2) — M (2)
3. R (1) — S (2) — M (1)
4. R (2) — S (1) — M (2)
5. R (2) — S (1) — M (1)
6. R (2) — S (2) — M (1)

Два из восьми логически исчисляемых типов: R (1) – S (1) – M (1) – полное совпадение и R (2) – S (2) – M (2) – полное расхождение не представляют в данном случае интереса для анализа.

Б. *Парадигматическая асимметрия* обнаруживается в тех случаях, когда в двух культурах присутствует и обозначаемое и обозначающее, но имеется расхождение на одном из уровней знаковых отношений: на уровне реалий, значений или самих знаков. Здесь также можно различать ряд случаев. Знак (1) показывает совпадение в двух языках, знак (2) – расхождение.

1) R (1) – S (1) – M (2). В этом случае расхождение между двумя языками выражается только в форме номинации. Функция и значение номинации параллельны. Различие в номинации проявляется в ее внутренней форме или в ее структуре. Первое мы видели на примере обозначения могилы неизвестного солдата. Приведем еще пример. Высококвалифицированное швейное искусство призвано устанавливать моду и производить модные вещи. Во французском наименовании за основу взято понятие *швейное искусство* – *la haute couture*, в русском – понятие ‘мода’ – *высокая мода*.

При одной и той же внутренней форме возможны расхождения номинаций во внешней форме, например, *Objets trouvés* и *бюро (стол) находок*. Особенно характерны ситуативные номинации <...> В русском языке, ввиду наличия падежных окончаний, номинация как правило содержит и предлог, поскольку в речи существительное выступает в предложно-падежной форме при указании на назначение или местонахождение объекта. Во французском языке предлог может быть опущен и ситуативное обозначение принимает форму номинативного предложения, указывающего на наличие предмета. Так, в магазинах назначение отдела в русском языке будет обозначено формулами: *Товары для детей*, *Товары для мужчин*, тогда как по-французски достаточной формулой будет *Enfants*, *Hommes*. На вокзале: *Trains de banlieu – К пригородным поездам*, на платной автостраде: *Poids-lourds – Для грузовых машин*; в парикмахерской: *Messieurs – Мужской зал*.

2) R (1) – S (2) – M (2). Сходные функции осуществляются при помощи разных реалий или сходные предметы при помощи слов с разным объемом значения. Например, чтобы перекусить «на ходу» москвич покупает пирожок, ватрушку, тогда как парижанин – *beignet* (оладью с запеченным ломтиком яблока), сэндвич или *hot-dog*. Знание таких функциональных аналогий может оказаться полезным практически и при переводе. В практике перевода может возникнуть потребность в адаптации <...> то есть замене реалий одной страны функционально подобной реалией другой страны. Например, во фразе из чеховского «Крыжовника» *Он читал одни только объявления о том, что продаются столько-то десятин пашни*. Слово *десятина* переведена во французском издании словом *arpent* (старинная французская мера площади, вдвое меньше десятины). Поскольку точное количество земли здесь не имеет значения, русская реалия заменяется французской для сохранения привычных для французского читателя предметных отношений.

Аналогичное знаковое отношение обнаруживается и при использовании в одной и той же функции обозначений, различающихся по объему значения. Например, *Complet!* может быть равнозначным русскому и *Mest нет* (в автобусе) и *Все билеты проданы* (в театре). Русскому выражению *Вербное воскресенье* соответствует французское *Dimanche des Rameaux*, где *Rameaux* обозначает ветки вообще, а не только вербы.

3) R (1) – S (2) – M (1). Подобное соотношение может проявляться в том случае, когда заимствованное слово употребляется в более узком (или широком) значении, чем в исходном языке. Например, русское *ателье* является гипонимом по отношению к французскому *atelier*, и при обозначении пошивочного ателье два языка используют термины разного объема значения.

Мы рассматривали случаи, когда по-разному обозначаются или реализуются сходные функции. Перейдем к тем фактам, когда речь идет о разных функциях или о разном устройстве реалий (R2).

4) R (2) – S (1) – M (2). В данном случае наблюдается функциональное или конструктивное различие сходных реалий. Можно различать два подтипа таких расхождений. Сходные на уровне гиперонимии реалии различаются по конкретному устройству и функции. Так, во Франции и в России используются многообразные проездные билеты (81). Но *carte orange* (месячный билет с правом проезда и на пригородных поездах за особую плату) и *coupon jaune* (недельный проездной билет) не соответствуют точно русскому проездному билету. При сходстве общего понятия французские и русские реалии отличаются по способу приобретения и использования. Французское *carnet de tickets*, хотя и переводится ‘билетная книжечка’, представляет собой не книжечку с отрывными билетами, а стопку из десяти отдельных билетов. И здесь общее понятие (S1) охватывает предметы, устроенные и используемые различным образом (R2).

Немало подобных асимметричных структур встречается среди политических реалий. Например, *Национальное Собрание* во Франции и *Государственная Дума* в России совпадают на уровне гиперреалий (S1), общего значения (‘нижняя палата законодательного органа страны’), но различаются по способу формирования, своим конкретным функциям и т.п.

Указанные знаковые отношения могут быть причиной ошибок при переводе, когда внутри одной гиперреалии производится перенос с одной частной реалии на другую. Такое явление нередко обнаруживается при переводе элементов, относящихся к церковной обрядности: переводчики подгоняют католические реалии к православным, и наоборот. Например, слово *ostensoir*, обозначающее в католическом обряде сосуд в виде звезды или башенки, в котором во время религиозных процессий выносятся гостии или мощи, во французско-русских словарях переводилось словами *дарохранительница* или *дароносица*. Это неправильно, поскольку последним двум предметам, имеющим иное назначение и используемым в обеих конфессиях, соответствуют французские наименования: *tabernacle* и *custode*, тогда как для перевода *ostensoir* в русском языке используется заимство-

ванный термин *монстранция* (*монстранца*). Лексикографы переводили, исходя из принадлежности этих трех реалий к общей гиперреалии ‘священные сосуды’ (S1), игнорируя различия между ними.

Другой случай, пожалуй, еще более распространенный, имеет место тогда, когда одни и те же объекты в разных культурах могут получать разную функциональную нагрузку либо иметь различные коннотации. *Омела* (*le gui*) и *верба* (*le saule*) известны и в русской и во французской флоре, но они играют различную роль в народной символике, в бытовой обрядности. Во Франции омела связывается с религиозными представлениями древних галлов, в настоящее время – с празднованием нового года. Верба в России используется в религиозной символике (*Вербное воскресенье*) и воспринимается как символ наступающей весны.

5) R (2) – S (1) – M (1). Этот случай подобен предыдущему с той разницей, что он касается заимствованных или интернациональных слов. Такие слова выражают одно и то же общее понятие, но реальная реализация этого понятия в двух социумах не совпадает в подробностях. Еще акад. Л. В. Щерба говорил, что «наш *прокурор* не то же самое, что *прокурор* в буржуазных странах, но тем не менее, мы переводим его словом *procureur*, и так в бесконечном ряде случаев» <...>

И действительно, таких случаев немало: слова *мэр* и *maire*, *солдат* и *soldat*, *сенат* и *sénat* сходны по форме и выражают общее понятие (соответственно ‘выборный глава города’, ‘рядовой воин’, ‘верхняя палата законодательного собрания’), но в действительности обозначаемые ими реалии имеют множество различий, и неправильно было бы думать, что вербовка и служба русского и французского солдата проходит одинаково, что одинаковы прерогативы и способ формирования французского и русского сената и т.п. Здесь мы имеем дело с «ложными друзьями» лингвострановедения.

6) R (2) – S (2) – M (1*). Знаком * отмечается не формальное этимологическое совпадение слов, как в случае с *ателье* или *солдат*, а использование слов, которые в прямом значении в двух языках эквивалентны, но в реальности выражают разные понятия и указывают на разные реалии. В течение многих лет французско-русские словари переводили *la Semaine de la Passion* как *Страстная неделя*, превращая это выражение в синоним словосочетания *la Semaine sainte* (букв. ‘Святая неделя’). Между тем выражение *la Semaine de la Passion*, несмотря на его буквальное значение (‘Страстная неделя’), обозначает не Страстную неделю, но неделю, предшествующую Страстной. Здесь мы имеем два типа межъязыковой асимметрии: разные значения выражения *Страстная неделя* в двух языках (межъязыковая многозначность) и обозначение *Страстной недели* разными выражениями (межъязыковая синонимия).

В. Асимметрия в синтагматическом плане заключается в том, что предметный ряд в своей континуальности делится различно в двух социумах. Два смежных явления, составляющие части одного процесса, могут обозначаться одним термином в одном социуме и различаться разными

наименованиями в другом. Показательным примером такого рода может являться религиозный термин *Снятие с креста*. Ему во французском языке соответствуют два выражения: *La Descente de Croix* ('тело Иисуса, поддерживаемое Иосифом Аримафейским, в вертикальном положении спускается с креста') и *la Déposition de Croix* ('тело Иисуса лежит у основания креста'). Следующий этап ('Иисус лежит на смертном одре') называется одинаково в двух языках – *Оплакивание Déploration*. Таким образом, два этапа, которые по-французски называются различно, в русских религиозных реалиях объединяются единым обозначением. Между тем эти различия существенны, ибо указанные термины используются в качестве названий картин. Так, Ван дер Вейден, Рубенс, Рембрандт изображали *descente de Croix*, в то время как на картинах Фра Анджелико, Тициана, Веронезе, Караваджо мы видим *déposition de Croix*. По-русски все эти картины носят одно и то же название: *Снятие с креста*. Поэтому при переводе с русского на французский необходимо знать изображаемую ситуацию.

Таковы основные типы знаковых отношений в структуре культурем, имеющих языковое выражение, а также типы межъязыковых расхождений в этой сфере. Подобного рода семиотический подход позволяет более точно и всесторонне сопоставлять реалии двух культур и их словесные обозначения.

Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998. С.139–150.

Вопросы и задания

1. Соотнесите определение культуры, данное в работе, с другими известными вам определениями.
2. На каком основании В.Г. Гаком различаются сферы и аспекты культуры?
3. Проанализируйте положение В. Г. Гака о пространстве культуры и определите свою позицию по данному вопросу.
4. Чем подтверждается принадлежность языка к культуре?
5. Назовите составляющие языкового поведения.
6. Какие аспекты культурем могут быть, по мнению В.Г. Гака, положены в основу их сопоставления. Идентичны ли эти аспекты с теми, которые предлагает Р. Ладо при сопоставлении культурных явлений?
7. Каким образом можно исчислить все важнейшие типы соотношения культурем?
8. Какие типы расхождения реалий наиболее интересны при сопоставлении культур?
9. Что является решающим, по мнению автора, при определении понятия культуремы как объекта лингвострановедения? Разделяете ли вы эту точку зрения?
10. Приведите примеры семиотической, парадигматической, синтагматической асимметрии в структуре культурем, имеющих языковое выражение, и выделите наиболее сложные типы для практики перевода.

КУЛЬТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ПЕРЦЕПТИВНЫХ ПРОЦЕССАХ И УСВОЕНИИ ЯЗЫКА

М. Коул

Культурно-историческая психология. Наука будущего

Глава 2. Кросс-культурные исследования. Перцептивные процессы и культура. Память и культура

Первое технически изощренное экспериментальное исследование культурных различий в перцептивных процессах было осуществлено в конце прошлого – начале нынешнего века, когда научная психология была еще в колыбели <...>

В 1895 г. хорошо оснащенная экспедиция Кембриджского университета, возглавляемая А. Хэддоном, отправилась к юго-восточным берегам того, что называлось тогда Британской Новой Гвинеей, и к островам Торрессова пролива.

Специалистом по экспериментально-психологическим методам в этой экспедиции был У.Х.Р. Риверс <...> Он и его коллеги сосредоточили свои усилия на изучении *сенсорных* способностей, то есть элементарных психических функций. <...>

Главным в их работе было проверить достоверность утверждений европейцев, совершивших путешествие в «нецивилизованные части света», о том, что «дикие и получивилизованные расы демонстрируют более высокую сенсорную чувствительность, чем та, которую можно обнаружить среди европейцев» <...>

Исследователи проверили эти <...> точки зрения <...> «Общий вывод, который можно сделать <...> состоит в том, что острота зрения дикарей и получивилизованных людей, хотя и превосходит несколько остроту зрения нормального европейца, но степень этого превосходства вовсе не так значительна <...> Народы, которые изучены к настоящему времени, не проявляют того превосходства над европейцами в присущей им остроте зрения, как этого можно было бы ожидать по сообщениям путешественников» <...>

Сообщалось также, что при общей бедности словаря для обозначения цветов, его испытуемые проявляли несколько сниженную чувствительность к голубому цвету и были менее чувствительны, чем европейские испытуемые, к определенным зрительным иллюзиям <...>

Проект Торресова пролива – оценка

Об уроках экспедиции на острова Торресова пролива и критики Э. Б. Титченером ее выводов можно сделать ряд замечаний. На самом общем уровне почти целое столетие соответствующих исследований в целом подтвердило, что культурные различия в остроте ощущений либо минимальны, либо вообще отсутствуют. Культурные различия с большей вероятностью проявляются, когда в качестве стимулов используются сложные материалы, в частности, рисованные. <...> Этого следовало ожидать и из допущения, что элементарные психические процессы не подвержены влиянию культурных различий в отличие от процессов, основанных на использовании конвенциональных культурных представлений (таких, например, как линейная перспектива на двумерных рисунках).

Тем не менее исследования, проведенные сначала на островах Торресова пролива, а затем Э. Б. Титченером, показали, что даже при изучении так называемых элементарных (и предположительно универсальных) психических процессов очень трудно обойти тот факт, что культуросообразные способы интерпретации задания влияют на его выполнение. Э. Б. Титченер своими модификациями экспериментальных процедур *не удалял* культурные влияния – он ими манипулировал, тем самым показывая, что они существовали с самого начала. <...>

Подверженность зрительным иллюзиям: современные данные

Один из наименее известных результатов исследований У. Х. Р. Риверса связан с подверженностью зрительным иллюзиям. Те же легенды, которые приписывали чрезвычайную остроту зрения народам, считавшимся примитивными, породили и представления, что таких людей легко одурачить фокусами вроде тех, что показаны на рисунке 1.

Рис. 1. Примеры двух иллюзий, широко используемых в кросс-культурных исследованиях: слева – иллюзия Мюллера – Лайера; справа – горизонтально-вертикальная иллюзия. В обоих случаях одинаковые по длине отрезки прямых воспринимаются как неравные из-за различий в контексте.

Однако обнаружилось, что уроженцы островов Торресова пролива и одного из сельских районов Индии меньше подвержены иллюзии Мюллера – Лайера, чем контрольная европейская группа, но более подвержены горизонтально-вертикальной иллюзии. Хотя его результаты и подорвали надежды, основанные на мифе об интеллектуальном превосходстве европейцев, было, однако, совершенно неясно, какие факторы порождали эти культурные различия.

В 1960-х годах Маршалл Сегалл и его коллеги снова обратились к некоторым из ключевых вопросов, исследовавшихся У. Х. Р. Риверсом. <...> Они определили свою деятельность как попытку выявить влияние особенностей окружающей среды на зрительное восприятие. <...> Их базовая гипотеза состояла в том, что различные культурные среды порождают различные привычные способы интерпретации зрительных впечатлений, поэтому, когда испытуемым предъявляются стимулы, непохожие на те, с которыми они привыкли встречаться, будет наблюдаться рост числа ошибочных интерпретаций. В отношении иллюзии Мюллера – Лайера исследователи ожидали, что люди, живущие в «рукотворной среде», будут чаще интерпретировать рисунки на языке трехмерных объектов, чем люди, живущие в менее «рукотворной» сельской среде. Они предполагали также, что люди, привыкшие видеть дальние просторы, будут более подвержены горизонтально-вертикальной иллюзии.

М. Сегалл и его коллеги провели множество измерений, чтобы повысить надежность результатов. <...> Их исследование охватило четырнадцать неевропейских групп (тринадцать африканских и одну филиппинскую) и три группы испытуемых европейского происхождения (одна из Южной Африки и две из Соединенных Штатов, последние существенно различались по социальному положению и уровню образования)... всего было обследовано 1900 человек. <...>

Как и ожидалось, испытуемые в европейских выборках оказались значительно более подверженными иллюзии Мюллера – Лайера, чем испытуемые неевропейских сельских районов. И, как и ожидалось, подверженность горизонтально-вертикальной иллюзии различалась по группам иным образом. Испытуемые из групп, привычных к дальним просторам, были более подвержены этой иллюзии, чем люди, жившие в тропических лесах или в современных европейских городах. Исследователи могли заключить, что им удалось показать: культура влияет на восприятие, формируя привычные способы суждения о воспринимаемых объектах, срабатывающие в двусмысленных обстоятельствах.

Как отмечают М. Сегалл и его коллеги (1990), тот факт, что результаты в целом соответствовали теории, не означал невозможности других интерпретаций. <...>

Современные исследования памяти и культуры

Через три десятилетия после пионерских работ Ф. К. Бартлетта, Г. Бейтсона и С.Ф. Нэйдела мы с коллегами изучали особенности памяти у фермеров-рисоводов племени кпелле в центральной Либерии. У этой работы было несколько целей, но одна из них состояла в проверке представления Ф. К. Бартлетта о том, что неграмотные африканские племена склонны к использованию механического воспроизведения при встрече с такими задачами для памяти, с которыми у них не связаны «сильные переживания» <...>

Испытуемым предъявляется список слов для запоминания, и они свободны вспоминать их в любом выбранном ими порядке. Эта процедура приобрела популярность в 1960-х годах, поскольку было обнаружено, что если набор слов, принадлежащих к известным категориям (одежда, пища, инструменты, домашняя утварь), предъявляется в случайном порядке, взрослые испытуемые не стремятся запомнить слова в порядке предъявления. Вместо этого они группируют запомнившиеся слова по категориям <...>

Мы решили, что такие списки для свободного воспроизведения вряд ли способны вызвать сильные социальные переживания, так что если неграмотные рисоводы-кпелле имеют склонность к механическому запоминанию, она проявится, если попросить их запомнить набор слов <...>

Вопреки ожиданиям, основанным на ранней работе Ф.К. Бартлетта, мы не обнаружили свидетельств механического запоминания. На деле нам оказалось довольно трудно увидеть вообще какой-нибудь способ организации в том, как люди запоминали списки. Они не воспроизводили их в том порядке, в каком мы их представляли (даже если этот порядок не изменялся в различных пробах), и не производили никакой классификации по категориям, к которым они принадлежали.

Вопреки легендам о замечательной памяти неграмотных народов, они справлялись с этим заданием хуже, чем это предусматривалось стандартами, полученными в американских исследованиях. Не приводило к сколько-нибудь заметному научению и повторение работы с одним и тем же списком слов <...>

Эти низкие показатели и отсутствие научения с повторением теста побудили нас начать серию экспериментов, направленных на то, чтобы выяснить, существуют ли вообще такие способы предъявления задания, которые могли бы привести к более высокому уровню воспроизведения и показать наличие какой-либо его организации:

1. Мы попробовали платить испытуемым за каждое воспроизведенное слово, чтобы проверить предположение, что они на самом деле просто и не пытались запомнить. Испытуемые стали произносить, вспоминая список, гораздо больше слов, но содержание того, что они вспоминали, не улучшилось.

2. Предъявляли те же понятия в форме картинок и в виде физических объектов, чтобы проверить, не будет ли такое наглядное предъявление способствовать улучшению запоминания. Предъявление физических объектов, действительно, слегка улучшило результаты, но не больше, чем с американцами.

3. Пытались разными способами сделать категориальную структуру списка наглядной (включая, например, в список слов сами названия категорий или размещая отдельно физические объекты, относящиеся к разным категориям), но это практически не отражалось на качестве воспроизведения.

4. Вместо того, чтобы просить испытуемых вспомнить слова, мы просили их вспомнить, на каком из четырех стульев находились объекты, относящиеся к той или иной категории. Если объекты размещались на стульях в соответствии с их принадлежностью к определенной категории, испытуемые запоминали быстро и группировали слова при воспроизведении – это показывало, что *когда категориальная структура списка была предъявлена достаточно ясно*, испытуемые кпелле оказывались способны использовать эту информацию о принадлежности к определенным категориям для запоминания <...>

Оценка стандартного кросс-культурного подхода

Исследование памяти, как и исследование восприятия, убедительно опровергает идею о том, что народы, принадлежащие к неграмотным («примитивным») обществам, обладают необыкновенными возможностями памяти. Оно интересно отнюдь не тем, что способно показать, лучше или хуже запоминают представители неграмотных, первобытных народов, чем их грамотные современники <...> Важнее, что оно отводит культурным различиям некоторую роль в организации повседневной жизнедеятельности.

Когда структуры деятельности разных социальных групп похожи, культурные различия в процессах запоминания оказываются минимальными. Когда одно общество имеет значимые институционализированные практики, требующие запоминания такого рода, в то время как в другом обществе это не имеет места (например, в школьном обучении), мы вправе ожидать проявления культурных различий в процессах памяти в виде особых способов запоминания, соответствующих этой деятельности (вроде способности воспроизводить списки слов) <...>

Глава 7. Онтогенез и культура. Модулярность и контекст. Освоение языка

Никакая область взаимодействия культуры и развития человека не привлекала такого внимания ученых, как вопрос о культурном опыте в освоении языка. Должен ли язык осваиваться в процессе учения, опосредованного культурой, то есть, как любая другая когнитивная способность человека, в процессе конструктивного взаимодействия, или язык является специализированной отдельной областью (модулем), которая нуждается только в каком-то включении, чтобы проявиться?

Никто не верит, что язык может быть выработан в изоляции, однако модулярная позиция в отношении языка предполагает, что его развитие сродни развитию любого телесного органа: если окружающая среда способствует поддержанию жизнедеятельности социальной группы, она способна обеспечить и развитие языка без какого-либо специального внимания.

Однако поскольку среда, поддерживающая жизнедеятельность, есть среда, преобразованная культурой, необходимо более аккуратно определить минимальные условия культурно опосредованного взаимодействия между детьми и взрослыми, достаточные для поддержания развития «речевого органа» <...>

Метафора сада представляется мне полезной для размышлений об этих вопросах. Рассмотрим, например, обычное бобовое зерно, часто используемое на занятиях в детском саду для демонстрации процесса роста. Представим себе, что мы поместили его во влажную землю в горшке и поставили горшок в темный сарай. По истечении определенного промежутка времени, скажем, двух-трех недель, зерно прорастет. Появится росток, а затем листья, первые желто-зеленые листья, похожие на восковые. Чтобы развитие продолжалось, росток теперь *должен* получать солнечный свет. Если не вынести его из темного сарая, он завянет и погибнет. Но если вынести его на солнечный свет, он вырастет и расцветет.

Аналогия между разными условиями для семени в тени и на солнце и ситуацией, с которой сталкиваются человеческие детеныши в своей среде, ясна. Как семя в почве, человеческое дитя должно иметь достаточную для обеспечения жизни поддержку; оно должно быть согрето и накормлено, иначе оно умрет.

Известно, что некоторые признаки «семян» языка имеются уже при рождении или приобретаются так рано, что это как будто отрицает важность обширного опыта. Эти признаки включают способность различать очень широкий набор различных фонем, способность различать слоги, предпочтение речевых звуков неречевым и отбор среди речевых тех звуков, которые соответствуют естественным границам предложения, продолжитель-

ным гласным, языковым ударениям и ритмам. Короче говоря, дети рождаются с богатым набором речевых возможностей или «семян языка». Каковы же тогда условия, при которых эти семена прорастут и расцветут?

Данные о детях, депривированных в отношении языкового опыта

Данные о детях, которые росли в условиях, ограничивавших их вхождение в культуру, помогают понять общий нижний предел культурной поддержки, необходимой для обеспечения речевого развития. Хорошо известен случай Жени, исследованный Сюзанн Кюртисс. Жени была заперта одна в комнате незадолго до ее второго дня рождения. На протяжении последующих одиннадцати лет она днем была прикована к горшку, а ночью туго спеленута в спальном мешке. На протяжении этого времени у нее не было нормальных речевых контактов, и она имела лишь самый минимум социальных взаимодействий, которые могли бы считаться нормальными в любой культуре. Никому не разрешалось с ней разговаривать, а ее отец, приносивший ей пищу, издавал лишь нечеловеческие звуки.

Когда в возрасте тринадцати лет ее освободили из этих ужасных обстоятельств, состояние Жени было жалким: она была истощена и очень мала. Она не могла нормально ходить, редко издавала какой-нибудь звук, не умела пользоваться туалетом. При тестировании она показывала замечательные результаты по пространственному разделу, но так и не смогла освоить язык. Жени так и не оправилась от многих лет жестокой депривации: она приобрела лишь очень небольшой словарный запас и освоила лишь немногие формы социального взаимодействия <...>

Между этой крайней степенью депривации и положением подавляющего большинства детей есть несколько промежуточных случаев. Особенно поучительна ситуация рождения глухих детей у нормально слышащих родителей, не верящих, что их детям полезно пользоваться знаками и настаивающих, чтобы они вместо этого учились взаимодействовать посредством устной речи. Эти дети воспитываются в среде, богатой культурно-опосредованными социальными взаимодействиями (в частности, языковое опосредование между другими членами семьи), включающими и ребенка, и происходящими в значительной мере так, как они происходили бы, если бы ребенок мог слышать: люди вместе принимают пищу, детей купают и укладывают в постель, их берут с собой, идя в магазин, приучают к туалету.

Таким образом, они живут в мире, наполненном смыслом, хотя и не имеют доступа к специфически речевому поведению, заполняющему пробелы между действиями. Эти дети вносят в свои взаимодействия активную мысль, которая наверняка содержит представления о событиях и схемы. Во многих ситуациях взаимодействия этих ресурсов оказывается достаточно как для самого взаимодействия, так и для развития лежащих под ним схем до степени, необходимой, чтобы участвовать во взаимодействии наравне с другими.

Известно, что при таких обстоятельствах дети начинают спонтанно применять «домашние знаки» – род коммуникации посредством пантомимы. С. Голдин-Мидоу показал, что домашние знаки обладают рядом свойств, обнаруживаемых на ранних стадиях естественного освоения речи. Глухие дети в подобных обстоятельствах примерно к двум годам начинают составлять последовательности из двух, трех и более знаков, то есть примерно в то же время, когда слышащие дети начинают создавать многословные предложения. Особенно важно, что, по сообщению С. Голдин-Мидоу, такие глухие дети способны вставлять в предложения короткие знаковые фразы («ты – Сьюзен, дай мне – Эйб, круглое печенье»), хотя ни один из жестов, используемых родителями, не имел подобного свойства. Такое поведение показывает, что дети могли включаться в элементарную форму коммуникативного поведения, характерную для всех человеческих языков – обращение <...>

Однако в этой точке их речевое развитие достигает предела. Культурное окружение оказывается недостаточным для поддержки развития вполне зрелого языка. Эта ситуация соответствует попытке вырастить растение из семени в полной темноте. Оказывается, что если дети не получают доступа к некоторой форме речи как элементу их культурно организованной среды, они не смогут развить ее более сложные черты <...> Однако, если такие дети впоследствии обучаются какому-либо знаковому языку (например, ASL), они оказываются способны к значительному речевому развитию, даже в том случае, если они получают доступ к развитой языковой системе лишь в отрочестве, то есть значительно позже критического периода, связываемого обычно с освоением речи <...>

Важно добавить, что на другом полюсе, в ситуации, в которой дети имеют доступ к языку, но не имеют культурно организованной деятельности, языковое развитие также не происходит. Дети, подолгу остающиеся одни с телевизором, ведущим передачи на иностранном языке, не осваивают этот язык <...>

Нормальные условия освоения речи

На основе этих данных кажется неизбежным вывод о том, что для освоения детьми большего, нежели зачатки языка, они должны не только слышать (видеть) речь, но и участвовать в деятельности, которую этот язык помогает осуществлять. В повседневных занятиях язык является существенным средством установления и поддержки согласованности действий, заполнения лакун между жестами и другими действиями, создающим возможность тонкой подстройки ожиданий и интерпретации. Этим я вовсе не хочу сказать, что взрослые должны открыто учить языку; скорее они должны предоставить, дозволить детям участие в культурно организованных действиях, опосредованных речью.

Пытаясь уточнить внешние условия, необходимые для освоения речи, Дж. Брунер пользуется понятием *формата* – рамки социального взаимодействия, обеспечиваемой повседневными занятиями. Формат, по Дж. Брунеру, это « <...> ограниченный правилами микрокосмос, в котором взрослый и ребенок делают что-то вместе и в отношении друг друга. В самом общем смысле это инструмент упорядоченного человеческого взаимодействия. Поскольку форматы упорядочивают коммуникативное взаимодействие между младенцем и теми, кто о нем заботится, еще до возникновения словесно-грамматической речи, они играют решающую роль в переходе от коммуникации к языку» <...>

В этом отношении брунеровское понимание формата очень похоже на то, как Катрин Нелсон говорит об обобщенных схемах событий, называемых *сценариями*, «последовательно организованными структурами актов, связанных причинными и временными отношениями с определенными в самом общем виде участниками и объектами» <...> По сути дела, форматы или сценарии являются культурными артефактами событийного уровня, встроенными в словарь и привычные действия взрослых, и действующими в качестве структурных средств, в рамках которых дети могут приобрести опыт согласования изменений слов и поступков, оставаясь при этом в рамках форм поведения, предусматриваемых культурой. В процессе согласования подобных действий с их опекунами в культуре, дети открывают широкий спектр смыслов, закодированных в их языке, и одновременно новые способы осуществления собственных намерений.

Дж. Брунеру удалось прекрасно выразить культурный взгляд на освоение языка, когда он писал, что освоение языка не может быть сведено « <...> ни к виртуозному расщелкиванию лингвистического кода, ни к проявлению обычного когнитивного развития, ни к последовательному освоению взрослой речи ребенком посредством некоторого немислимого индуктивного *tour de force*. Скорее это тонкий процесс, посредством которого взрослые искусственно организуют этот мир так, чтобы дети могли продвигаться в культуре, решая естественно возникающие задачи вместе с другими, имеющими аналогичные намерения» <...>

Споры о значении среды для освоения речи породили большой объем литературы о тех способах, которыми родители организуют занятия детей <...> Во многих обществах родители, говоря с детьми до и в процессе освоения ими речи, используют нечто вроде особого «детского языка». Ч. Фергюсон утверждал, что особый «детский регистр» (использование более высокого тона и подчеркнутой интонации, упрощенного словаря, грамматически более простых предложений и специально сконструированных высказываний, подчеркивающих важные аспекты происходящего) является универсальной формой поведения взрослых по отношению к детям в целях поощрения их языковой социализации <...>

Во многих обществах взрослые специально обучают детей словам, формам обращения и другим языковым средствам <...> В Соединенных Штатах существуют субкультуры (например, рабочий класс в Балтиморе <...>), в которых считается, что детей необходимо специально обучать словам, используя довольно жесткие рамки типа «как это называется?» <...> Однако, хотя взрослые, делающие подобные вещи, и могут верить, что такие специальные действия помогают их детям освоить язык, имеющиеся данные показывают, что существенное влияние на освоение языка конкретными способами речевого взаимодействия матери и ребенка в разных культурах обнаруживается довольно редко и в очень ограниченных областях <...>

Этот пример не только иллюстрирует спектр занятий, в рамках которых дети осваивают язык, он также показывает, как и считал Л. Выготский, что смыслы слов меняются со временем, развиваются. Дети <...> начинают использовать слово <...> адекватным образом во взаимодействиях со взрослыми задолго до того, как начинают понимать смысл, вкладываемый в это слово взрослыми.

Культурно организованная совместная деятельность, вовлекающая ребенка в происходящее в качестве нового участника, является одной из необходимых составляющих освоения языка. По мере того, как дети в подобных занятиях стараются понять объекты и социальные отношения, чтобы обрести власть над окружающей средой и самими собой, они пересоздают культуру, в которой родились, равно как и переизобретают язык своих предков.

Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М., 1997. С.57–68, 75–80, 224–233.

Вопросы и задания

1. Какие перцептивные процессы были исследованы в начале XX века с точки зрения их культурной обусловленности и почему возникла необходимость такого исследования? Каковы результаты проведенных экспериментов?
2. На чем основывались следующие гипотезы и подтвердились ли они в результате экспериментов:
 - культурно обусловленными являются элементарные психические процессы (например, острота зрения);
 - культурно обусловлены лишь те перцептивные процессы, которые базируются на использовании конвенциональных культурных представлений (например, линейная перспектива на двумерных рисунках);
 - перцептивные процессы любой степени сложности подвержены влиянию культуры.

3. Как проинтерпретировал М. Коул различия в степени подверженности зрительным иллюзиям у представителей исследуемых культур? Возможна ли другая интерпретация полученных экспериментальных фактов? Достаточно ли факта о различной подверженности зрительным иллюзиям представителей разных культур для вывода о культурной обусловленности зрительного восприятия в *целом*?
4. Какую гипотезу проверяли психологи при исследовании памяти рисоводов племени кпелле? К каким выводам они пришли? Какова, по мнению М. Коула, взаимосвязь между структурой деятельности и способами запоминания наиболее важных для данной деятельности компонентов?
5. Какова роль культурного опыта в освоении языка?
6. Что М. Коул относит к обязательным компонентам культурного взаимодействия, необходимого при усвоении языка?
7. Проанализируйте примеры М. Коула, подтверждающие тезис о том, что отсутствие хотя бы одного из обязательных компонентов культурного взаимодействия не приводит к усвоению языка (ребенок, часами смотрящий передачи на иностранном языке, глухие дети в семье родителей с нормальным слухом и т.д.).

Семантические универсалии и описание языков

IV. Лексическая семантика в культурно-сопоставительном аспекте.

Выражение эмоций в русском языке: заметки по поводу «Русско-английского словаря коллокаций, относящихся к человеческому телу»

<...> *Laughter*: смех и хохот

Как отмечается в RECDHB*, английскому слову *laughter* в русском языке соответствует не одно, а два существительных (*смех* и *хохот*), а английскому глаголу *laugh* в русском языке соответствует не один, а два глагола: *смеяться* и *хохотать*. Конечно, в английском языке есть и другие слова, обозначающие то, что может рассматриваться как разновидности смеха: *chuckle* ‘смешок, фыркнуть от смеха’, *giggle* ‘хихиканье, хихикнуть’ и *cackle* ‘хохоток, кудахтать от смеха’, – но отношение этих слов к самым базовым словам – *laugh* и *laughter* – полностью отличается от соотношения между русскими словами *хохот*, *хохотать*, с одной стороны, и *смех*, *смеяться* – с другой. На самом деле все три английских слова: *giggle*, *chuckle* и *cackle* – подразумевают нечто меньшее, чем смех от всего сердца. Из этих трех слов обозначающее непроизвольное, неконтролируемое действие слово *giggle*, имеет лексический аналог в русском языке – глагол *хихикать* (без соответствующего существительного), а обозначающие сознательные и контролируемые действия *chuckle* и *cackle* вообще не имеют аналогов в русском языке.

В отличие от *giggle*, *chuckle* и *cackle*, *хохот*, толкуемый в RECDHB как «laughter, good laughter», представляет собою именно смех, подлинный смех, *хохотать* – значит самозабвенно, не сдерживаясь, смеяться в свое удовольствие.

Положение, согласно которому русский *хохот* представляет собою нечто иное, нежели «подсмеиванье», обозначаемое английскими словами *giggle*, *chuckle* и *cackle*, подтверждается упоминаемыми в RECDHB словосочетаниями, такими, как следующие:

умирать от хохота

*to be dying from chuckling/cackling ‘*умирать от смешка/хохотка’

помирать от хохота

чуть не умереть от хохота.

*RECDHB – *The Russian-English Collocational Dictionary of Human Body* (“Русско-английский словарь коллокаций, относящихся к человеческому телу” Л. Иорданской и В. Паперно. М., 1995).

Очевидно, что по-английски нельзя сказать, что кто-то умирал или чуть не умер от «chuckling, cackling или giggling». (Интересно также отметить, что английские существительные *giggle*, *chuckle* и *cackle* все обозначают относительно краткие действия, тогда как русское слово *хохот* обозначает длительное действие.)

Другие глагольные выражения, упоминаемые в RECDNB, равно красно-речивы:

- кататься от хохота
- с ног валиться от хохота
- хвататься за бока от хохота
- трястись от хохота
- живот колыхается от хохота
- на глазах слезы выступили от хохота.

Прилагательные, с которыми обычно сочетается слово *хохот*, также отличны от тех, которые вероятны в сочетании со словами *giggle*, *chuckle* или *cackle*:

- громкий хохот – [?]loud giggle/chuckle/cackle
- веселый хохот – [?]merry (cheerful) giggle/chuckle; [?]cheerful cackle
- здоровый хохот – [?]robust/healthy giggle/chuckle/cackle
- дружный хохот – [?]general (букв. harmonious, in concord)
giggle/chuckle/cackle
- раскатистый хохот – *peals of giggle/chuckle/cackle.
(также: раскаты хохота)

Типичность сочетания этих прилагательных со словом *хохот* наводит на мысль, что в русской культуре громкий и несдержанный хохот не рассматривается (говорящим и, вероятно, языковым сообществом в целом) с каким-либо неодобрением, что, напротив того, он считается «здоровым». Nomina personae *хохотун* (мужчина) и *хохотунья* (женщина) особенно показательны в этом отношении, поскольку оба они подразумевают положительное отношение к лицу, о котором идет речь. Это положительное отношение, вероятно, связано с тем фактом, что *хохот* должен выражать неподдельно «хорошие чувства». Так, если *смех*, как и *laughter*, может иногда описываться как *горький* (bitter) или *саркастический* (sarcastic), хохот употребляется в таких сочетаниях не может (*горький хохот, *саркастический хохот).

Поскольку слова *хохот* и *хохотать* представляют собою весьма обычные и частые в разговоре слова русского языка, то, что они специально фокусируются на громком и несдержанном смехе, дает основания предполагать особую отмеченность хохота в русской культуре: информация, которую мы можем извлечь из словарных данных, по-видимому, состоит в том, что, с точки зрения русской культуры, ожидается, что люди будут иногда – возможно, даже часто – смеяться громко и несдержанно, просто веселясь и делая это без всяких попыток контролировать телесные прояв-

ления своего хорошего настроения (такие, как трясение, валение с ног, колыхания и т.д.); а также, что такого рода поведение не только считается нормальным и социально приемлемым, но фактически одобряется. Отсутствие слова, подобного слову *хохот* (не говоря уже о словах *хохотун* и *хохотунья*), в словарном составе английского языка, так же, как и наличие в нем слов *chuckle*, и *cackle*, дает основания полагать, что англосаксонские нормы и ожидания относительно смеха отличаются от русских.

Это дополнительно подтверждается наличием отрицательных коннотаций у английского глагола *guffaw* ‘гоготать, ржать’, который иногда приводится в русско-английских словарях в качестве эквивалента слова *хохот*. В отличие от слов *хохот* и *хохотать*, *guffaw* не является общеупотребительным словом; сама его семантика отражает неодобрение несдержанного громкого смеха (тогда как его низкая частотность дает основания полагать, что такого рода поведение рассматривается как необычное).

Рассмотрение сочетаемости русских слов *смех* и *смеяться* и их английских аналогов *laughter* и *laugh*, к которому мы теперь обратимся, указывает в том же направлении.

Подобно *хохоту*, *смех* имеет целый ряд коллокаций, которые представляют его как интенсивный и неконтролируемый, обладающий легко заметными телесными проявлениями. Эти коллокации включают следующие:

разразиться смехом
надорвать себе животики
чуть не лопнуть от смеха
покатиться со смеху
чуть не умереть со смеху
закатиться смехом
прыснуть от смеха.

Хотя некоторым из указанных коллокаций могут быть поставлены в соответствие английские эквиваленты, русские выражения и более многочисленны, и более театральны. Различие особенно заметно при описании длительного, продолжающегося смеха, то есть смеха, которому человек свободно позволяет себе предаваться в течение некоторого времени, не пытаясь регулировать или остановить его. В английском языке есть несколько выражений вроде «*nearly died laughing*» [‘чуть не умер со смеху’], но не таких, как «*was dying with (или from) laughter*» [‘умирал со смеху (или от смеха)’]. Но в русском языке есть много выражений, содержащих глаголы несовершенного вида и обозначающих крайние проявления смеха, например:

заливаться смехом
надрываться от смеха
умирать со смеху
помирать со смеху
давиться со смеху.

Многие такие выражения предполагают видимые произвольные движения тела смеющегося человека:

закатываться смехом
кататься от смеха
трястись от смеха
сотрясаться: тело сотрясается от смеха
колыхаться: живот колышется от смеха
трястись: живот трясется от смеха
корчиться от смеха.

Итак, не только употребление слова *хохот*, но и употребление слова *смех* наводит на мысль, что несдержанный, нерегулируемый смех в большей степени отмечен в русской культуре, нежели в господствующих тенденциях англосаксонской культуры. Слово *хохот* представляет собою лексическое отражение этой культурной отмеченности, тогда как и слово *смех*, и слово *хохот* отражают ее в своем фразеологическом поведении.

Слезы

Русское слово *слезы* используется для указания на внешнее выражение эмоций значительно шире, нежели его английский аналог *tears*, и имеет более широкий диапазон сочетаемости. Для перевода соответствующих сочетаний на английский язык часто приходится изменять смысл исходного выражения, и направление этого изменения всегда предсказуемо: оно неизменно заключается в «смягчении» исходного смысла. Один характерный литературный пример дает нам RECDВН приводя цитату из «Евгения Онегина» Пушкина и ее перевод на английский язык, сделанный Чарльзом Джонстоном:

Княгиня перед ним, одна,	‘The princess, sitting peaked and wan
Сидит, не убрана, бледна,	Alone, with no adornment on,
Письмо какое-то читает	She holds a letter up, and leaning
И тихо слезы льет рекой,	Cheek upon hand, she softly cries
Опершись на руку щекой.	In a still stream that never dries’.

В английском переводе княгиня плачет «тихим ручьем», но в русском оригинале она «слезы льет рекой», и это уменьшение потока слез от «реки» к «ручью» в высшей степени характерно. Например, русские выражения, обозначающие плач, включают следующие:

лить слезы
проливать слезы
заливаться слезами
обливаться слезами.

Единственное английское выражение, которое можно сравнить с указанными русскими выражениями, – это *to dissolve in tears* ‘залиться слезами; букв. растворить в слезах’, но, во-первых, даже ему присущ несколько

иронический или дистанцирующий тон, а во-вторых, его нельзя употребить по отношению к продолжающейся деятельности: «залиться слезами» («dissolve in tears») можно только один раз, тогда как по-русски все перечисленные выше выражения имеют имперфективный вариант и тем самым позволяют говорящему описывать деятельность по «заливанию слезами» как продолжающуюся, не ограниченную какими-либо временными пределами.

Выражение *весь (вся) в слезах* должно быть смягчено по-английски до простого *in tears* 'в слезах'. Например:

Она пришла вся в слезах	'She arrived in tears';
Пришел домой, а мать вся в слезах	'When I came home, I found my mother in tears'.

В русском языке есть ряд выражений, описывающих, как слезы льются из чьих-либо глаз. Эти выражения включают следующие:

течь/потечь

У N слезы текут ручьем (или в три ручья) (из глаз) *литься/политься*

У N слезы льются ручьем (или в три ручья, или рекой) (из глаз) *катиться/покатиться*

У N слезы катятся (градом) (из глаз)

брызнуть

У N слезы брызнули (из глаз)

хлынуть

У N слезы хлынули (из глаз)

струиться

У N по щекам струятся слезы.

Кроме того, по-русски лицо, глаза, да и человек в целом могут быть описаны как видимым образом изменившиеся под воздействием плача. В английском переводе приходится изменять такие описания, поскольку не существует идиоматического способа передать их. Например, выражение *заплаканные глаза* передается в RECDHB как «tear-reddened eyes» ['покрасневшие от слез глаза'], но на самом деле оно означает нечто большее: «глаза, видимым образом изменившиеся и показывающие, что человек плакал» (не просто «покрасневшие») <...>

Русское выражение *до слез*, толкуемое в RECDHB как «V пока не заплачет» («V until one cries»), обычно используется для описания целого множества эмоций, включая те, которые обозначаются следующими глаголами и глагольными группами: *смеяться, хохотать, покраснеть, смущаться, обидно, завидно* и *досадно*. Само собою разумеется, что словосочетание «until one cries» не используется таким образом в английском языке. По-видимому, это наводит на мысль, что слезы рассматриваются в русской культуре, в отличие от англосаксонской культуры, как обычный и общепринятый симптом целого ряда эмоций, включая, например, смущение, зависть, досаду и т.д.

К сходному выводу подводят нас следующие русские словосочетания и их английские толкования:

слезы счастья 'happy tears'
слезы восторга 'ecstatic tears'
слезы обиды 'tears of humiliation'
слезы раскаянья 'tears of repentance'
слезы досады 'tears of disappointment'
слезы жалости 'sorrowful tears'
слезы сочувствия 'tears of sympathy'.

Не удивительно и то, что, как мы увидим в следующих двух разделах, многие коллокации, затрагивающие слезы, затрагивают также глаза или лицо в целом.

Face – лицо

Сочетания с русским словом *лицо*, приведенные в REGDHB, дают основания предполагать культурную позицию по отношению к выражению лица, отличную от позиции, предполагаемой общепринятыми словосочетаниями с английским словом *face*.

Прежде всего, в русском языке лицо часто описывается как «свещающееся», «освещенное» или сияющее (радостью, удовольствием, восторгом и т. д.), тогда как в английском языке есть лишь одно такое выражение: *someone's face lit up* 'чьё-то лицо осветилось', – которое может указывать лишь на моментальное событие. Например:

у N лицо сияет от радости (радостью)
весь сиять/просиять/засиять от радости (или восторга)
у N лицо осветилось (радостью)
лицо у N просветлело, просветленное лицо
(подразумевает: эмоционально приподнятое, светлое, радостное).

И наоборот, лицо можно описать по-русски с точки зрения отсутствия света:

у N лицо омрачилось
у N лицо помрачнело
у N тень пробежала по лицу
у N лицо погасло
темнеть/потемнеть лицом.

Улыбку также можно описать по-русски с точки зрения наличия света (что менее обычно, но не полностью невозможно по-английски):

улыбка освещает лицо.

Но следующие словосочетания, совмещающие идею улыбки и плавления или улыбки и ползанья, не имеют аналогов в английском языке:

лицо у N расплылось в широкой (или радостной) улыбке
у N лицо расплзлось в улыбке.

Последние два выражения, описываемые в RECDHB как указывающие на «радостную улыбку» ('joyful smile'), подразумевают своего рода «переполнение» эмоциями, связанное с отсутствием контроля за своим лицом и отсутствием ощущения, что такой контроль необходим.

Плач также обыкновенно описывается по-русски как воздействующий на лицо человека в большей степени, нежели это принято по-английски. Например, в то время как выражение *лицо залито слезами* имеет аналог в выражении *a face flooded with tears*, общепринятое выражение *заплаканное лицо* очевидным образом предполагает большее изменение черт лица какого-либо человека, нежели предполагало бы ближайшее по смыслу английское выражение *tear-stained face* <...>

Также обращает на себя внимание приводимый в RECDHB длинный список выражений, описывающих лица, не выражающие каких-либо эмоций (часто с какими-то отрицательными импликациями):

невывразительное лицо	– unexpressive face
неподвижное лицо	– immobile face
деревянное лицо	– wooden face
каменное лицо	– stone face
застывшее лицо	– set/frozen face
у N лицо застыло	– N's face hardened/froze.

Эти выражения (и их антонимы) предполагают, что «нормальное» лицо должно быть *выразительным, подвижным, живым* и что если лицо не является выразительным, то это само по себе дурной знак (знак трагических переживаний, знак бессердечия и т.д.) <...>

Обычное разговорное русское словосочетание *выражение лица* в сочетании с прилагательным, обозначающим эмоцию, указывает в том же направлении: в английском языке словосочетание *facial expression* ‘выражение лица’ является скорее специальным термином, и общеупотребительные русские словосочетания, такие как *радостное выражение лица* или *веселое выражение лица*, трудно точно передать по-английски <...> Прилагательные и причастия, описывающие эмоции, по-видимому также менее охотно сочетаются с английским словом *face*, нежели с русским словом *лицо*.

Например:

радостное лицо	– ?joyful face
веселое лицо	– ?merry face
испуганное лицо	– ?frightened face
удивленное лицо	– ?surprised face
злое лицо	– ?angry/mad face
недовольное лицо	– ?displeased face.

Некоторые из таких выражений – например, *sad face* – звучат совершенно естественно и по-английски, но диапазон таких выражений более ограничен. Опять-таки сам собою напрашивается вывод, что русские культурные нормы позволяют и даже поощряют большую выразительность мимики (в сфере эмоций), нежели англосаксонские нормы.

Глаза и брови

В русском языке слово *глаза*, входит в обширную сеть коллокаций, описывающих выражение эмоций – как представляется, более обширную, нежели сеть английских коллокаций со словом *eyes* ‘глаза’. Прежде всего, как и *лицо*, по-русски глаза могут также быть описаны с точки зрения света. В RECDNB приводятся следующие примеры:

глаза сияют (от радости)
глаза светятся (от радости)
в глазах вспыхнула радость.

В отличие от *лица*, глаза могут быть также описаны на основе огня и горения:

огонь в глазах
огненные глаза
глаза горят
глаза загораются.

Как отмечается в RECDNB, оба вышеприведенных выражения «используются только для описания эмоционального состояния, такого, как гнев, радость и т.д.». В этом отношении данные выражения отличаются от выражения *глаза блестят*, которое может указывать, но не обязательно указывает на эмоцию.

Многие выражения, относящиеся к глазам, подразумевают гнев. Среди них:

глаза сверкают (от гнева)
молнии сверкают в глазах
глаза метают громы и молнии
глаза темнеют (от гнева)
глаза наливаются кровью
суживать/узить глаза.

Сверх того, слово *глаза* входит в целый ряд словосочетаний, обозначающих удивление, изумление и потрясение. Среди них:

удивленные глаза – ‘surprised eyes’
изумленные глаза – ‘astonished eyes’
сделать круглые (или большие) глаза
сделать квадратные глаза
таращить/вытаращить глаза
выпучивать глаза (глагол *пучить* используется по отношению к желудку, раздутому от газов, *вы-* означает ‘из’)
выкатить глаза, вылупить глаза <...>

В дополнение к этим и многим другим сочетаниям, затрагивающим глаза человека, в RECDNB приводятся также многочисленные выражения, касающиеся бровей. Среди них:

хмурить/нахмурить брови (от *хмуриться*)
(сурово) насупить брови
нахмуренные брови
насупленные брови.

Все эти выражения описываются как указывающие на «неудовлетворенность, гнев или плохое настроение».

Целый ряд частично накладывающихся друг на друга эмоций (неудовлетворенность, гнев или сосредоточенность) связывается со следующими словосочетаниями:

сдвигать/сдвинуть брови; сдвинутые брови.

Несколько русских выражений соответствуют английскому выражению *to raise, one's eyebrows* ‘поднять брови’, подразумевающему удивление:

поднять/поднимать брови

вскидывать/вскинуть бровь (ед.) (или брови, мн.)

брови поднялись, брови поползли вверх.

В отличие от приведенных выше выражений, следующие выражения могут указывать не только на удивление («легкое удивление»), но также и на «непонимание или недоверие»:

изгибать/изогнуть бровь (или брови)

поводить/повести бровью (или бровями).

Опять-таки мы можем заключить, что, по-видимому, как глаза, так и брови в русском считаются более выразительными, нежели в английском.

Выразительность рук и ног

По-русски эмоции могут выражаться не только при помощи лица, но и при помощи рук и даже ног. Если начать с последних, в английском есть одно общеупотребительное словосочетание, указывающее на ноги (ступни) как средство выражения эмоций, а именно *to stamp one's foot* ‘топнуть ногой’. Но в русском языке таких словосочетаний несколько. А именно:

в гневе стукнуть ногой

нетерпеливо стукнуть ногой

топать ногами (в ярости)

колотить (по полу) ногами

(обычно о разбушевавшемся ребенке).

В RECDNB также приводятся три выражения, все переводимые как «*to shift from one foot to another*» [«переступить с ноги на ногу»]:

переминаясь с ноги на ногу, переступать с ноги на ногу, топтаться на месте.

Обо всех этих выражениях говорится, что они описывают поведение, рассматриваемое как указывающее на «смущение, недоумение, нерешительность или замешательство» <...>

Переходя теперь к рукам, мы обнаруживаем замечательное разнообразие русских словосочетаний, описывающих «выражение эмоций посредством рук»:

потирать руки (от удовольствия), ломать руки (в отчаянии), заламывать руки (в отчаянии), прижимать/прижать руки к груди (в качестве жеста мольбы или знака искренности), обхватить голову руками (“жест глубокого отчаяния”) хвататься/схватиться за голову (“жест глубокого отчаяния или знак внезапного осознания своей оплошности”), сидеть,

тяжело подперев голову рукой (для описания кого-либо, кто “чувствует себя подавленным и погружается в мысли, обычно мучительные и тягостные мысли”), разводять/развести руками (“жест озадаченности или безнадежности”)..

Несомненно, английский читатель узнает среди жестов, описываемых приведенными выше русскими словосочетаниями, некоторые жесты, которые могут также рассматриваться в качестве выражающих эмоции и в англосаксонской культуре. Однако в большинстве случаев, по-видимому, нельзя подобрать соответствующие английские словосочетания. Вероятно, некоторые из жестов сами по себе являются специфически русскими. В частности, это относится к жестам, обозначаемым посредством русских выражений *разводить (развести) руками, всплеснуть руками и махнуть рукой* <...>

Голова

Судя по поведению русского слова *голова*, можно ожидать, что русская голова также более выразительна, нежели англосаксонская голова. Движения головы, которые считаются выражающими эмоциональные состояния, включают следующее:

опускать/опустить голову

(выражение, которое обычно указывает на печаль, стыд или замешательство).

Следующие четыре выражения, которые описывают произвольные жесты, подразумевают печаль:

уронить голову на грудь

повесить голову

понурить голову

поникнуть головой.

Если глагол *ронять (уронить)* сопровождается локативным словосочетанием (описывающим результирующее местоположение головы), все словосочетание в целом подразумевает (согласно RECDHB) не печаль, а горе:

ронять/уронить голову на стол (или на руки).

В RECDHB также перечисляется ряд выражений, описывающих сознательные жесты, выражающие отчаяние и саморазрушительные порывы:

биться головой о стену (выражение, указывающее на отчаяние), бить себя кулаком по голове (выражение, указывающее на “сильный гнев по отношению к кому-либо”), хвататься за голову (выражение, указывающее на “сильную эмоцию, такую как удивление, ужас или потрясение”. Оно также используется фигурально, в значении «внезапно увидеть свою ошибку»).

С англосаксонской точки зрения, указанные выражения звучат совсем драматично и предполагают культурные нормы, поощряющие более «экспрессионистское» эмоциональное поведение.

Сердце

Поскольку сердце представляет собою внутреннюю и невидимую часть тела, оно обычно рассматривается как средоточие эмоционального опыта, а не как орган выражения эмоций (хотя в RECDHB перечисляются три таких выражения: *принимать к сердцу*, *прижимать руку/руки к сердцу* и *хвататься за сердце*). Тем не менее, русские сочетания, затрагивающие сердце, также показательны в качестве иллюстрации того же самого отношения к эмоциям: дать им полную власть, никак не пытаясь их контролировать.

Сочетания со словом *сердце*, перечисляемые в RECDHB, указывают (в большей степени, нежели английские выражения, касающиеся сердца) в том же самом направлении сильных чувств, которым дается полная власть и которые люди позволяют себе испытывать в полной мере. Например, для английского выражения *N's heart skips a beat* 'Сердце у N скачет' в RECDHB, в дополнение к семантически близкому русскому выражению *у N екает сердце*, приводится несколько других русских аналогов, ряд из которых явно более драматичен и гиперболичен:

у N сердце замирает, у N сердце сжалось, у N сердце упало (ср. *N's heart sank* 'у N упало сердце (букв. «потонуло»)'), у N сердце оборвалось, у N сердце ушло в пятки.

У английского выражения *N's heart is pounding* 'У N сердце колотится' есть три аналога в русском языке, и по меньшей мере один из них очевидно более гиперболичен:

у N сердце колотится (коннотации сокрушительных ударов, разбивания вдребезги, молотьбы), у N сердце бьется (коннотации шумных, отчаянных и неистовых движений), у N сердце готово выскочить из груди.

Как отмечается в RECDHB, указанные выражения «описывают симптомы страха, волнения или радости» и за ними могут следовать словосочетания *от страха*, *от волнения* и *от радости*.

Наконец, в RECDHB перечисляются несколько русских выражений, описывающих беспокойство, отчаяние и скорбь, опять-таки более многочисленных и более драматичных, нежели два английских выражения, перечисленные в данном разделе, а именно *N's heart aches* 'У N сердце ноет' и *N's heart bleeds* 'У N сердце кровью обливается (букв. кровоточит)' (последнее выражение часто иронически обозначает сострадание, не обязательно подлинное):

У N сердце ноет, у N сердце щемит, у N сердце рвется (или разрывается) на части (или на кусочки, или пополам), у N сердце обливается кровью.

Заключение

<...>

...Представленный в RECDHB материал, касающийся русских коллокаций, дает основания предполагать культурную модель личности, содержащую следующие два допущения (А и В):

Русская модель личности

- A. (a) часто, когда человек нечто чувствует
(b) этот человек из-за этого нечто делает какими-то частями тела
(c) этот человек может делать это некоторое время
(d) другие люди могут это видеть
(e) из-за этого другие люди могут знать, что этот человек чувствует
- B. (a) часто, когда человек нечто чувствует
(b) с этим человеком нечто происходит из-за этого
(b') потому что нечто происходит с какими-то частями тела этого человека
(c) это может происходить некоторое время
(d) другие люди могут это видеть
(e) из-за этого другие люди могут знать, что этот человек чувствует.

Как показывает материал, представленный в RECDHB, эти допущения не входят в культурную модель человека, отраженную в английском языке, в качестве обязательных частей. Это не означает, что англосаксонская модель не содержит аналогичных допущений, а скорее, означает, что точная форма соответствующих допущений, инкорпорированных в эту модель, может быть несколько иной:

Англосаксонская модель личности

- A. (a) иногда, когда человек нечто чувствует
(b) этот человек из-за этого нечто делает какими-то частями тела
(c) _____
(d) другие люди могут это видеть
(e) из-за этого другие люди могут знать, что этот человек нечто чувствует
- B. (a) иногда, когда человек нечто чувствует
(b) нечто происходит с какими-то частями тела этого человека из-за этого
(b') _____
(c) _____
(d) другие люди могут это видеть
(e) из-за этого другие люди могут знать, что этот человек нечто чувствует.

Из соображений экономии места здесь невозможно подробное обоснование и обсуждение предложенных формул <...>

Один момент, который все же требует некоторого пояснения в контексте настоящей статьи, касается наличия компонента (b') в русской формуле и его отсутствия в англосаксонской формуле. Компонент (b') предназначен для отражения того факта, что в русских выражениях телесные процессы в типичном случае предстают как затрагивающие всего человека в целом, тогда как в английском языке они предстают как затрагивающие определенные части тела человека, безотносительно к человеку как таковому.

Например, когда мы хотим сказать по-русски, что у кого-то лицо «сияет от радости», нам обычно приходится включить в высказывание локативное словосочетание, указывающее на человека в целом («у нее») <...>

Можно также привести доводы в пользу того положения, что русская культура (в отличие от англосаксонской культуры) содержит общее «предписание», относящееся к эмоциям, которое можно сформулировать следующим образом:

хорошо, если другие люди знают, что человек чувствует.

В подтверждение существования такого общего «предписания» можно привести не только такие сочетания, как *здоровый хохот*, но и такое словосочетание, как *душа нараспашку*, имеющее положительные коннотации: импликация состоит в том, что хорошо, даже чудесно, если «душа» (сердце) человека, представляющая собою средоточие эмоциональной жизни, распаивается в стихийном, щедром, широком, бурном порыве, выражая полное доверие к людям и простодушную готовность к общению с ними.

Импlications таких английских слов и выражений, как *emotional* ‘эмоциональный, эмоционально украшенный’, *effusive* ‘экспансивный’, *demonstrative* ‘несдержанный’, *excitable* ‘легко возбудимый’ (отрицательные коннотации), и *dispassionate* ‘бесстрастный’, *calm* ‘спокойный’, *keep calm* ‘сохранять спокойствие’, *keep cool* ‘сохранять невозмутимость, не терять головы’ и *self-control* ‘самообладание’ (положительные коннотации) – совершенно иные.

Если бы у нас были утонченные словари коллокаций, относящихся к человеческому телу, для других языков – например, для итальянского, греческого, малайского, китайского, японского – мы могли бы многое узнать о межкультурных различиях в нормах, относящихся к выражению эмоций. ... Мы могли бы... достичь и более богатых, и более твердых обобщений.

Вежбицкая А. Семантические универсалии. М., 1999. С. 526–545.

Вопросы и задания

1. Какие различия между лексическими обозначениями смеха в русском и английском языках обнаруживает А. Вежбицкая на основе используемых словарей? Как интерпретирует А. Вежбицкая эти различия? Возможна ли иная интерпретация данных фактов?
2. Какие культурные особенности связаны, по мнению А. Вежбицкой, с лексическими различиями в обозначении смеха, плача, выражения лица, глаз, бровей, жестов рук и т.д.? В чем уязвимость данных выводов и как можно ее устранить?
3. Проанализируйте русскую и англосаксонскую культурные модели личности, предложенные А. Вежбицкой. Что, с вашей точки зрения, в них преобладает – сходства или различия? Каких аспектов касаются несовпадения в данных моделях и чем это можно объяснить?

**Языковая концептуализация мира
(на материале русской грамматики)**

Часть VII. Национальная специфика языковой картины мира

Глава 1. Лексический состав русского языка как отражение «русской души»

Этнопсихологи, иностранные путешественники, русские авторы, размышляющие о характере и судьбах своего народа, в согласии друг с другом отмечают такие черты русского национального характера, как тенденция к крайностям (все или ничего), эмоциональность, ощущение непредсказуемости жизни и недостаточности логического и рационального подхода к ней, тенденция к «морализаторству»... к фатализму... Мы знаем, что ярким отражением характера и мировоззрения народа является язык и, в частности, его лексический состав. Анализ русской лексики позволяет сделать выводы об особенностях русского видения мира, частично подтверждающие и одновременно дополняющие и уточняющие указанные выводы, и подвести под рассуждения о «русской ментальности» объективную базу, без которой такие рассуждения часто выглядят поверхностными спекуляциями <...>

**1. Слова, соответствующие определенным аспектам
универсальных философских концептов**

В русском языке таким концептам часто отвечают «лексические пары»: *правда* и *истина*; *долг* и *обязанность*; *свобода* и *воля*; *добро* и *благо* и т.д.

Так, слова *правда* и *истина* обозначают две стороны одного и того же общефилософского концепта: *правда* указывает на практический аспект этого понятия, а *истина* – на теоретический аспект. В каком-то смысле *истину* знает только Бог, а люди знают *правду*. Нередко говорят, что у *каждого* своя *правда* (мы не говорим *У *каждого* своя *истина*). Ученый стремится к *познанию истины* (а не *правды*), но рассерженная мать хочет *узнать правду* (а не *истину*), кто разбил ее любимую чашку. Мы можем просить или требовать: *Скажи мне правду* (но не *истину*); лишь Христос в Евангелии мог говорить: *Скажу вам истину*. *Истину* никто из людей не знает, а лишь стремится познать. Если же *истину* познали, она скоро делается всеобщим достоянием и превращается в *избитую истину* (но не бывает **избитых правд*) <...>

Как отмечала Н.Д. Арутюнова, в суде свидетели клянутся говорить *правду*, суд стремится выяснить *истину*, чтобы затем судить *по правде*. Такое распределение не случайно. Свидетели могут говорить только *правду*, а не *истину*, ведь *истина* – это то, чего никто из людей не знает, это то, что и должен установить суд. Но судить следует именно *по правде*, поскольку именно *правда* связана с представлением о законе, о норме <...>

Впрочем, данные, приведенные в недавно опубликованной книге Б. А. Успенского [1994], свидетельствуют, что в языке древнерусских памятников соотношение понятий *правда* и *истина* было едва ли не противоположным: *правда* воспринималась как принадлежность Божественного мира (*Божья правда*), а *истина* относилась к человеческому миру. Как же могло получиться, что соотношение *правды* и *истины* оказалось инвертированным?

Более внимательный анализ показывает, что имела место не инверсия, а лишь некоторый сдвиг в указанном противопоставлении. Дело в том, что *правда* и *истина* противопоставлены не по одному, а по двум признакам: кроме принадлежности к Божественному или человеческому миру (носитель истины), существенно также, связывается ли истинность с соответствием действительности или с соответствием правилам, правильностью (источник истины) <...>

Отчасти упрощая картину, можно сказать, что *истина*, как и в современном языке, предполагала соответствие действительности, но целиком принадлежала человеческому миру <...> *Правда*, как и в современном языке, была ориентирована на соответствие идеалу, но идеалу, имеющему Божественное происхождение. Таким образом, в современных словах *правда* и *истина* сохранилось свойственное языку древних памятников противопоставление источников истины; изменилось лишь представление о носителе истины для каждого из этих слов.

Сказанное можно было бы обобщить в виде следующей таблицы:

носитель истины	источник истины	
	действительность	правила, закон
человек	греческое, <i>истина</i> (древние памятники)	латинское, <i>правда</i> (современное русское)
Бог	<i>истина</i> (современное русское)	еврейское, <i>правда</i> (древние памятники)

2. Понятия, специальным образом выделенные в русской языковой картине мира

Существенную роль в русской языковой картине мира играют также слова, соответствующие понятиям, существующим и в других культурах, но особенно значимым именно для русской культуры и русского сознания. Сюда относятся такие слова, как *судьба*, *душа*, *жалость* и некоторые другие.

Так, слово *душа* широко используется не только в религиозных контекстах – *душа* понимается как средоточие внутренней жизни человека, как самая важная часть человеческого существа. Скажем, употребительное во многих западноевропейских языках латинское выражение *per capita* (буквально *на (одну) голову*) переводится на русский язык как *на душу населения*. Говоря о настроении человека, мы используем предложно-падежную форму *на душе* (например, *На душе и покойно, и весело. На душе у него скребли кошки*); при изложении чьих-то тайных мыслей употребляется форма *в душе* (например, *Она говорила: «Как хорошо, что вы зашли», – а в душе думала: «Как это сейчас некстати»*). Если бы мы говорили по-английски, упоминание *души* в указанных случаях было бы неуместно. Не случайно мы иногда используем выражение *русская душа* (например, заглавие настоящей статьи на идиоматическом русском могло бы звучать как «Русская душа в свете лексических данных»), но никогда не говорим об «английской душе» или «французской душе». Пушкин писал: *Татьяна (русская душою, сама не зная, почему)...* – но странно звучали бы сочетания *французженка душою* или *англичанка душою*. <...>

Существительное *судьба* имеет в русском языке два значения: ‘события чьей-либо жизни’ (*В его судьбе было много печального*) и ‘таинственная сила, определяющая события чьей-либо жизни’ (*Так решила судьба*). В соответствии с этими двумя значениями слово *судьба* возглавляет два различных синонимических ряда:

1) *рок, фатум, фортуна*

и

2) *доля, участь, удел, жребий*.

Однако в обоих случаях за употреблением этого слова стоит представление о том, что из множества возможных линий развития событий в какой-то момент выбирается одна (*решается судьба*). После того как судьба решена, дальнейший ход событий уже как бы предопределен, и это отражено во многих русских пословицах, концептуализующих судьбу как некое существо, подстерегающее человека или гонящееся за ним (ср.: *Судьбы не миновать; От судьбы не уйдешь*).

Важная роль, которую данное представление играет в русской картине мира, обуславливает высокую частоту употребления слова *судьба* в русской речи и русских текстах, значительно превышающую частоту употребления аналогов этого слова в западноевропейских языках. Исходя из частотности упоминаний *судьбы* в русской речи, некоторые исследователи делают вывод о склонности русских к мистике, о фатализме «русской души», о пассивности русского характера... Такой вывод представляется несколько поверхностным. В большинстве употреблений слова *судьба* в современной живой речи нельзя усмотреть ни мистики, ни фатализма, ни пассивности – ср. такие высказывания, как *Наша судьба в наших руках; Судьбу матча решил гол, забитый на 23-й минуте Ледаховым; Народ должен сам решить свою судьбу; Меня беспокоит судьба документов, которые я отослала в ВАК уже два месяца тому назад – и до сих пор не получила открытки с уведомлением о вручении*. <...>

3. Уникальные русские концепты

Еще один важный класс слов, ярко отражающих специфику «русской ментальности», – это слова, соответствующие уникальным русским понятиям, такие, как *тоска* или *удаль*. Переход от «сердечной тоски» к «разгулью удалому» – постоянная тема русского фольклора и русской литературы, и это тоже можно поставить в соответствие с «крайностями русской души». <...>

На непереваемость русского слова *тоска* и национальную специфичность обозначаемого им душевного состояния обращали внимание многие иностранцы, изучавшие русский язык <...> Трудно даже объяснить человеку, незнакомому с тоскою, что это такое. Словарные определения («тяжелое, гнетущее чувство, душевная тревога», «гнетущая, томительная скука», «скука, уныние», «душевная тревога, соединенная с грустью; уныние») описывают душевные состояния, родственные *тоске*, но не тождественные ей.

Пожалуй, лучше всего для описания тоски подходят развернутые описания: *тоска* – это то, что испытывает человек, который чего-то хочет, но не знает точно, чего именно, и знает только, что это недостижимо. А когда объект тоски может быть установлен, это обычно что-то утраченное и сохранившееся лишь в смутных воспоминаниях; ср.: *тоска по родине, тоска по ушедшим годам молодости*. В каком-то смысле всякая тоска может быть метафорически представлена как тоска по небесному отечеству, по утраченному раю <...>

4. «Мелкие» слова как выражение национального характера

Особую роль для характеристики «русской ментальности» играют так называемые «мелкие» слова (по выражению Л.В. Щербы), т.е. модальные слова, частицы, междометия. Сюда относится, например, знаменитое «русское авось». Это слово обычно переводится на западноевропейские языки при помощи слов со значением ‘может быть, возможно’ <...> Однако *авось* значит вовсе не то же, что просто “возможно” или “может быть”. Если слова *может быть, возможно* и подобные могут выражать гипотезы относительно прошлого, настоящего или будущего, то *авось* всегда проспективно, устремлено в будущее и выражает надежду на благоприятный для говорящего исход дела <...> Впрочем, чаще всего *авось* используется как своего рода оправдание беспечности, когда речь идет о надежде не столько на то, что случится некоторое благоприятное событие, сколько на то, что удастся избежать какого-то крайне нежелательного последствия. О человеке, который покупает лотерейный билет, не скажут, что он действует *на авось*.

Так, скорее, можно сказать о человеке, который строит атомную электростанцию без надлежащих мер защиты или экономит деньги, не покупая медицинской страховки, и надеется, что ничего плохого не случится <...>

Типичные контексты для *авось* – это *Авось обойдется; Авось ничего; Авось рассосется; Авось пронесет*; ср. также: *Ну да ничего авось. Бог не выдаст, свинья не съест* (И. Грекова). Кроме того, существенно, что установка на *авось* обычно призвана обосновать пассивность субъекта установки, его нежелание предпринять какие-либо решительные действия (например, меры предосторожности) <...>

Важная идея, также отраженная в *авось*, – это представление о непредсказуемости будущего: «все равно не предусмотреть, поэтому бесполезно пытаться застраховаться от возможных неприятностей».

По-другому эта же идея непредсказуемости преломляется в другом русском выражении — *а вдруг*. Высказывание *Авось Р* предполагает, что *Р* – нечто желательное для говорящего; *А вдруг Р* может быть употреблено и при желательном, и при нежелательном *Р*. В некоторых контекстах *авось* и *а вдруг* <...> выражают почти противоположные идеи: *авось* – знак беспечности, *а вдруг* <...> указывает на желание перестраховаться (*Мало ли что? А вдруг* <...>). В других контекстах они, напротив, сближаются. Про шахматиста, без особых шансов в трудном положении решившегося на рискованную и не до конца рассчитанную комбинацию, можно сказать, что он действовал *на авось*: «Авось в сложной борьбе удастся переиграть соперника». Но он мог также руководствоваться установкой “а вдруг”: «А вдруг в сложной борьбе удастся переиграть соперника». Тем не менее и в таких контекстах между *авось* и *а вдруг* наблюдается различие, пренебрежение которым может привести к семантической ошибке <...>

Как «задушевность», так и ее обратную сторону отражает, в частности, слово *небось*, не менее специфичное для русского языка, нежели *авось*. *Небось* выражает общую установку на фамильярность (противоположную западноевропейскому представлению о неприкосновенности личной сферы), которая, как это часто бывает, соответствует разным видам отношения к объекту фамильярности: от «интимной фамильярности» до «недружелюбной фамильярности».

Используя «интимное» *небось*, говорящий демонстрирует свое знакомство с ситуациями подобного рода («я знаю, как в таких случаях бывает»). Иногда это бывает, когда говорящий высказывает предположение о чем-то близко знакомом ему в прошлом, хотя сейчас и недоступном его непосредственному наблюдению, – он одновременно предается воспоминаниям и делает предположение: *От деревни той небось уж ничего не осталось, а я все во сне хожу к теткинскому дому* <...>; *А в Крыму теплынь, в море сельди и миндаль, небось, подоспел* (А. Галич).

Воспоминания такого рода носят самый интимный характер и высказываются, как правило, в форме внутренней речи. Но говорящий может использовать «интимное» *небось* и «вслух», как бы вторгаясь (часто навязчиво) в личную сферу адресата речи или третьего лица и говоря: «Признавайся!» – или: «От меня не скроешь», – ср.: *Ложись спать, устал небось; Небось проголодался. Что это с вами? Небось опять перебрали? <...> Небось голова болит* (Ю. Домбровский) <...>

При помощи этого же средства строятся фамильярные (иногда шуточные) упреки: *Небось не спросил обо мне: что, дескать, жива ли тетка?* (И. Тургенев).

Отметим, что не всегда интимная фамильярность приятна адресату речи. Она может восприниматься им и как незаконное вторжение в его личную сферу, обсуждение того, чего он, может быть, не хотел бы обсуждать, – как в репликах Порфирия Петровича, обращенных к Раскольникову, ср.: *Я и за дворником-то едва распорядился послать. (Дворников-то, небось, заметили, проходя.)* (Ф. Достоевский).

Отсюда всего один шаг до недружелюбной фамильярности. Ср.: *Пусть поработает. Небось не развалится.* И, наконец, всякий элемент «интимной» фамильярности может совсем исчезать, и тогда остается одна враждебность: *Ты в лицо гляди, когда с тобой говорят, контра проклятая! Что глаза-то прячешь? Когда родную Советскую власть японцам продавал, тогда небось не прятал? Тогда прямо смотри!* (Ю. Домбровский). <...>

Особенности «русской души» отражаются и в других «мелких словах»: видно, *-ка, ну* и др. В частности, в качестве яркой национально специфичной установки можно упомянуть дискурсивное слово *заодно*, используемое в таких высказываниях, как *Ты все равно идешь гулять, купи заодно хлеба.* Оно скрывает за собою сразу две установки, характерных для русского менталитета: во-первых, представление о том, что самое трудное в любом деле – это *собраться* его сделать (ср.: *Все никак не соберусь*), а во-вторых, тягу к крайностям (все или ничего) – если уж человек *собрался* что-то сделать, то может *заодно* сделать многое другое.

«Мелкие слова» такого рода обычно оказываются трудно переводимыми на другие языки. Это не означает, что никакой носитель иного языка никогда не может руководствоваться выраженными в этих словах внутренними установками. Но отсутствие простого и идиоматичного средства выражения установки, безусловно, бывает связано с тем, что она не входит в число культурно значимых стереотипов. Так, конечно, носитель, скажем, английского языка может действовать *на авось*, но важно, что язык в целом «не счел нужным» иметь для обозначения этой установки специального модального слова.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира. М., 1997. С. 481–495.

Вопросы и задания

1. Какие черты приписывают Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев русскому национальному характеру? Согласны ли вы с такой интерпретацией? Аргументируйте свою позицию.
2. С какой целью проводят авторы анализ русской лексики? Насколько, на ваш взгляд, языковые данные обеспечивают однозначность выводов о национальном характере?
3. Какие особенности русского национального характера отражены, по мнению Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, в четырех типах слов:
 - *соответствующих определенным аспектам универсальных философских концептов* (правда, истина; долг, обязанность; свобода, воля; добро, благо);
 - *выражающих понятия, специальным образом выделенные в русской языковой картине мира* (судьба, душа);
 - *соотносящихся с уникальными русскими концептами* (тоска, удаль);
 - *«мелкие» слова, выражающие русский национальный характер* (авось, небось).
4. Проанализируйте названные выше слова в изучаемых вами языках. Сохраняются ли импликации, свойственные данным словам в русском языке (выведены Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелевым), также и в других языках? Какой вывод можно сделать на основании полученных фактов?

А. Д. Шмелев

Лексический состав русского языка как отражение «русской души»

Писатели и философы, русские авторы, размышляющие о характере и судьбах своего народа, этнопсихологии, иностранные путешественники, бывавшие в России, отмечают такие черты русского национального характера, как тенденция к крайностям («все или ничего»), эмоциональность, ощущение непредсказуемости жизни и недостаточности логического и рационального подхода к ней, тенденция к морализаторству, «практический идеализм» (предпочтение «неба» «земле»), тенденция к пассивности или даже к фатализму. Мы знаем, что ярким отражением характера и мировоззрения народа является язык, и в частности его лексический состав. Анализ русской лексики позволяет сделать выводы об особенностях русского видения мира, частично подтверждающие и одновременно дополняющие и уточняющие указанные выводы, и подвести под рассуждения о «русской ментальности» объективную базу, без которой такие рассуждения часто выглядят поверхностными спекуляциями.

Разумеется, не все лексические единицы в равной мере несут информацию о русском характере и мировоззрении. Наиболее показательными с этой точки зрения оказываются следующие лексические сферы.

1. Слова, соответствующие определенным аспектам универсальных философских концептов. В русском языке это такие «лексические пары», как *правда* и *истина*, *долг* и *обязанность*, *свобода* и *воля*, *добро* и *благо* и т.д.

Слова *правда* и *истина* обозначают две стороны одного и того же общефилософского концепта: *правда* указывает на практический аспект этого понятия, а *истина* – на теоретический аспект... < ... >.

2. Существенную роль в русской языковой картине мира играют также слова, соответствующие понятиям, существующим и в других культурах, но особенно значимым именно для русской культуры и русского сознания. Сюда относятся такие слова, как *судьба*, *душа*, *жалость* и некоторые другие.

Слово *душа* широко используется не только в религиозных контекстах – *душа* понимается как средоточие внутренней жизни человека, как самая важная часть человеческого существа. Скажем, употребительное во многих западноевропейских языках латинское выражение *per capita* (буквально ‘на (одну) голову’) переводится на русский язык как *на душу населения*. Говоря о настроении человека, мы используем предложно-падежную форму *на душе* (напр., *на душе и покойно, и весело*, *на душе у него скребли кошки*), при изложении чьих-то тайных мыслей употребляется форма *в душе* (напр., *Она говорила*. «*Как хорошо, что вы зашли*», — *а в душе думала*: «*Как это сейчас нестати*»). Если бы мы говорили по-английски, упоминание *души* в указанных случаях было бы неуместно. Не случайно мы иногда используем выражение «*русская душа*» (как, напр., в заглавии настоящей статьи), но никогда не говорим об «английской душе» или «французской душе».

Существительное *судьба* имеет в русском языке два значения: ‘события чьей-либо жизни’ (*В его судьбе было много печального*) и ‘таинственная сила, определяющая события чьей-либо жизни’ (*Так решила судьба*). В соответствии с этими двумя значениями слово *судьба* возглавляет два различных синонимических ряда: (1) *рок*, *фатум*, *фортуна* и (2) *доля*, *участь*, *удел*, *жребий*. Однако в обоих случаях за употреблением этого слова стоит представление о том, что из множества возможных линий развития событий в какой-то момент выбирается одна (*решается судьба*) — важная роль, которую данное представление играет в русской картине мира, обуславливает высокую частоту употребления слова *судьба* в русской речи и русских текстах, значительно превышающую частоту употребления аналогов этого слова в западноевропейских языках. Исходя из частотности упоминаний *судьбы* в русской речи, некоторые исследователи делают вывод о склонности русских к мистике, о фатализме «русской души», о пассивности русского характера. Такой вывод представляется несколько поверхностным. В большинстве употреблений слова *судьба* в современной живой речи нельзя усмотреть ни мистики, ни фатализма, ни пассивности; ср.:

Судьбу матча решил гол, забитый на 23-й минуте Ледяховым; Народ должен сам решить свою судьбу; Меня беспокоит судьба документов, которые я отослала в ВАК уже два месяца тому назад, - и до сих пор не получила открытки с уведомлением о вручении.

Ср. также отрывок из выступления Солженицына в Ростовском университете в сентябре 1994 г., ярко отражающий идею выбора в ситуации, когда «решается судьба», но не содержащий ни мистики, ни фатализма:

Не внешние обстоятельства направляют человеческую жизнь, а направляет ее характер человека. Ибо человек сам – иногда замечая, иногда не замечая – делает выбор и выборы, то мелкие, то крупные... И от выборов тех и других – решается ваша судьба.

3. Еще один важный класс слов, ярко отражающих специфику «русской ментальности», – это слова, соответствующие уникальным русским понятиям: *тоска* или *удаль* и некоторые другие. Переход от «сердечной *тоски*» к «разгулью *удалому*» – постоянная тема русского фольклора и русской литературы, и это тоже можно поставить в соответствие с «крайностями русской души».

На непереваемость русского слова *тоска* и национальную специфику обозначаемого им душевного состояния обращали внимание многие иностранцы, изучавшие русский язык (и в их числе великий австрийский поэт Р.-М. Рильке). Трудно даже объяснить человеку, незнакомому с тоскою, что это такое. Словарные определения («тяжелое, гнетущее чувство, душевная тревога», «гнетущая, томительная скука», «скука, уныние», «душевная тревога, соединенная с грустью; уныние») описывают душевные состояния, р о д с т в е н н ы е *тоске*, но не т о ж д е с т в е н н ы е ей. Пожалуй лучше всего для описания тоски подходят развернутые описания: *тоска* – это то, что испытывает человек, который чего-то хочет, но не знает точно, чего именно, и знает только, что это недостижимо. А когда объект тоски может быть установлен, это обычно что-то утраченное и сохранившееся лишь в смутных воспоминаниях: ср. *тоска по родине*, *тоска по ушедшим годам молодости*. В каком-то смысле всякая *тоска* может метафорически представлена как тоска по небесному отечеству, по утраченному раю. В склонности к *тоске* можно усматривать «практический идеализм» русского народа. С другой стороны, возможно, чувству *тоски* способствуют бескрайние русские пространства; именно при мысли об этих пространствах часто возникает *тоска*, и это нашло отражение в русской поэзии (ср. у Есенина «тоска бесконечных равнин» или в стихотворении Л. Ю. Максимова: «Что мне делать, насквозь горожанину, с этой тоскою пространства?»). Нередко чувство тоски обостряется во время длительного путешествия по необозримым просторам России (ср. понятие «дорожной тоски»); как сказано в уже цитированном стихотворении Л. Ю. Максимова, «каждый поезд дальнего следования будит тоску просторов».

4. Особую роль для характеристики «русской ментальности» играют так называемые «мелкие» слова (по выражению Л. В. Щербы), т. е. модальные слова, частицы, междометия. Сюда относится, напр., знаменитое *авось*. ...< ... >.

Особенности «русской души» отражаются и в других «мелких словах»: *видно*, *да ну*, *-ка*, *ну* и др. Напр., вводное слово *видно*, в отличие от слов типа *по-видимому* или *видимо*, вводя гипотезу, указывает на отношение гово-

рящего к этой гипотезе. Чаще всего речь идет о том, что желания говорящего, по-видимому, так и останутся неосуществимыми; при этом говорящий демонстрирует готовность смириться с «неудачей» («ничего не поделаешь»):

Видно, ничего у нас не выйдет; Видно, ничего не поделаешь; Видно, не судьба; Да-а, видно, мы никогда не договоримся; Видно, придется уехать (пример из словаря Ожегова); А мог бы жизнь просвистать скворцом, заесть ореховым пирогом, да, видно, нельзя никак! (Мандельштам).

В качестве яркой национально специфичной установки можно упомянуть и дискурсное слово *заодно*, используемое в таких высказываниях, как *Ты все равно идешь гулять, купи заодно хлеба*. Оно скрывает за собою сразу две установки, характерные для русского менталитета: во-первых, представление о том, что самое трудное в любом деле – это *собраться* его сделать (ср. *Все никак не соберусь*), а во-вторых, тягу к крайностям (все или ничего) – если уж человек *собрался* что-то сделать, то может *заодно* сделать многое другое.

«Мелкие слова» такого рода обычно оказываются трудно переводимыми на другие языки. Это не означает, что никакой носитель иного языка никогда не может руководствоваться выраженными в этих словах внутренними установками. Но отсутствие простого и идиоматичного средства выражения установки, безусловно, бывает связано с тем, что она не входит в число культурно значимых стереотипов. Так, конечно, носитель, скажем, английского языка может «действовать *на авось*», но важно, что язык в целом «не счел нужным» иметь для обозначения этой установки специального модального слова.

Этим не исчерпываются лексические группы, наиболее ярко сражающие особенности русского видения мира. Напр., чрезвычайно интересны слова, отражающие специфику русского представления о пространстве и времени (в частности, пространственные и временные наречия и предлоги). Так, наличие в русском языке близких по значению слов *миг*, *мгновение*, *момент*, *минута* (ср. выражение *в такие мгновения / моменты / минуты*) отвечает существенному для русской языковой картины мира различию эмоционального, исторического и бытового времени (наблюдение Е. С. Яковлевой).

Важно предостеречь от прямолинейности выводов о национальном характере на основе анализа одной-двух лексических единиц. Мы уже видели, что поспешными оказались выводы об особом фатализме или мистицизме русских, сделанные на основе наблюдений над употребительностью слова *судьба* в русской речи. Говоря о «русском *авось*», можно заметить, что *авось*-установка обычно оценивается носителям русского языка отрицательно. Так, в «Раковом корпусе» один из героев замечает:

«Нет, Дема, на авось мостов не строят. ...Рассчитывать на такую удачу в рамках разумного нельзя».

Ср. также в романе Вас. Гроссмана «Жизнь и судьба» примеры «российской отсталости, неразберихи, русского бездорожья, *русского авось*». Об отрицательном отношении к *авось*-установке свидетельствуют также многочисленные пословицы:

От авось добра не жди; Авось плут, обманет; Держись за авось, поколь не сорвалось; Авосьевы города не горожены, авоськины дети не рожены; Кто авосничает, тот и постничает; Держался авоська за небоську, да оба под мат угодили.

В случае же когда *авось* используется для характеристики собственной установки, обычно бывает очевидна самоирония. Не случайно в современной русской речи слово *авось* чаще используется не в «прямом режиме», в функции модального слова, а в качестве краткого и яркого обозначения соответствующей установки, т. е. как существительное или в составе наречного выражения *на авось* (см. приведенные выше примеры). Вероятно, склонность «действовать на авось» свойственна русским, но одного факта наличия в русском языке слова *авось* явно недостаточно для такого вывода.

Точно так же наличие в русском языке чрезвычайно характерного и трудно переводимого глагола *попрекнуть/попрекать* (и соответствующего существительного *попрек*) не должно быть истолковано как свидетельство особенной склонности русских к попрекам. Как раз наоборот, оно свидетельствует о том, что, с точки зрения отраженных в русском языке этических представлений, человек должен великодушно избегать высказываний, которые могут выглядеть как попреки, и, сделав кому-то добро, не напоминать ему об этом. О том же говорят и многочисленные пословицы:

Лучше не дари, да после не кори\ Своим хлебом-солью попрекать грешно.

Именно поэтому русский человек болезненно реагирует, когда ему кажется, что его попрекают, и русский язык даже располагает специальными средствами для обозначения этой этически неприемлемой ситуации.

Думается, что сопоставление «русской картины мира», вырисовывающейся в результате семантического анализа русских лексем, с данными этнопсихологии может помочь уточнить выводы, сделанные в рамках как той, так и другой науки.

Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — Часть 1. Вместо введения. С. 25–36.

Вопросы и задания

1. Какие черты русского национального характера обычно отмечают русские авторы в своих размышлениях о характере и судьбах своего народа? Согласны ли вы с их утверждениями?
2. Какие слова русского языка наиболее информативны о русском характере и мировоззрении? Что бы вы изменили в предложенных группах слов?
3. Насколько верно по мнению А.Д. Шмелева, утверждение о мистике, фатализме, пассивности русского характера, сделанное на основе наблюдений над употребительностью слова *судьба*?
4. Найдите соответствия русскому слову *тоска* в известных вам языках.
5. Насколько оправданы, на взгляд автора статьи, прямолинейные выводы о национальном характере русского народа на основе анализа одной-двух лексических единиц?

Дух, душа и тело в свете данных русского языка

< ... >

6. Культурное значение наивно-языковой модели человека

До какой степени реальны наивно-языковые представления о строении человека? Иными словами, насколько языковая модель человека соответствует представлениям носителей языка, проявляющимся в их «наивно-анатомических» и «наивно-медицинских» взглядах и часто служащих неявной основой для философских концепций человека?

Этот вопрос далеко не праздный. В частности, его решение должно повлиять на практику переводов Священного Писания и, возможно, на библейское богословие в том, что касается устройства человека. Следует понять, связана ли центральная роль в организации внутренней жизни человека, которую Писание отводит *сердцу*, с особенностями образной системы древнееврейского и отчасти греческого языка или же это соответствует свойственному Слову Божию особому взгляду на роль *сердца*.

В первом случае все отрывки из Писания, в которых мыслительная, эмоциональная или духовная жизнь связывается с *сердцем*, при переводах на языки с иной языковой моделью человека следует переводить на «язык» соответствующих моделей: так, для языка ифалук, в котором, по сведениям А. Вежбицкой, внутренняя жизнь связывается с *кишками*, вместо *сердца* в указанных отрывках следует использовать лексему со значением ‘кишки’, а для языка догон, в котором подобную же роль играет *печень* [Плунгян 1991], – лексему со значением ‘печень’. Если же полагать, что выбор Священным Писанием *сердца* в качестве главного органа, ответственного за чувства, воспоминания, мысли, намерения и принятие решений, определяется не просто свойствами еврейского языка, но отражает особую роль сердца в библейской мистике, тогда, конечно, указание на *сердце* должно быть сохранено при переводах.

На протяжении веков переводчики Писания и богословы склонялись к второму решению. Как следствие, в христианской мистике издавна существовало особое отношение к сердцу, что привело даже к возникновению в католичестве особого культа *Sacre Coeur*. Но и в православии вопрос о роли сердца в духовной жизни человека обычно ставился и решался на основе соответствующих текстов Священного Писания, так что древнееврейской языковой модели человека, очевидно, придавалось более чем чисто лингвистическое значение (можно упомянуть статью Юркевича «Сердце и его значение в духовной жизни человека по учению слова Божия», соответствующий раздел в книге «Столп и утверждение истины» о. Павла Флоренского, известную статью Б. Вышеславцева «Сердце в христианской и

индийской мистике» и др.). Указывается, что Бог дал людям *сердце*, чтобы *мыслить* (Сир. 17, 6), *широта сердца* (3 Цар. 4, 29) означает широту знания, *говорить в сердце* означает на библейском языке ‘думать’, *ожесточенное сердце* говорит о тупом уме, «жестоковейные» иудеи характеризуются как люди с *необрезанным сердцем* и т. д.

С другой стороны, некоторые богословы указывают, что выбор на эту роль из внутренних органов именно *сердца* до известной степени условен; он обусловлен как образной системой древнееврейского языка, так и тем, что сердце хорошо отражает необходимый круг представлений: оно находится в самом центре (*в сердцевине*) тела, происходящие в нем процессы невидимы для посторонних и даже для самого человека и т. д. Возможно, что для других языков и культур эта же роль могла бы столь же успешно выполняться и другими внутренними органами, и никакого искажения смысла Слова Божия не произойдет. Однако если справедливо, что христианская мистика является мистикой *с е р д ц а* в противоположность мистике *г о л о в ы* и мистике *ч р е в а* (о. Павел Флоренский), то замена сердца на кишки или печень окажется неадекватной.

По-видимому, чисто лингвистического анализа недостаточно для решения вопросов такого рода. Здесь свое слово должны сказать мистики и богословы. Но лингвистический анализ может оказаться в руках богословов полезным подсобным орудием.

Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. —
М.: Языки славянской культуры, 2005. —
Часть III. Человек: душа и тело. —
С. 133—152.

Вопросы и задания

1. Чем определяется, по мнению А. Д. Шмелева, перевод слова *сердце* в текстах Священного Писания?
2. Какой перевод этого слова обычно предпочитали переводчики Писания и богословы?
3. Чем, по мнению некоторых богословов, обусловлен выбор в текстах Священного Писания именно сердца из внутренних органов?
4. Какие другие внутренние органы коррелируют с этим выбором в языках мира?
5. Какую роль может сыграть лингвистический анализ при решении вопроса, насколько адекватной в переводе Священного Писания является замена сердца на кишки или печень?

Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира

1. Предварительные замечания

Исследование языковой картины мира находится, очевидно, на границе лингвистики и других наук: культурной антропологии, психологии, поэтики. Однако, как хотелось бы думать, это не означает, что границы лингвистики в этом месте расплываются. Наоборот, именно в силу пограничности данной проблематики здесь должны быть проведены четкие разграничения: между информацией, содержащейся в самом языке и из него извлекаемой, и информацией, полученной путем анализа других объектов – прежде всего *текстов* на этом языке (т. е. поэтических метафор, мотивов и идей, содержащихся в произведениях литературы, фольклора и т.д.), а также информацией, полученной из тех наук, объектом которых является (говорящий на данном языке) *человек*, особенности его мышления, поведения и т. д., – использующих, в свою очередь, любые свидетельства. Все эти объекты должны исследоваться отдельно и независимо; *языковую картину мира* образуют при этом лишь те смыслы, которые входят в значения *языковых единиц*; если же между собственно лингвистическими и прочими данными обнаруживаются какие-то систематические схождения, то это, очевидно, является лишь подтверждением правильности полученных результатов. Соответственно, пословицы, поговорки и другие вошедшие в язык *тексты*, в том числе авторские (ср. *ум с сердцем не в ладу; на свете счастья нет; широка страна моя родная* и т. п.), могут привлекаться к рассмотрению лишь в той мере, в какой они выражают те же идеи, которые были выявлены при анализе собственно языковых данных.

Языковая картина мира формируется системой *ключевых слов* (концептов) и связывающих их инвариантных *ключевых идей* (или сквозных мотивов) ... Так, одной из ключевых для русской языковой картины мира идей является представление о *непредсказуемости мира*: человек не может ни предвидеть будущее, ни повлиять на него. Эта идея реализуется в нескольких вариантах. С одной стороны, она входит в значение ряда специфических слов и выражений, связанных с идеей вероятности, – таких как *а вдруг, на всякий случай, если что, авось*. Все эти слова опираются на представление о том, что будущее предвидеть нельзя; поэтому нельзя ни полностью застраховаться от неприятностей, ни исключить, что вопреки всякому вероятно произойдет что-то хорошее. С другой стороны, идея непредсказуемости мира оборачивается неопределенностью результата – в том числе собственных действий. Русский язык обладает удивительным богатством средств, обеспечивающих говорящему на нем возможность снять с себя ответственность за собственные действия. В русском языке имеется целый пласт слов и ряд синтаксических конструкций, в значение которых входит идея, что то, что происходит с человеком, происходит *как бы само*

с о б о й. Употребление таких слов выполняет двоякую функцию: с одной стороны, происходит устранение действующего и ответственного за свои действия лица там, где оно реально есть: для этого достаточно сказать *мне не работается* вместо *я не работаю*, *меня не будет завтра на работе* вместо *я не пойду завтра на работу*, *постараюсь* вместо *сделаю* и *не успел* вместо *не сделал*. С другой стороны, наоборот, некоей квазиактивностью, квазиответственностью наделяются вещи и обстоятельства – ср. конструкцию предложения типа *у меня появилась стиральная машина* (с семантическим объектом в позиции подлежащего), а также выражения *обойдется*, *успеется* и т.п....

В области культурной антропологии данная концептуальная конфигурация находит соответствие в таких традиционно отмечаемых исследователями свойствах русского характера, как лень, пассивность, созерцательность, безразличие к результату и вера в чудо; в области вторичных моделирующих систем – например, в сказке «По щучьему веленью», где, как известно, из всех возможных желаний Емеля выбирает, «чтобы ведра домой сами пошли». Другое дело, что Емеля – дурак, и желания у него дурацкие, но ведь дурак в русских сказках – одна из центральных фигур, причем вовсе не отрицательная, а «дурацкое поведение оказывается необходимым условием счастья – условием пришествия божественных или магических сил» [Синявский 2001: 39]. Действительно, ключевая для русской языковой картины мира идея непредсказуемости мира охватывает также и концепт *счастья*.

2. Радость и удовольствие

Для русской языковой картины мира, как отмечают многие исследователи..., характерно противопоставление «высокого» и «низкого», «небесного» и «земного», «внутреннего» и «внешнего» – одновременно с отчетливым предпочтением первого, т.е. своего рода *а к с и о л о г и ч е с к а я* *п о л я р и з а ц и я*, которая распространяется на структуру многих концептов. Целый ряд важных понятий существует в русском языке в таких двух ипостасях: ср. следующие пары слов, противопоставленных, в частности, по признаку «высокий» – «низкий»: *истина* и *правда*, *долг* и *обязанность*, *добро* и *благо*. Ярким примером такой ценностной поляризации может служить пара *радость* — *удовольствие*.

...Среди различий, отмечаемых в этой статье, как кажется, два являются главными, определяющими все остальные. Первое состоит в том, что *радость* – это чувство, а *удовольствие* – всего лишь «положительная чувственно-физиологическая реакция». Второе, и в некотором смысле самое главное, – в том, что *радость* относится к «высокому», духовному миру, в то время как *удовольствие* относится к «низкому», телесному. Другими словами, аксиологическая поляризация внутри пары *радость* – *удовольствие* обусловлена тем, что *радость* связывается со способностями *души* или *духа*, а *удовольствие* является атрибутом *тела* или *плоти*, ср.: *душа*

радуется, радоваться душой, душевно рад (но не * *душевно доволен*) и *плотские удовольствия* (но не * *плотские радости*)/. Эти фундаментальные различия влекут за собой некоторые более частные, что отражается, в том числе, в способах метафоризации *радости* и *удовольствия*. Как пишет А. Б. Пеньковский, «...чтобы *искать, находить, извлекать, получать* и *испытывать удовольствие*, необходимо еще „владеть технологией“ всех этих действий, знать способы и приемы их применения, иметь соответствующие навыки и умения. [...] УДОВОЛЬСТВИЕ, таким образом, „механично“ и „технично“ в отличие от РАДОСТИ, которая „органична“» [Пеньковский 1991: 150–151]. Поэтому не случайно, что удовольствие *портят*, как портят вещь или механизм, тогда как радость *омрачают, отравляют* или *убивают* – как живое существо.

Оппозиция *радости* и *удовольствия* как «высокого» и «низкого» может быть проиллюстрирована следующей цитатой из дневника М. М. Пришвина, которая, как кажется, выражает установку, разделяемую многими русскими людьми:

Подозреваю, что та редкая *радость* (будто разыгрывается что-то в душе), *радость*, не забиваемая ни годами, ни нуждой, ни оскорблениями, — эта радость у нас с ней общая, она и соединила нас. И отсюда наша общая с нею *ненависть к удовольствию, заменяющему радость*.

Таким образом, *удовольствие*, будучи само по себе аксиологически по меньшей мере нейтральным, в русской языковой картине мира сдвигается в область отрицательной оценки: человек, одолеваемый *жаждой удовольствий* и проводящий свою жизнь *в погоне за удовольствиями*, представляется жалким, бездуховным существом. ...

< ... >

4.4. Межъязыковые сопоставления

Расхождения между русским *счастлив, счастье* и англ. *happy, happiness* столь существенны, что вызывает сомнение правомерность установления между этими словами отношения переводной эквивалентности. Согласно А. Вежбицкой, слово *happy* является «повседневным словом» в английском языке, а *happiness* обозначает «эмоцию, которая ассоциируется с „настоящей“ улыбкой» [Wierzbicka 1992с: 297–298]. По мнению сторонников теории «базовых эмоций», выделяемых на основании соответствующих им универсальных особенностей мимики, к их числу относится и эмоция, обозначаемая в англ. языке словом *happiness*...

Русское *счастье*, очевидно, ни в коей мере не является «повседневным словом»: как уже говорилось, оно однозначно принадлежит к «высокому» регистру и несет в себе очень сильный эмоциональный заряд, следствием чего являются две противоположные тенденции в его употреблении. Одна вытекает из установки на аскетизм, антигедонизм и некоторую скромность, или стыдливость, – которая заставляет избегать произнесения «высоких»

слов, относящихся к разряду «неприличных», непроизносимых. Одновременно имеется другая, противоположная тенденция, соответствующая русскому стремлению говорить «о главном» и *выворачивать душу наизнанку*.

Далее, ни в каком смысле *счастье* не относится в русском языке к числу «базовых эмоций». В отличие от англ. *happy*, констатирующего, что состояние человека соответствует некоторой норме эмоционального благополучия, русское слово *счастлив* описывает состояние, безусловно отклоняющееся от нормы. *Счастье* относится к сфере идеального и в реальности недостижимого; находится где-то рядом со «смыслом жизни» и другими фундаментальными и непостижимыми категориями бытия.

Англ. *happy*, очевидно, соотносится скорее с рядом *доволен, удовольствие*, а иногда даже оказывается близко к *удовлетворен*, ср. следующие примеры:

a.— Are you thinking of applying for a transfer? — No, I am quite *happy* where I am;

b. I am *happy* with the present arrangement;

c. Over ten years ago, when I first stumbled on the problem of Latin prefixes, I found that I was not *happy* with the description provided by the dictionaries.

Таким образом, русские слова *счастлив, счастье*, по-видимому, не имеют эквивалента в английском языке. Что касается других европейских языков, А. Вежбицкая считает, что в противоположность «более слабому» англ. *happiness*, франц. *bonheur* и нем. *Glück* выражают «общеевропейский» концепт чувства, которое «переполняет человека, не оставляя в нем места ни для каких других желаний» [Wierzbicka 1992с: 299].

Толкование Вежбицкой для англ. *happy* состоит из следующих компонентов:

happy, happiness

— нечто хорошее произошло (происходит) со мной

— я этого хотел

— я не хочу ничего другого

Толкование для общеевропейского концепта *heureux, glücklich, счастлив* etc. (отличающиеся элементы выделены жирным):

heureux, glücklich, счастлив

— нечто **очень** хорошее произошло (происходит) со мной

— я этого хотел

— **все хорошо**

— я **не могу** хотеть больше (другого)

Действительно, слова фр. *bonheur, heureux* и нем. *Glück, glücklich* и по значению и по употреблению значительно ближе к русскому *счастье, счастлив*, чем к англ. *happiness, happy*, хотя и здесь имеются некоторые весьма существенные различия. Главное из них состоит в отсутствии такого сильного эмоционального заряда и его последствий. Так, по-французски совершенно нормально звучат фразы типа *Est-il heureux en France? Est-il heureux avec son pere?* (например, в ситуации, когда обсуждается внутреннее состояние ребенка, родители которого живут в разных странах). Буквальный перевод подобных фраз на русский язык *Он счастлив во Франции?*

Он счастлив с отцом? звучит по меньшей мере странно; более точным переводом — и более уместным выражением в данной ситуации — было бы что-то вроде *Ему хорошо (во Франции, с отцом и т.д.)?*

Следует упомянуть также различия в употреблении фр. *heureux* и русского *счастлив*, обусловленные тем, что во французском языке отсутствует эквивалент русскому *рад* (и тем самым область, обслуживаемая в русском языке тремя словами — *счастлив*, *рад*, *доволен*, — распределяется между двумя: *heureux* и *content*). Значение русского предикатива *рад* в целом соответствует существительному *радость*, хотя и является несколько ослабленным за счет употребления в этикетных формулах вроде *рад тебя видеть*. Слово *доволен* отстоит несколько дальше от существительного *удовольствие*, так как обозначает состояние, в большей степени «рациональное»: *доволен* связано не только с *удовольствием*, но также и с *удовлетворением*. В конструкции с изъяснительным придаточным (*Я рад/доволен, что...*) оба предикатива приобретают ментальную составляющую, и их смысловая оппозиция оказывается несколько слабее, чем у существительных *радость* и *удовольствие*. Сохраняется лишь общая идея противопоставления «высокого» и «альтруистического» в *рад* — «гедонистическому» и «низкому» в *доволен*. Но так или иначе, поскольку эквивалент русскому *рад* во французском языке отсутствует, фразы типа *Я рад, что у тебя все в порядке, что твой сын поступил в университет, что ты к нам приедешь* и т. п. могут быть переданы по-французски с использованием либо слова *content* (= ‘доволен’), что неточно семантически, либо слова *heureux* в несколько «сниженном», «ослабленном» значении.

Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. —
М.: Языки славянской культуры, 2005. —
Часть III. Человек: душа и тело. —
С. 153—174.

Вопросы и задания

1. С какими научными областями тесно связано исследование языковой картины мира?
2. Какие разграничения должен проводить исследователь при изучении языковой картины мира?
3. Какие единицы формируют, по мнению автора, языковую картину мира? На основе каких критериев определяются ключевые слова и ключевые идеи?
4. Назовите черты русского характера, традиционно отмечаемые исследователями в области культурной антропологии. Согласны ли вы с их утверждениями?
5. Дайте оценку описанию семантических различий слов *радость* и *удовольствие* в русском языке, *счастлив*, *счастье* и *happy*, *happiness* в русском, английском и их коррелятов в других языках.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

I. Сведения об ученых, чьи работы включены в *Хрестоматию*

1. **Гумбольдт, Вильгельм фон** (1767–1835) – немецкий языковед и философ, основатель Берлинского университета (1809). Рассматривал язык как непрерывный творческий процесс, деятельность человеческого духа. Язык как деятельность исходит, по В. фон Гумбольдту, из глубин человеческого существа; он есть отображение «изначальной языковой способности, заложенной в человеке в виде <...> смутно осознаваемых принципов деятельности и актуализирующейся с помощью субъективной активности говорящего» (ЛЭС, с. 123). В трактовке языка у В. фон Гумбольдта переплетаются *деятельностный* (язык как деятельность духа) и *натуралистический* подходы к данному феномену (язык как организм духа).
2. **Сепир, Эдуард** (1884–1939) – американский языковед и этнограф, ученик Ф. Боаса (первое поколение учеников). Изучая языки американских индейцев, разработал, совместно с Б. Л. Уорфом, концепцию влияния языка на структуру мышления. Эта концепция получила название гипотезы лингвистической относительности (иначе, гипотезы Сепира – Уорфа).
3. **Уорф, Бенджамин Ли** (1897–1941) – американский языковед и этнограф, ученик Ф. Боаса (второе поколение учеников). Первоначально работал в страховой компании, где, анализируя причины пожаров, заметил взаимосвязь между языковой составляющей ситуации и поведением человека. Исследовал языки американских индейцев (язык хопи). Разработал, совместно с Э. Сепиром, теорию о влиянии языка на структуру мышления (гипотезу лингвистической относительности).
4. **Степанов Юрий Сергеевич** (1930–2012) – российский лингвист, академик Российской академии наук. Разрабатывал проблемы теории языка, семиотики, истории балто-славянских языков, французского языка. Предложил концепцию трехмерного пространства языка. Анализировал общие свойства культуры и языка, параллели в их организации, многозначность их единиц.
5. **Ладо, Роберт** (1915–1995) – американский лингвист и этнограф. Его работа «Лингвистика поверх границ культур», опубликованная в 1957 году, дала толчок развитию одного из направлений в лингвистике XX века – контрастивной лингвистики, которая занимается сопоставительными исследованиями языков с целью выявления их сходств и различий на всех уровнях языковой структуры.

6. **Гак Владимир Григорьевич** (1924–2004) – российский лингвист, разрабатывал проблемы романистики и теории языка. Рассмотрел язык как сферу культуры; сопоставил факты культуры, имеющие языковое выражение, в интеркультурном аспекте и выявил их асимметрию; проанализировал причины неоднозначности интерпретации одних и тех же явлений культуры и языка.
7. **Коул, Майкл** (р.1938) – американский психолог 2-й половины XX века (Калифорнийский университет). После защиты докторской диссертации стажировался в России у известного психолога А. Р. Лурии. Исследовал влияние социального окружения на особенности протекания психических процессов (восприятия, памяти, усвоения языка). Включил культурную переменную в анализ психических процессов, обосновал необходимость разработки новой ветви в психологии – культурно-исторической психологии.
8. **Вежбицкая, Анна** (р. 1937) – польский лингвист, живет в Австралии. Исследует ряд сложнейших проблем лингвистики, среди которых взаимодействие языка и культуры, определение элементарных универсальных смыслов (так называемого алфавита человеческих мыслей), организации человеческих знаний (теория прототипов). Анализирует отражение в английском и русском языках особенностей культуры их носителей.
9. **Булыгина Татьяна Вячеславовна** (1929–2000) – российский лингвист, исследователь семантики русского и литовского языков, проблем функциональной грамматики; анализировала особенности языка как знаковой системы, а также отражение особенностей русского национального характера в языке.
10. **Шмелев Алексей Дмитриевич** (р.1957) – российский лингвист, исследователь в области референции, аспектологии, семантики, лексикологии, контрастивной лингвистики, языковой картины мира.
11. **Зализняк Анна Андреевна** (р.1959) – российский лингвист, исследователь в области лексической семантики, контрастивной семантики и семантической типологии, русской аспектологии, языковой картины мира для русского языка в межкультурной перспективе.

II. Информация об ученых, упоминаемых в текстах *Хрестоматии*

1. **Арутюнова Нина Давидовна** (1923–2018) – российский лингвист. Исследовала логико-семантические основы предложения. С ее именем связаны разработка теории номинации, теории метафоры, взаимодействия языка и культуры. Проанализировала понятие нормы и рассмотрела соотношение нормы и аномалии в языке.
2. **Барлетт, Фредерик Чарльз** (1886–1969) – английский психолог, исследовал влияние прошлого опыта на усвоение новой информации. Рассматривал мыслительный процесс как завершение незавершенных ситуаций, экспериментально доказал динамизм мыслительных структур.
3. **Бейтсон, Грегори** (1904–1980) – английский психолог. Проводил полевые работы в Новой Гвинее, анализировал модели конфликтов и других социальных взаимодействий, разрабатывал проблему вторичного научения.
4. **Блумфилд, Леонард** (1887–1949) – американский лингвист, основоположник дескриптивной лингвистики. Изучал языки американских индейцев, исключал значение языковых единиц из процесса исследования. Считал значение главным препятствием для превращения лингвистики в точную науку. Сторонник бихевиоризма.
5. **Боас, Франц** (1858–1942) – американский лингвист и этнограф. Исследовал языки и культуру американских индейцев. Один из основоположников дескриптивной лингвистики. Отказался от понятия слова как единицы языка.
6. **Брендаль, Вигго** (1887–1942) – датский лингвист, создатель Копенгагенского лингвистического кружка. Рассматривал язык как систему отношений (функций); считал, что языковые единицы не существуют самостоятельно, а представляют собой результат пересечения пучков отношений. Выделил наречие как часть речи на основании обобщенно-логических критериев; разрабатывал теорию субстрата.
7. **Брунер, Джером Сеймур** (1915–2016) – американский психолог, исследовал влияние потребностей и ценностей на восприятие.
8. **Гердер, Иоганн Готфрид** (1744–1803) – немецкий философ. Анализировал вопрос происхождения языка, утверждал равноценность различных эпох развития культуры.
9. **Кребер, Альфред Луис** (1876–1960) – американский этнограф. Исследовал языки американских индейцев, предполагал исконное генетическое родство всех индейских языков. Разрабатывал метод глоттохронологии наряду с М. Сводешем и К. Кретьеном.

10. **Малиновский Бронислав Каспер** (1884–1942) – английский этнограф и социолог, представитель функциональной школы в этнографии США. Разработал теорию, согласно которой язык и культура обладают общими свойствами: в языке и культуре проявляются потребности, обусловленные социальной и биологической природой человека.
11. **Парсонс, Толкотт** (1902–1979) – американский социолог, представитель школы структурно-функционального анализа в социологии.
12. **Тайлор, Эдуард Бернетт** (1832–1917) – английский этнограф, создатель эволюционной школы в этнографии. Исследовал первобытную культуру, анализировал в культуре эволюционные ряды.
13. **Торндайк, Эдуард Ли** (1874–1949) – американский психолог, создатель теории обучения методом проб и ошибок. Разрабатывал проблемы тестирования и статистических методов в области образования.
14. **Успенский Борис Андреевич** (р. 1937) – российский лингвист. Исследователь в области русистики, лингвистики универсалий, истории славянских языков. Проследил взаимодействие церковнославянского и русского языков в диахронии и выявил переход от диглоссии (строгое разграничение сфер употребления используемых в обществе языков) к двуязычию на Руси в XVII веке.
15. **Фергюсон, Чарльз Алберт** (1921–1998) – американский этнограф. Исследовал проблемы социолингвистики, ввел понятие диглоссии.
16. **Фриз, Чарльз Карпенгер** (1886–1967) – американский лингвист, представитель дескриптивной лингвистики (Аннаборская школа, Мичиганский университет). Исследовал лексико-грамматические классы слов на основании их дистрибуции (функциональные слова, слова-субституты и т.д.), а также связь языка с культурой и социальным окружением.
17. **Щерба Лев Владимирович** (1880–1944) – русский лингвист, академик, глава Ленинградской фонологической школы. Разрабатывал проблемы функциональной грамматики, лексикографии, культуры речи.
18. **Плунгян Владимир Александрович** (род. 1960) — российский лингвист, специалист в области типологии и грамматической теории, морфологии, корпусной лингвистики, африканистики, поэтики; один из создателей Национального корпуса русского языка.

Учебное издание

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Хрестоматия

Составители *З. А. Харитончик, Г. Н. Третьякова*

Ответственный за выпуск *З. А. Харитончик*

В авторской редакции
Компьютерная верстка *Е. А. Запеко*
Оформление обложки *Т. С. Соловьевой*

Подписано в печать 17.01.2025 г. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография, цифровая печать. Усл. печ. л. 7,44. Уч.-изд. л. 8,06. Тираж 185 экз. Заказ 2.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337.

ЛП № 38200000064344 от 10.07.2020 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.